Ганс Юрген Айзенк

ЗИГМУНД ФРЕЙД. УПАДОК И КОНЕЦ ПСИХОАНАЛИЗА

Издательство «Лист-Ферлаг», Мюнхен, 1985

Сокращенный перевод немецкого издания: Hans Jürgen Eysenck, Sigmund Freud: Niedergang und Ende der Psychoanalyse. List Verlag, München, 1985.

(Цитаты из произведений Фрейда преимущественно не переводились заново, а были взяты из переводов, размещенных в Интернете.)

Английский оригинал: The Decline and Fall of the Freudian Empire, Viking Penguin, London, 1985.

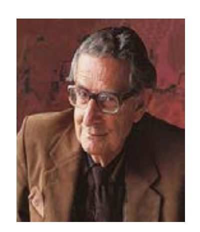
Перевод с английского языка на немецкий Хорста Дитера Розакера.

Перевод с немецкого языка на русский: Виталий Крюков, Киев, 2016 г.

О книге: Название этой книги отражает ее содержание. В ней Ганс Юрген Айзенк осуществляет «генеральное наступление» на Зигмунда Фрейда (1856-1939), на его школу и на методы лечения, которые данная школа защищает. Ученый демонстрирует, что методы фрейдистской терапии противоречат эмпирически доказанным фактам.

Что особенного содержится в этой новой книге известного психолога? Айзенк доказывает, что творчество Фрейда и результаты его трудов своеобразным образом связаны с обстоятельствами жизни самого исследователя. Айзенк хоть и не претендует на полное научное новаторство – его размышления основываются на работах его видных коллег, но ему удается в понятной форме объяснить теорию Фрейда даже тем читателям, которые совсем мало знают о психоанализе. Так он информирует читателя о том, что узнала современная наука о правде и лжи фрейдистского учения. Он делает доступным материал, затрагивающий широкий круг тем: толкование снов, психопатологию обыденной жизни, фрейдистский психогенез, экспериментальное изучение психоаналитических теорий и другие аспекты.

Критика посчитает тезисы Айзенка спорными. Но как раз к этому и стремится автор. Он представляет читателю противостоящие друг другу мнения на основе фактов – комментарии и интерпретации добавляются лишь там, где они служат объяснению.

Об авторе: Ганс Юрген Айзенк (родился 4 марта 1916 года в Берлине, умер 4 сентября 1997 года в Лондоне) – британский учёный-психолог немецкого происхождения, один из лидеров биологического направления в психологии, создатель факторной теории личности, автор популярного теста интеллекта.

Сын актёров немого кино Эдуарда Айзенка и Хельги Моландер. В молодости Айзенк увлекался астрологией и даже посылал гороскопы руководителям нацистской партии. Вскоре после прихода к власти нацистов эмигрировал в Англию. Планировал поступить на физический факультет, однако требования к поступающим там оказались иными, чем в Германии, и в результате он выбрал психологию. Образование получил в Лондонском университете (доктор философии и социологии). С 1939 по 1945 год работал в качестве психолога-экспериментатора в госпитале Mill Hill Emergency. С 1946 по 1955 год – заведующий основанного им отделения психологии при Институте психиатрии госпиталей Маудсли и Бетлем. С 1955 по 1983 год – профессор Института психологии при Лондонском университете. С 1983 года – почётный профессор психологии.

Ряд исследований Айзенка были восприняты как «шокирующие»; их темы, вполне нормальные для нацистской Германии, в Европе представлялись неприемлемыми. В частности, он исследовал психологические различия между представителями различных рас. Американские оптовые и розничные книготорговцы отказались распространять книгу Айзенка «Спор о коэффициенте интеллекта» («The IQ Argument», 1971) из-за полученных угроз насилия и поджогов, так что приобрести эту книгу в США в начале 1970-х годов оказалось невозможно. Американские газеты в те годы отказались от публикации рецензий на неё.

Айзенк – один из основателей клинико-психологического направления исследований в Великобритании. Он известен многочисленными работами в области исследования расстройств личности, ее структуры, факторов развития. Айзенком внесен значительный вклад в разработку психодиагностических методов, поведенческих методов лечения неврозов и других расстройств личности, проблем исследования интеллекта. Ганс Айзенк является автором оригинальной модели личности, двухфакторной теории социальных установок личности, трехфакторной теории памяти.

Ганс Азйзенк был «бунтарем» в современной психологии. Он обосновано подвергал критике многие психологические теории, в частности, фрейдовский психоанализ, и стремился внести в психологию объективные научные методы исследования.

Айзенк основал журналы «Personality and Individual Differences» и «Behaviour Research and Therapy» и работал их редактором.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ВВЕДЕНИЕ

В этой книге речь идет о Зигмунде Фрейде и психоанализе. Существует уже много таких книг, и читатель по праву мог бы спросить, почему он должен тратить деньги на покупку еще одной книги такого рода, чтение которой, к тому же, потребует от него затрат драгоценного времени. Ответ на этот вопрос очень прост. Подавляющее большинство книг по этой теме были написаны психоаналитиками или, по меньшей мере, авторами, взгляды которых близки к взглядам школы Фрейда. Эти книги некритические, они не отражают альтернативные теории и представляются скорее орудием в пропагандистской кампании, нежели объективными оценками современного состояния психоанализа. Естественно, есть и исключения из этого правила, и некоторых из наиболее значительных авторов среди них я также назвал в главе, посвященной библиографии, в конце моей книги. К сожалению, такие важные новые книги как труды Саллоуэя, Элленбергера, Торнтон, Риллаера, Роузена, Фромкин, Тимпанаро, Грюнбаума,

Клайна и других, либо очень обширны, либо чисто технической природы. Они необходимы для специалиста, но их едва ли следует рекомендовать читателю, не обремененному предварительными профессиональными знаниями, который, тем не менее, хотел бы знать, что узнала современная наука о правде и заблуждениях учения Фрейда. Поэтому я, учитывая интересы тех читателей, которые хотели бы вынести свой собственный приговор, подробно ссылался в моей книге на наиболее важные для истории науки труды, в том случае, если в них содержался тщательно обработанный доказательный материал, и фактические события, публикации и другие общедоступные свидетельства были представлены с надежной достоверностью. В этом отношении эта книга, естественно, основывается на собранных знаниях этих авторов, а также и многих других, результаты исследований которых тоже были использованы при ее написании. Однако моя книга, во всяком случае, претендует на оригинальность в кратком обзоре огромного объема данных, который на широком поле психоаналитических усилий покрывает разнообразие тем, таких как толкование снов, психопатология обыденной жизни, успехи или воздействия аналитической психотерапии, психоистория и антропология, экспериментальное исследование психоаналитических теорий и так далее. Я старался найти популярную форму изложения, чтобы сделать понятной эту область знаний также тем людям, которые хоть и обладают некоторыми поверхностными знаниями о фрейдистском психоанализе, но не получили какого-либо специального образования в области психологии или антропологии. Для меня самого такое преобразование изобилия данных в короткий и понятный текст было полезным опытом. При этом мне пришлось расстаться с некоторыми предвзятыми мнениями, и я могу только поблагодарить всех тех экспертов, работами которых я воспользовался при написании моей книги, за то, что они помогли решить многие загадки и парадоксы, которые прежде заставляли меня ломать голову.

На различные темы, о которых говорится в этой книге, я уже читал многочисленные лекции, и почти неизбежно они представлялись организаторами этих лекций как «спорные». Также в случае этой книги я не сомневаюсь в том, что критики назовут ее «спорной». Между тем я вовсе не могу согласиться с этим ярлыком, так как я, все же, пытался исходить из доказанных фактов, насколько это было возможно, и добавлял ровно столько комментариев и интерпретаций, сколько это казалось необходимым для разъяснения определенных вопросов. Выводы этой книги можно было бы назвать спорными в смысле противоречия более ранним устаревшим оценкам, но сами по себе это отнюдь не делает их спорными. Это только показывает, что наше знание ушло далеко вперед и вместе с тем возросло наше понимание, и что новые открытые факты заставляют посмотреть на Фрейда и психоанализ в ином свете.

Многие из этих новых данных и свидетельств вызвали сильные сомнения в тезисах Фрейда и его приверженцев. Влияние идей Фрейда постоянно убавлялось, и то всеобщее почитание, которым пользовался психоанализ, тоже уменьшалось. Отсюда также заголовок этой книги.[1]

То, что такой упадок имел место, едва ли станет подвергать сомнению кто-то, кто знаком с нынешними общераспространенными мнениями в среде психиатров (т.е. врачей, профессионально занимающимися клиническим лечением расстройств психики), психологов (специалистов в области научного изучения человеческого поведения), философов, антропологов и историков в Соединенных Штатах и в Великобритании. Там попросту распространилось отрезвление. Иначе обстоит дело только лишь в Южной Америке, во Франции и в нескольких других странах, где до сих пор упрямо придерживаются устаревших «динамических» программ и теорий. Все же, сомнения начинают возникать также в этих странах, так что это только вопрос времени, пока специалисты и там тоже не согласятся с мнением своих коллег в США и Великобритании.

Когда я занялся трудами Фрейда, я встал на чисто (естественно-) научную точку зрения. Многие современники считают такой подход слишком строгим, ибо они настаивают на том, что вклад Фрейда состоит не столько в научном изучении человеческого поведения, сколько в развитии герменевтики, т.е. интерпретации и толкования таких духовных феноменов, как искусство и литература. Другие ссылаются на значение творчества Фрейда для решения общественных вопросов, или же они вообще рассматривают его как пророка и новатора – как человека, который изменил наши обычаи и нравы, в частности, нашу сексуальную мораль, и – как когда-то Моисей – привел людей в некий новый мир.

Ну, тут можно было бы сказать, что в какой-то мере Фрейд подходит ко всем этим ролям, но, все же, я не настолько компетентен, чтобы детально судить об этом. Чтобы оценить значение пророков, новаторов или поэтов, нужны, само собой разумеется, глубокие знания истории, социологии или литературы и литературной критики. Я не могу утверждать, что обладаю такими знаниями, и, следовательно, я также не даю никаких комментариев относительно данных сторон творчества Фрейда.

Тем не менее, я могу кое-что сказать об утверждении, что Фрейда, мол, нужно рассматривать вовсе не как обычного ученого, а как создателя и главного представителя целого научного направления, а именно герменевтического. Ибо этот аргумент без промедления был бы отвергнут самим Фрейдом, что доказывает следующая цитата:

«С точки зрения науки здесь необходимо начать критику и приступить к отпору. Недопустимо говорить, что наука является одной областью деятельности человеческого духа, а религия и философия – другими, по крайней мере, равноценными ей областями, и что наука не может ничего сказать в этих двух областях от себя; они все имеют равные притязания на истину, и каждый человек свободен выбрать, откуда ему черпать свои убеждения и во что верить. Такое воззрение считается особенно благородным, терпимым, всеобъемлющим и свободным от мелочных предрассудков. К сожалению, оно неустойчиво, оно имеет частично все недостатки абсолютно ненаучного мировоззрения и практически равнозначно ему. Получается так, что истина не может быть терпимой, она не допускает никаких компромиссов и ограничений, что исследование рассматривает все области человеческой деятельности как свою вотчину и должно быть неумолимо критичным, если другая сила хочет завладеть ее частью для себя».[2]

С таким подходом я могу только согласиться. Он указывает – и можно найти еще много других подобных мест из его работ – на то, что Фрейд хотел быть ученым в традиционном смысле. И те из его преемников, которые теперь задним числом принижают значение науки и требуют для своего мэтра какого-то места где-то там высоко наверху между философией и религией, оказывают этим лично ему плохую услугу. В действительности Фрейд жаловался – как когда-то Карл Маркс – на недостаточное понимание со стороны своих сторонников, и, как Маркс настаивал на том, что он не «марксист», Фрейд также разъяснял, что он – «не фрейдист». Без сомнения, Фрейд увидел бы измену в сегодняшних попытках лишить его звания ученого и направить его на герменевтический путь. В согласии с этим я предпочел обсуждать Фрейда по критериям его собственного самопонимания и обращаться с его творчеством как с вкладом в настоящую науку.

В этой связи я хотел бы с самого начала прояснить еще одно обстоятельство. Когда я говорю о попытке рассматривать Фрейда как ученого и обращаться с психоанализом как с вкладом в сферу научных исследований, то я ни в коем случае не хочу вместе с тем унизить искусство, религию или другие формы человеческого опыта. Искусство всегда имело для меня самое большое значение, и я не могу представить себе жизнь без поэзии, музыки, спектаклей или живописи. Я также осознаю, что для многих людей религия имеет чрезвычайно большое значение, и в их жизни она играет более важную роль, чем искусство или наука. Однако из этого вовсе не следует, что у науки со своей стороны есть теперь та же самая значимость, что у искусства или религии. Скорее у всех трех этих областей есть своя общественная функция, и вы ничего не выиграете, если будете поступать так, как будто бы нет разницы в том, чтобы выбрать одну из них за счет других. Истина, которую испытывает в своих переживаниях поэт, –

это не та истина, которую познает ученый, и поэтическое отождествление истины с красотой, в принципе, абсолютно бессмысленно. Хотя и может существовать некая связь между той поэтической правдой и правдой герменевтики, все же, для ученого, который основывается на голых фактах, правда состоит в закономерных обобщениях универсальной действительности, которые поддаются доказательству и экспериментальной проверке. Все это очень далеко от правды поэзии, музыки, живописи или спектакля. Однако Фрейд интересовался как раз этой научной правдой, из-за чего его и следует судить только по тем критериям, которые применимы для научной правды.

Позвольте мне пояснить различие между поэтической и научной правдой еще раз на примере. Когда Джон Китс размышляет о соловье, лорд Теннисон об орле или Эдгар Аллан По о вороне, то они, конечно, не пытаются этим внести какой-то вклад в зоологию. В каждом из случаев поэт отражает во всем только для самого себя мир своих чувств, это значит, что он интересуется исключительно личной, эмоциональной реакцией, изсходя из определенного внутреннего опыта. Под таким углом зрения самонаблюдения этот опыт, без сомнения, сообщается ими правдиво. Все же, речь при этом идет об индивидуальной, а отнюдь не универсальной правде, как раз о поэзии, а не о науке.

Это различение очень важно, так как многие верят, что поэты знают больше о человеческой природе, чем психологи, и что Шекспир, Гёте или Пруст якобы были лучшими психологами, чем, например, Вундт, Уотсон или Скиннер. Здесь как всюду мы сталкиваемся с непреодолимой пропастью между индивидуальной и универсальной правдой. Если, например, Элизабет Баррет Браунинг хочет убедить нас: «Безнадежная скорбь лишена страсти», то мы должны спросить себя: Действительно ли это совпадает с психиатрическим опытом с депрессивными пациентами? Если Шекспир говорит в игре слов: «Drink provokes and unprovokes leachery...» что значит: пьянство создает и забирает наслаждение, так как оно хоть и возбуждает желание, однако, в то же время мешает добиться результата – действительно ли это так?

(Вот сцена из классического перевода «Макбета» Бориса Пастернака, где приводится данная фраза:

«Привратник: Гуляли, сударь, чтобы не соврать, до вторых петухов, а пьянство, известное дело, всегда до трех вещей доводит.

Макдуф: До каких же это трех вещей?

Привратник: Покраснеет нос, завалятся люди спать и без конца на двор бегают. Ведет вино также к бабничанью, волокитству. Наводит на грех и от греха уводит. Хочется согрешить, ан дело и не выходит. В отношении распутства – вино вещь предательская, лукавая. Само ставит на дыбы, само заставляет падать силами. Само обольщает, само уличает в обмане». – прим. перев.)

Психолог принялся бы здесь задавать педантично точные вопросы, например: Связано ли это с количеством употребленного алкоголя или с видом алкоголя, или с концентрацией алкоголя или с составом алкогольного напитка и т. д. Или он провел бы эксперименты, которые могут показать, что (неалкогольный) плацебо-напиток, который объект исследования принимает при условиях, которые заставляют его думать, что он пьет алкоголь, приводит к тому же эффекту, что и настоящий алкогольный напиток. Или он подтвердил бы, что воздействие алкоголя в значительной степени зависит от социальных обстоятельств, при которых тот потребляется, к примеру, на дружеской вечеринке или же в частной уединенности. Он также мог бы показать, вероятно, что экстраверты и интроверты обычно реагируют на алкоголь очень по-разному. Конечно, в шутке Шекспира есть что-то правильное, но этого «чего-то» для нас недостаточно.

И еще последний пример. В каком смысле мы можем говорить, что *Отелло* – это универсальный тип ревнивца, *Фальстаф* – тип бездельника или *Ромео* – тип любящего? Они все – неповторимые фигуры, которые несут в себе свою индивидуальную правду; но, конечно, эту правду нельзя обобщать. Прежде всего, это нельзя делать, если подумать о возможных последствиях такого обобщения. Прочтите эту книгу и однажды серьезно спросите самого себя, у кого бы вы попросили совета, если бы вам пришлось иметь дело с ребенком, который постоянно бьется головой, или со страдающим ночным недержанием мочи или с человеком, который постоянно моет руки – у Шекспира, Гёте, Пруста или же у несентиментального бихевиориста, который все-таки может почти с уверенностью гарантировать вам, что вылечит это расстройство за несколько недель. Задать вопрос – это уже значит ответить на него. Решать такие практические проблемы – это не задача поэта, так же как поэтическое возвращение в мыслях к ушедшему чувству или создание отдельного, необычного, неповторимого характера не может быть задачей психолога. Приверженцы герменевтики напрасно пытаются преодолеть эту пропасть – пропасть остается.

Для ученого особое значение имеют два средства для поиска правды. Первое – это квалифицированная и конструктивная критика. Для действующего ученого нет ничего более полезного, чем слышать, как его теории и представления обсуждаются и критикуются его собратьями по цеху. Так как если критика обоснована плохо, то он может быть уверен, что его идеи выдержат такое испыта-

ние. Если же, напротив, такая критика хорошо обоснована, то он будет знать, что он должен изменить свои теории или вообще отказаться от них. В этом смысле критика – это кровь сердца науки.

С другой стороны, психоаналитики, и, в особенности, сам Фрейд, всегда отвергали любой вид критики и с самого начала научились обескураживать потенциальных критиков. Обычно их стратегия сводилась к тому, чтобы приписывать своим критикам «психодинамическое сопротивление», происхождение которого должно было крыться в неразрешенном эдиповом комплексе или в чем-то похожем – поистине, странный метод избавляться от своих противников! Все равно, по каким причинам и из каких соображений выступает тот или иной критик, но аргументы, которые он приводит, можно обсуждать и отвечать на них, исключительно опираясь на существенные факты и принимая во внимание их логическую связность. Слишком хорошо известны попытки «демонстрировать *ad hominem*», т.е. атаковать человека, который говорит, а не то, что он, собственно, говорит. Такая тактика, как известно, обычно является последним убежищем тех, кто не в состоянии ответить на критику объективными аргументами. Само собой разумеется, что этому виду контркритики не место в серьезной научной дискуссии.

Напротив, такие же приемы также использовались, чтобы критиковать Фрейда. Например, некоторые из его противников утверждали, что психоанализ – это специфически еврейское учение и основывается якобы на еврейском воспитании и школьном образовании Фрейда. Я не могу судить о том, справедлив ли этот аргумент или нет; все же, это абсолютно несущественно в любом случае. Теории Фрейда должны подвергаться проверке на испытательном стенде наблюдений и экспериментов, где их правильность или ложность может быть определена объективно. Еврейская среда, в которой Фрейд вырос и жил, не может повлиять на эту проверку ни в положительном, ни в отрицательном смысле. При историческом и биографическом рассмотрении биография Фрейда вполне может представлять интерес – но под аспектом правильности его учения, несомненно, нет. Только в одном моменте дело обстоит несколько иначе. Он касается собственного невротического заболевания Фрейда и связи этого расстройства с его отношением к отцу и матери. Если правда, что Фрейд создал свою теорию эдипова конфликта на основании своих собственных детских впечатлений, тогда это было бы таким положением вещей, которое в высшей степени существенно для оценки его теории. Для обоснования этой гипотезы я в дальнейшем попытаюсь подтвердить, что творчество Фрейда действительно уникальным образом связано с его личностью, и эта констатация буквально требует обсуждения, даже если, в конечном счете, вопрос о правильности его учения не зависит от его происхождения.

Тот же аргумент справедлив также относительно нескольких более новых публикаций, которые утверждают, что Фрейд якобы осознанно изменил свои теории, и вовсе не потому, что они были ошибочны, а потому, что они могли вызвать вражду к нему. Это главная тема книги Дж. М. Мэссона с заголовком *Freud: The assault on Truth* (по-немецки приблизительно: «Изнасилование Фрейдом правды»). Мэссон, который имел доступ к архивам Фрейда и проанализировал, в частности, его переписку с Вильгельмом Флиссом, приходит к выводу, что Фрейд осознанно скрывал свои знания о конкретных случаях растления детей, умышленно фальсифицируя собственный клинический материал, как и высказывания своих пациентов, и без учета данных фактов развивал свои представления о травматических «сексуальных фантазиях» и «эдиповых импульсах». Согласно Мэссону, Фрейд обосновывал этим ту «тенденцию бегства от реальности, которая стала корнем нынешней очевидной во всем мире стерильности психоанализа и психиатрии». Мэссон мог бы быть прав, но, конечно, эти свидетельства недостаточно обоснованы, чтобы доказать это утверждение. Как бы то ни было – мотивы Фрейда в действительности не особо важны для вопроса о правильности или ошибочности его теорий. В первоначальной «теории соблазнения» содержится не больше правды, чем в более поздней ««фантазийной теории». Обе теории следует объяснять на основании надежных фактов, эмпирических исследований и результатов экспериментов, но, не принимая во внимание гипотетические мотивы, которые могли повлиять на создание Фрейдом его теорий.

Наряду с конструктивной критикой, второе оружие в арсенале науки – это выдвижение альтернативных гипотез. В научном исследовании на самом деле очень редко бывают ситуации, в которых существует только одно ясное объяснение для какого-то конкретного феномена; обычно имеются и альтернативные возможности объяснения, и полагающийся на эксперименты исследователь должен придумать эмпирические тесты, которые найдут выбор между альтернативами. Такой Experimentum crucis, решающий, главный эксперимент – это хоть и редкое событие в истории науки, все же, постоянная попытка найти правильную из конкурирующих теорий является существенным элементом научного прогресса. Также в этом отношении позиция психоаналитиков, и прежде всего Фрейда, всегда была недружелюбна или даже просто враждебна. Вместо того чтобы приветствовать альтернативные гипотезы, как например, те, которые связаны с Павловым и теориями, опирающимися на условные рефлексы, они попросту отказывались принимать во внимание само их существование и, следовательно, никогда также не обсуждали их серьезно. Также никогда не приводился доказательный материал, на основании которого можно было бы принять решение, какая теория лучше объясняет факты. Я попытался – в рамках ограниченного объема этой книги, разумеется, и, если это было важно для нашей

темы – указать на теории, которые противоречат фрейдистским, и направить внимание на доказательства, свидетельствующие о том, что эти теории лучше согласуются с наличествующими данными. Продолжительная враждебность фрейдистов по отношению ко всем формам критики – как бы хорошо обоснована она ни была – и по отношению к хорошо обоснованным альтернативным теориям, не очень-то свидетельствует в пользу их научной позиции. Следовательно, при оценке психоанализа как научной дисциплины нельзя обойти этот темный момент.

Против научного статуса психоанализа обращается еще один аргумент, который часто выдвигается теоретиками науки (Philosophers of Science), который, однако, на мой взгляд, ошибочен, и поэтому также не должен приниматься слишком всерьез. Как известно, сэр Карл Поппер предлагает делать различие между наукой и псевдонаукой, причем критерий для этого – это так называемая фальсифицируемость. (Поппер пишет: «Критерием научного статуса теории является её фальсифицируемость, опровержимость, или проверяемость» – прим. перев.) Согласно этому критерию, наука определяется с учетом ее способности выдвигать проверяемые гипотезы, которые в принципе могут быть фальсифицированы – опровергнуты – с помощью экспериментов или наблюдений. Поппер приводит как примеры псевдонаук, в случае с которыми нет никаких поддающихся проверке гипотез, психоанализ, марксизм и астрологию. Ну, на самом деле есть значительные трудности в планировании хороших экспериментов для упомянутых интеллектуальных конструкций, все же, они кажутся не большими, чем трудности разработки подходящих тестов для проверки теории относительности Эйнштейна. Ни один человек, который знаком с психоанализом, марксизмом или астрологией, не станет спорить с тем, что во всех этих трех системах учений делаются высказывания и прогнозы, которые вполне можно проверить экспериментально, и я покажу в следующих главах, что, по меньшей мере, для психоанализа возражение Поппера ошибочно. В то же время я докажу, что теории Фрейда не находят никакой опоры в существующих результатах экспериментов и серий наблюдений – другими словами: они провалили тесты. Не может быть сомнения в том, что эти теории поддаются фальсификации. Это значит, однако: Если бы фальсифицируемость была адекватным критерием для различения между науками и псевдонауками, то психоанализ вполне должен был бы рассматриваться как наука. Логическим образом также более новые теоретики науки, как например, Адольф Грюнбаум, указали на несущественность научного критерия Поппера для психоанализа и посчитали в связи с этим, что его логичные нелепости и его неспособность считаться с объективными фактами являются гораздо более важными причинами, чтобы рассматривать психоанализ как псевдонауку, а не как науку.

Эту критику Фрейда и его приверженцев можно, естественно, распространить – даже в усиленной мере – на тех его учеников, которые расстались с ним и самоуверенно расширили свой собственный круг, а именно на Карла Густава Юнга, Альфреда Адлера и других. Примечательно, что большинство из них даже отказались от претензий Фрейда на точную и в принципе строго детерминистскую науку и открыто обратились – в особенности Юнг – к мистицизму. Я хотел бы, однако, сконцентрироваться в этой книге исключительно на Фрейде и его учении.

В нашем контексте нужно отметить еще один момент. Иногда говорят, что теории Фрейда вообще не нуждаются в каких-либо естественнонаучных доказательствах в традиционном смысле, так как они якобы обрели свою опору «на кушетке». Как указал Грюнбаум, этот аргумент неприемлем. Все же, независимо от этого для тех, кто соизволит аргументировать таким образом, остается неразрешимой проблема выбора между очень различными теориями, которые все утверждают, что подтверждаются как раз этим же способом. Как мы можем, однако, сделать выбор без строго контролируемых экспериментов между различными «динамическими» теориями, которые предлагаются нам? Должны ли мы полагаться на что-то вроде голландского аукциона, при котором цена опускается до тех пор, пока не найдется покупатель, или вообще на выбор в духе того, который происходит обычно у стола с холодными закусками – можно брать кусочек отсюда и кусочек оттуда, исключительно по собственному желанию, сноровке и в подражании мэтрам... Конечно, и то и другое означало бы полностью покинуть почву науки, так как именно наличие столь многих различных теорий делает тем более актуальным поиск средств и методов для установления степени соответствия этих теорий истине в чисто научном смысле.

В чем же состоит существенное содержание учения Фрейда? Если кратко: в психоанализе можно различать – согласно общепринятой точке зрения – три аспекта. Прежде всего, психоанализ можно понимать как *общую психологическую теорию*, которая занимается вопросами мотивации, личности, развития детей, памяти и другими знаменательными сторонами человеческого поведения. Иногда предполагают – и не без причины – что психоанализ занимается важными и интересными проблемами, хотя и ненаучными методами, в то время как академическая психология научным путем занимается вещами, которые для большинства людей являются эзотерическими и неинтересными. Это не совсем так, так как даже школьная психология рассматривает вопросы личности, мотивации, памяти и тому подобное, все же, она делает это, без сомнения, менее «интересным» способом, чем Фрейд и фрейдисты. Во-вторых, психоанализ – это *терапевтический метод и метод лечения.* В действительности Фрейд разрабатывал его как таковой, а именно в связи с лечением Йозефом Брейером (Бройе-

ром) якобы истеричной пациентки *Анны О.* Как мы увидим позднее, *Анна* на самом деле не была психиатрическим случаем. Скорее она страдала от серьезной физической болезни, и то «излечение», о котором утверждалось, вовсе не было излечением. Несмотря на это, психоанализ нашел самое большое распространение именно как терапевтический процесс, и так как этот процесс в значительной мере зависит от общей психологической теории, которую приняли приверженцы Фрейда, успех или неудача лечения имеет решающее значение, как теоретически, так и практически. В-третьих, психоанализ может рассматриваться как *метод исследования и метод изучения*. Если сам Фрейд сначала был в восторге от возможностей психоанализа как метода лечения, то постепенно им овладел гораздо больший скепсис, и, наконец, он посчитал, что он останется в памяти людей, пожалуй, не столько как великий терапевт, сколько как автор метода для исследования психических процессов. Что касается последнего, то этот метод основывается на так называемых свободных ассоциациях, при которых исходят от определенного слова или представления, или сцены, которая, со своей стороны, происходит от сновидения, оговорки или описки, или из иного источника. Пациент или исследуемый субъект начинает от этой исходной точки цепь ассоциации, которая ведет – по словам Фрейда – без исключения в сферы личных желаний и интересов и при этом часто обнаруживает бессознательный материал, важный для понимания мотивов действия и для перехода к настоящей терапии. В действительности свободная ассоциация – как еще будет показано – была открыта сэром Фрэнсисом Гальтоном, который осознал ее достоинства задолго до Фрейда. И если и можно с уверенностью сказать о некоторых позитивных свойствах свободной ассоциации как (диагностической) техники, то она, во всяком случае, с научной точки зрения в высшей степени слаба – причины этого мы обсудим ниже.

Созданную Фрейдом модель духовной жизни человека часто сравнивали с гидравлической системой, которая направляет энергию (как воду в системе труб) из одной части психики в другую. Эту аналогию из бабушкиных времен Фрейд приводит снова и снова, хотя это определенно не совпадает с тем, что мы знаем (сегодня) о способе работы человеческой психики. Как бы то ни было, точка зрения Фрейда была следующей: Если какое-либо представление подходит для того, чтобы чрезмерно возбудить нервную систему, то эта энергия перераспределяется таким способом, что угрожающие элементы не могут попасть в сознание и остаются в бессознательном. Эта энергия должна быть либо (в более ранней формулировке теории) сексуальной природы, либо природы самосохранения, или (в более поздней формулировке) принимать сладострастную или агрессивно-деструктивную форму. Однако, то бессознательное, о котором здесь говорится – это максимально спекулятивная мысленная конструкция Фрейда – не в том смысле, что она появилась из его создания теории, наоборот: филосо-

фы и психологи уже две тысячи лет гипостазировали бессознательные процессы (мы еще вернемся ко многим из этих предшественников), а из-за той своеобразной формулировки, которую Фрейд дал бессознательному. Он приписывает ему как раз те силы и тенденции, подтверждение которых не было возможным для более поздних исследований. Впрочем, его собственная теория с ходом времени изменилась разнообразным способом, и изменилась настолько сильно, что едва ли можно было бы достичь единодушия относительно того, что, собственно, точно понималось у Фрейда под «бессознательным».

Все-таки можно считать твердо установленным, что вся психическая система стремится к тому, чтобы поддерживать распределение энергии в равновесии, причем она защищается от угрожающих ей изнутри и снаружи опасностей разнообразным способом. Эти так называемые защитные механизмы стали не в последнюю очередь такими известными потому, что их названия, в особенности сублимация, проекция, регрессия, рационализация и другие практически попутно уже передают их значение. Во всяком случае, Фрейд был убежден в том, что защита такими средствами находится в распоряжении не только невротика или психотика, подвергнутого травматическому событию, с которым не может справиться его «Я», но также и нормальной личности, которая должна бороться с эмоциональными трудностями. С этой целью у подрастающего грудного ребенка и маленького ребенка развивается интрапсихическая структура, которая состоит из «Оно» (биологического источника энергии), «Я» (части системы, которая обращена к реальности) и «Сверх-Я» (части, содержащей совесть и самоконтроль).

Кроме того, психология Фрейда постулирует определенные фазы, которые в своем развитии проходит каждый индивидуум вплоть до времени созревания (мы позже еще обсудим их подробно). Они все «сексуальной» природы – это слово стоит здесь в кавычках, так как Фрейд часто использовал его в намного более широком смысле, чем это допускает наше обычное словоупотребление, все же, они должны относиться не только к половым органам, а – уже перед их образованием – также к зоне рта и заднему проходу. И если развитие, мол, не происходит правильным путем, то велика вероятность того, что этот человек, став взрослым, будет проявлять невротическое или психотическое поведение. И это особенно легко может произойти, если те механизмы защиты, которые использовались в прошлом для защиты сознания от опасных психических элементов, сломаются.

Особенный признак развития у маленького мальчика состоит в том, что он влюбляется в свою мать и желает спать у нее; напротив, отец рассматривается им в качестве могущественного врага, который в состоянии подавлять ребенка

и даже кастрировать его. Это и есть содержание знаменитого эдипова комплекса. По мнению Фрейда, будущее здоровье ребенка полностью зависит от того, как он справляется с этой конфликтной ситуацией.

Фрейдистская терапия ставит себе целью вернуть обратно на поверхность вытесненный или бессознательный материал, сделать его осознанным. Терапевт, который применяет метод свободных ассоциаций, выстраивает особенную, называемую передачей связь с пациентом, которая, в принципе, соответствует сильному эмоциональному соединению пациента с ним и служит для того, чтобы вызвать излечение; определенным способом она походит на узы между отцом и ребенком. Приводит ли эта связь, однако, действительно к излечению, естественно, это и есть решающий вопрос; и можно с самого начала сказать, что специалисты почти единогласно отвечают на этот вопрос отрицательно.

Таковы основные элементы психоанализа, которые ограждают – хотя и сильно упрощенно – по крайней мере, то поле, которое обработал автор этой книги. Большинство читателей, без сомнения, уже сталкивались с некоторыми аспектами психоанализа, так что я рассматриваю определенные предварительные знания как данность. Тем не менее, я в подходящих местах включил важную для отдельных глав детальную информацию. Однако я не буду ссылаться – кроме нескольких исключительных случаев – на многих учеников, которые взбунтовались против Фрейда и создали свои собственные теории. Само собой разумеется, среди них есть несколько видных личностей, прежде всего, К. Г. Юнг, далее также Мелани Кляйн, Вильгельм Штекель и Альфред Адлер. Между тем выходящий за пределы этого перечень всех известных имен едва ли был бы возможен, ведь можно исходить из того, что в одном только Нью-Йорке теперь существует примерно сто различных школ психоанализа. То, что эти аналитики находятся между собой в состоянии войны на уничтожение, указывает на основную слабость учения Фреда. Так как это учение полностью субъективно в своем методе доказательства, оно не в состоянии предоставить методы, с которыми можно было бы сделать правильный выбор между альтернативными теориями. Ну, и наша книга посвящена теории Фрейда, а не мятежникам среди его учеников, и поэтому мы сконцентрируемся только на вкладе самого мэтра.

----

[1] Буквальный перевод английского заголовка звучит: «Упадок и крах фрейдистской империи».

[2] S. Freud (1916/17) 35. Vorlesung (Neue Folge) zur Einführung in die Psychoanalyse u.d.T. Über eine Weltanschauung, StAI, стр. 587f.

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Фрейд как человек

«Сомнение – неприятное состояние, но уверенность – это абсурд».

Вольтер

Эта книга посвящена психоанализу, той психологической теории, которая уже почти столетие назад была сотворена Зигмундом Фрейдом. Сам Фрейд был убежден в том, что в психоанализе он создал основы для подлинной науки о человеческой душе. Более того, он претендовал на то, что разработал метод для лечения психически больных, который один лишь мог бы привести к долговременному исцелению. Теперь наша задача – оценить сегодняшнюю значимость учения Фрейда вообще, и, в частности, проверить его претензии на научный статус его гипотез так же, как и истинную ценность его терапевтических методов. При этом мне показалось неизбежным сначала представить Фрейда как человека – как ту странную, противоречивую и окутанную тайной личность, которая стоит за теорией и практикой психоанализа.

С различных точек зрения признанные ученые посчитают это намерение – в особенности как экспозицию – довольно излишним. Когда мы обсуждаем квантовую механику, то мы ведь тоже не начинаем обычно с описания личности Макса Планка; когда мы обсуждаем теорию относительности, биографии Ньютона и Эйнштейна едва ли интересуют нас. Между тем, в случае Фрейда для адекватного понимания дела его жизни невозможно не уделить определенное внимание ему самому как личности. В конце концов, большая часть психоаналитической теории происходит из исследования самим Фрейдом своей невротической личности: в его работе об интерпретации снов – так называемом *Толковании сновидений* 1900 года – он ссылается на анализ собственных снов. И его идеи о методике лечения преимущественно происходят из его усилий анализировать себя самого и таким способом справляться со своими невротическими проблемами. Говорили, что Фрейд был единственным человеком, который смог взвалить свой собственный невроз на плечи всего мира и сформировать человечество как будто бы по своему (больному) образу и подобию. Это, конечно, значительный результат; заслуживает ли он того, чтобы рассматривать его еще и как научный результат, это уже другой вопрос, которым мы еще займемся подробно в следующих главах.

В действительности психоанализ все же представляется многим ученым скорее как произведение искусства, нежели как произведение науки. В искусстве все зависит только от художественной силы воображения; все же, искусство субъективно, и – в отличие от создания научной теории – в нем нет кумулятивного прогресса. Так, например, наша сегодняшняя физика, несомненно, намного превосходит физику Ньютона, но наши спектакли или драмы намного уступают творениям Шекспира и даже древних греков. Наша поэзия едва ли сможет помериться силами с поэзией Мильтона, Вордсворта или Шелли, зато наша математика ушла далеко вперед в сравнении с математикой Гаусса или других великих математиков былых времен. И вот, как поэт или драматург обычно ссылается на свою собственную жизнь, так и Фрейд тоже приобрел свои познания из очень личных опытов, из своего эмоционального волнения и своих невротических реакций. В этом отношении психоанализ хоть и может быть приемлем как художественная форма выражения, но научной дисциплиной он, конечно, не является, и по этой причине он всегда вызывал протесты со стороны ученых и теоретиков науки (Philosophers of Science).

Сам Фрейд очень хорошо осознавал этот факт, и он иногда заявлял, что он, в сущности, не ученый, а конкистадор. Раздор в этом вопросе, впрочем, глубоко укоренился в его сознании, и он часто говорил противоречивые вещи о степени научности своего творчества, как и психоанализа вообще. Эти сомнения еще нужно будет подробно обсудить ниже; здесь мы хотим только подчеркнуть, что психоанализ знаменательным, даже фундаментальным способом отклоняется от принципов чистой науки. «Тем хуже для науки!», так тоже снова и снова говорилось. «Что же в ней настолько неопровержимо, что можно было бы так просто отвергнуть чудесную проницательность такого мыслителя и пророка!» Такая позиция даже часто проявляется самими психоаналитиками, которые хотели бы видеть понятие «наука» интерпретируемым по-новому, так, чтобы это понятие включало в себя и психоанализ. Но и с этим Фрейд, несомненно, не согласился бы. Он хотел, чтобы психоанализ понимался как наука в традиционном смысле, и подобные стремления показались бы ему только некомпетентными переистолкованиями труда всей его жизни. Для него психоанализ был либо чистой наукой, либо же он был просто ничем. Мы также рассмотрим этот вопрос еще раз – в последней главе. Но, забегая вперед, мы уже хотели бы сказать, что мы в этой книге хотим подробно проанализировать как раз претензии ортодоксального психоанализа на научность. При этом мы используем слово «наука» в строгом смысле, а именно как *естественную науку,* а не как *гуманитарную науку.* Как известно, эти оба термина традиционно используются в немецкоязычном пространстве для различения между естественнонаучными исследованиями, с одной стороны, и литературными и историческими исследованиями, с другой, в то время как понятие *«наука»* обозначает в равной мере оба вида

академического исследования. [Англосаксонская традиция, напротив, говорит только о «Science».]

Зигмунд Фрейд (Фройд) родился 6 мая 1856 года в маленьком городе Фрайберг в австрийской в те времена Моравии – примерно в 250 километрах к северо-востоку от Вены (сегодня эта область принадлежит Чехословакии). Его мать была третьей женой торговца сукном, и Зигмунд был ее первым ребенком, в то время как у отца было уже два взрослых сына от первого брака. Молодая женщина, которая была на двадцать лет младше своего мужа, родила ему еще семерых детей; все же, Зигмунд был и оставался ее «бесспорным любимцем», тем более что никто из его братьев и сестер не мог сравниться с ним. Это предпочтение со стороны матери позволило Фрейду позже говорить, что его стойкость по отношению к бесчисленным проявлениям враждебности происходила как раз из этого опыта, мамина любимца. Кстати, семья была еврейской, хотя и не ортодоксальной.

Когда Зигмунду было четыре года, бизнес его отца начал приходить в упадок, и, наконец, семья переселилась в Вену. Там он мог посещать гимназию Шперля, где он проявил себя хорошим учеником. Семь лет он был первым учеником в классе. Особенных успехов он добился в языках. Он владел латынью и греческим языком и скоро также мог читать свободно на английском и французском языке; кроме того, он позже выучил еще испанский язык и итальянский язык. Больше всего он интересовался такими предметами, как немецкий язык и философия. Но когда в семнадцатилетнем возрасте он поступил в Венский университет, он выбрал изучение медицины. До получения университетского диплома прошло восемь лет, после чего он сначала предался своим склонностям к химии и зоологии. Затем он учился и шесть лет занимался исследованиями в физиологической лаборатории Эрнста Вильгельма Риттера фон Брюкке и опубликовал в специальных журналах несколько статей о своей работе там. Из-за необходимости самостоятельно зарабатывать себе на жизнь он сдал, наконец, экзамен по медицине и в 1882 году стал работать младшим ординатором в Общей больнице в Вене. Там он мог и дальше заниматься интересовавшими его исследованиями, которые вели его теперь в область анатомии мозга. Он все-таки занимался неврологией до достижения сорокаоднолетнего возраста и опубликовал многочисленные монографии об афазии (утрате способности речи) и церебральных параличах у детей и пр.

В возрасте 29 лет он был назначен приват-доцентом невропатологии. Кроме того, он получил стипендию для учебной поездки, которая позволила ему пятимесячное пребывание с учебной целью у Шарко в Париже. Шарко прославился своей демонстраций техники гипноза, и действительно, собственно, именно эта

связь с Шарко окончательно отвлекла внимание Фрейда от (нейро-) физиологии и направила его интерес на чисто психологические проблемы. После своего возвращения из Франции он женился и открыл неврологическую частную практику. Но его целью все равно было и оставалось достижение научной славы. Для этого он на основании своих наблюдений за пациентами разрабатывал теорию, которая, как он утверждал, не только могла объяснить невротические расстройства, но и, кажется, одновременно позволяла ему добиться излечения, что многие из его коллег до сих пор напрасно пытались.

Без сомнения, честолюбие играло в жизни Фрейда большую роль; еще студентом он писал своей невесте о своих «будущих биографах». Одна такая ранняя попытка добиться известности с помощью открытия привела его к исследованию потенциального применения кокаина. При этом основной интерес Фрейда касался болеутоляющих и в то же время вызывающих эйфорию качеств кокаина, все же, он узнал, что это средство могло помочь ему самому преодолевать периодические приступы депрессии и апатии, которые часто прерывали его работу и угрожали парализовать его в духовном плане. К несчастью, он не уделил внимания вызывающему зависимость компоненту кокаина, так что он действительно беспечно и без разбора рекомендовал это вещество в семье и в кругу друзей, и даже выступал за его применение вообще в одной статье. Как мы еще увидим позже, в развитии Фрейда кокаин сыграл решающую роль.

Следуя за Шарко, Фрейд применял гипноз у частных пациентов своей неврологической клиники, но был, тем не менее, разочарован полученными результатами. Вместо этого он начал интересоваться новым методом лечения истерии, с которым его познакомил его старый друг, невропатолог Йозеф Брейер (Бройер). Истерия была одним из самых частых нервных заболеваний того времени. Эта болезнь сопровождается параличами и другими физическими расстройствами, которые происходят без узнаваемых органических причин. Сегодня эта, по-видимому, сильно зависимая от культуры болезнь исчезла почти полностью. Когда один из моих докторантов захотел провести исследование о способности истериков развивать условные рефлексы, он на протяжении многих лет смог разыскать лишь совсем небольшое число пациентов, у которых были, по крайней мере, частично симптомы этого классического нервного заболевания.

Одной из тогдашних пациенток Брейера была Берта Паппенгейм (Паппенхайм), одаренная молодая дама из хорошей семьи, случай болезни которой был опубликован позже под псевдонимом *Анна О.* Брейер под гипнозом вводил ее в расслабленное состояние и просил ее высказывать открыто все, что приходило ей на ум – это «лечение речью» (катарсический метод), кажется, был истоком всей более поздней так называемой «(психо-) терапии с помощью беседы». И вот, во

время этих сеансов пациентка вскоре вспомнила определенные подробности произошедшей давно сильной эмоциональной реакции на некий мучительный инцидент, который она вытеснила, очевидно, из своего сознания; это говорение подействовало как «катарсис» – очищение – и как последствие ее симптомы исчезли. Мы еще увидим, что это заключение, содержащееся в опубликованных совместно Фрейдом и Брейером в 1895 году *Очерках об истерии,* было коренным образом неправильным. В действительности девушка вообще страдала не от невроза, а от тяжелой физической болезни – и она также вовсе не была «излечена» примененным к ней катарсическим (катартическим) методом. Здесь, как и во многих других опубликованных Фрейдом случаях, медицинское заключение совершенно не соответствовало фактам.

Как бы то ни было, во время этого лечения возникли осложнения вследствие того, что между Брейером и его привлекательной пациенткой развилась сильная эмоциональная связь, что вызвало ревность жены Брейера, и он прекратил лечение, чтобы уехать с нею во второе свадебное путешествие в Венецию. Фрейд, со своей стороны, перенявший метод лечения Брейера, заменил гипноз методом свободных ассоциаций. При этом он выбрал в качестве исходной точки определенные события из сновидений своих пациентов, которыми теперь преимущественно были женщины, и поощрял их, чтобы они говорили все, что приходило им в голову об определенных деталях того, что происходило во сне.

Метод свободных ассоциаций как таковой первоначально происходит от сэра Фрэнсиса Гальтона, знаменитого английского натуралиста и одного из основателей Лондонской школы психологии. Он использовал, впрочем, так же, как К.Г. Юнг сорок лет спустя, список из ста слов и просил субъекты исследования (или себя самого) произнести самое первое слово, которое становилось им осознанным; при этом он измерял их время реакции. Он был очень поражен изобилием смыслов ассоциаций и воодушевленно писал об этом в английском специальном журнале *Brain:*

«Они обнажают сущность человеческой мысли с такой удивительной отчетливостью и открывают анатомию мышления человека с такой живостью и достоверностью, чем он обычно признался бы в этом перед другими..., вероятно, самое сильное впечатление, которое оставляют эти эксперименты, касается разнообразия той работы, которую делает дух в наполовину бессознательном состоянии, а также тот обоснованный аргумент, который они дают для предположения о существовании еще более глубоких, полностью опустившихся под порогом сознания слоев мыслительных процессов и возможно также учитываются феномены мышления, которые не могут быть объяснены по-другому».[1]

Есть еще и другой показательный отзыв Гальтона об его экспериментах с ассоциациями со словами. Результаты, говорит он,

«... дали мне интересное и неожиданное представление о том количестве операций сознания, и скрытых глубинах, в которых они совершаются, которые я так мало осознавал раньше. Общее впечатление, которое они оставили во мне, походит на то, которое многие из нас испытали, когда подвал нашего дома оказывался в состоянии капитального ремонта, и мы впервые осознавали всю эту сложную систему канализации, газо- и водопроводов, вытяжных труб, проводов и т.д., от которых зависит наш комфорт, но которые обычно скрыты от наших глаз, и чье существование, покуда они хорошо работали, никогда не беспокоило нас».[2]

Карлос Блэкер, бывший генеральный секретарь [созданного по инициативе Гальтона] Евгенического общества Великобритании, писал в своей книге о Гальтоне, что, как он узнал, примечательным фактом было то, что Гальтон – нерешительный мужчина, который в сексуальном плане испытывал сильные сдерживающие затруднения – так решительно и целеустремленно применял к самому себе придуманный им самим метод исследования, и что он смог прийти к таким выводам. Его достижения – это свидетельство его откровенности, как и его силы воли. Так как он преодолел в себе самом то «сопротивление», проломить которое, собственно, и было одним из заданий аналитика.

По словам самого Гальтона, возложенное им на самого себя задание было «... очень отвратительной и утомительной работой, и только благодаря сильному самоконтролю я смог выполнить свой план, как было задумано».

Более поздние работы Фрейда и Юнга, без сомнения, расширяют сделанные Гальтоном выводы, даже если ни в одном важном моменте нет, собственно, настоящих различий.

Что касается Фрейда, то он был тогда подписчиком журнала *Brain* и поэтому почти наверняка мог знать о трудах Гальтона. Но удивительно то, что он никогда не ссылался на эти более раннее эксперименты, и не признавал за Гальтоном приоритета в вопросе существования бессознательных мыслительно-психических процессов. Это типично для Фрейда, который вообще был очень скуп в признании вклада своих предшественников, независимо от того, насколько непосредственно они предвосхитили его собственные работы. В дальнейшем мы приведем еще и другие примеры такого рода.

Под давлением нескольких невротических симптомов Фрейд подверг самого себя продолжительному самоанализу. Полученный благодаря этому и своей работе врача-невропатолога опыт привел его к тому, чтобы сконцентрировать внимание на событиях детства и придавать большое значение, в частности, сексуальному развитию в раннем детстве для появления неврозов и развития личности вообще. Как уже упоминалось, он анализировал также свои собственные сны и опрашивал с целью разъяснения определенных деталей свою мать. Фрейд как раз верил, что нашел в появляющемся материале остатки вытесненных аффектов из своего раннего детства, в особенности деструктивные и враждебные чувства против своего отца и в то же время интенсивное расположение к матери. Мы уже догадываемся: это было рождение эдипова комплекса.

В 1900 году Фрейд опубликовал свое первое большое произведение о психоанализе, а именно *Толкование сновидений.* Он продолжал публиковаться, собрал вокруг себя группу учеников (с ними он позже основал *Венское психоаналитическое общество)* и добился, наконец, титула профессора. Своими сподвижниками он правил как настоящий диктатор, причем тех, кто не соглашался с ним безоговорочно, он незамедлительно исключал из этого кружка. Самым знаменитым из изгнанных был, несомненно, Карл Густав Юнг.

Психоанализ с тех пор остался культом, враждебно настроенным по отношению ко всем чужакам и решительно не приемлющим критику, какой бы обоснованной она ни была. Кроме того, он и дальше настаивает на ритуалах инициации, которые включают несколько лет учебного психоанализа у членов объединения.

Нет большой надобности детально рассматривать более поздние события в жизни Фрейда; те из них, которые важны для последующих глав, будут упомянуты в соответствующем месте. В остальном заинтересованный читатель может найти многочисленные биографии Фрейда. К сожалению, большинство из этих жизнеописаний, если не все, были написаны как бы агиографами – т.е. восторженными почитателями своего героя, которые не могли увидеть ничего отрицательного в их вожде и учителе, и которые даже в самом маленьком слове критики увидели бы святотатство. Вследствие этого даже объективные факты представляются ошибочно или интерпретируются неправильно, так что этим трудам можно доверять лишь в малой степени.

Но то же самое можно сказать и о собственных работах Фрейда; он не был в этом отношении достойным доверия авторитетом – вспомним только об уже упомянутом неуважении им приоритета других исследователей, неважно, насколько очевидным мог быть этот приоритет для историка науки. Он был,

очевидно, полон решимости, чтобы создать легенду вокруг своей личности и своих достижений. При этом он видел себя в роли древнего героя, который должен был бороться с враждебным окружением и вопреки преследованию, наконец, как победитель возвращается домой. В действительности ему, при поддержке верных соратников, удалось в итоге произвести впечатление на мир с помощью этого совершенно неискреннего изображения самого себя. Тем не менее, ни один человек, знакомый с настоящими историческими событиями и их подоплекой, не мог бы не заметить расхождения между рассказами Фрейда о событиях и самими этими событиями. Поэтому при чтении и анализе работ Фрейда и его приверженцев рекомендуется обращать внимание на ряд правил, которые мы в дальнейшем рассмотрим подробно; при этом у нас будет достаточно примеров, которые показывают, какую пользу мы можем извлечь из применения этих правил.

Первое правило – оно особенно важно для каждого, кто хотел бы узнать правду о психоанализе и Фрейде – звучит так: *Не верьте ничему тому, что написано где-нибудь о Фрейде, не требуя при этом соответствующих доказательств. И, прежде всего, не верьте, если это было написано Фрейдом или другими психоаналитиками!* Иными словами, то, что там утверждается, часто является неправильным и может быть даже полной противоположностью того, что происходило в действительности. Фрэнк Дж. Саллоуэй говорил в этой связи о «мифе героя в психоаналитическом движении» и описывал это следующими словами:

«Мало есть фигур в науке – если все же, таковые имеются вообще – кто так овеян легендами как Фрейд. ... Традиционное изображение достижений Фреда приобрело свои мифологические пропорции за счет исторического контекста».[3]

В этом смысле Саллоуэй видит в пропасти между происходившим на самом деле и тем, как об этом происходившем рассказывается, «предпосылку для возникновения эффектных мифов, которые неизбежно пытаются отрицать историю... Виртуально [т.е. практически] все важные легенды и недоразумения традиционного исследования Фрейда» ... «выросли из тенденции создания этого «мифа о герое»».

Читатель может удивиться тому, почему он должен верить Саллоуэю (или также автору этих строк) больше, чем самому Фрейду. И, разумеется, в любом случае, рекомендуется обращаться к оригинальным данным. К счастью, это облегчается тем, что некоторые историографы фрейдистского движения тоже публикуют многочисленные документы, как это делает и Саллоуэй. Если на этих страницах написано что-то, что звучит невероятно, то у заинтересовавшегося читателя всегда остается возможность прочитать лежащие в основе текста источники.

Для нашего хода мысли в упомянутой книге Саллоуэя содержится обширная документация самых важных источников, которые как раз из-за своей полноты очень полезны для дальнейшего использования. При этом мы воздержимся при случае от излишнего приведения отдельных доказательств, тем более, что глава, посвященная библиографии, содержит еще дальнейшие указания.

Согласно Генри Элленбергеру,[4] есть два главных признака, которые характеризуют героический миф в истории психоанализа. Первый признак – это подчеркивание интеллектуальной изоляции Фрейда на протяжении его решающих лет первооткрывателя, а также преувеличенно враждебное восприятие его теорий общественностью, которая, мол, не была подготовлена к этим открытиям. Второй признак героической легенды подчеркивает «абсолютную оригинальность» Фрейда как ученого, причем ему приписываются открытия, которые уже ранее были сделаны его предшественниками, современниками, соперниками и приверженцами. Саллоуэй комментирует:

«Такие мифы о Фрейде как герое психоанализа очень далеки от того, чтобы быть лишь случайным побочным продуктом его очень харизматической личности или его богатой событиями биографии. И они также не являются только неумышленными искажениями биографических фактов. Скорее биография Фрейда стала основой для архетипической схемы, которая является общей почти для всех героических мифов, и его биография часто была переписана, чтобы подойти для этой архетипической схемы, всегда, когда суггестивные биографические детали сначала указывали дорогу к этому».

Если мы обратимся к традиционному героическому мифу, то мы – по словам Джозефа Кэмпбелла[5] – всегда сначала как с существенным элементом сталкиваемся с каким-то «опасным путешествием», в котором всегда есть три постоянных мотива, а именно «изоляция, посвящение (инициация) и возвращение домой». «Призванию к приключению» часто предшествует какое-то случайное событие – в случае Фрейда это был необычный процесс лечения *Анны О.* Будущий герой может некоторое время отвергать этот зов – Фрейд оставил нерешенную проблему в покое на шесть лет – и толчок к его запоздавшему принятию может прийти от постороннего защитника – у Фрейда это был Шарко, который вернул его на путь истинный. Затем герой видит себя подвергнувшимся тяжелым испытаниям, причем при определенных обстоятельствах его вводят в заблуждение женщины, которые выступают как искусительницы, и он отклоняется от своего пути. Тут можно вспомнить об ошибочной «теории соблазна» Фрейда, о маленьких детях, у которых, когда они стали взрослыми, развивается невроз, потому что они всегда подвергались растлению в своем детстве; как известно, этого представления Фрейд придерживался долгое время до открытия

детской сексуальности и эдипова комплекса. В этой фазе на передний план выходит тайный помощник и помогает герою – здесь мы можем назвать его друга Флисса, который советом и делом поддерживал Фрейда во время его мужественного самоанализа. Следующий этап путешествия героя самый опасный: он идет – следуя Кэмпбеллу – «...внутрь... опускается в глубины, где преодолевается темное сопротивление, и оживляются давно забытые, считавшиеся исчезнувшими силы, которые должны быть поставлены на службу изменению мира».[6]

Саллоуэй сравнивает историю о героическом самоанализе Фрейда с аналогичными эпизодами древних, окутанных мифами героев, как например, Энея, который спускался в ад, чтобы узнать свою судьбу, или Моисея, который осуществил исход израильтян из Египта. Широко известный психоаналитик Курт Айслер (Эйслер) такими словами описывает способ, которым этот самоанализ был интерпретирован так, чтобы он вписался в героическую схему:

«Героизм – люди склонны называть это так – который был нужен, чтобы осуществить это предприятие, все еще не был оценен в достаточной мере. Но каждый, кто когда-то подвергался личному анализу, будет знать, насколько силен импульс убежать от постижения в бессознательное и вытесненное... Когда-то самоанализ Фрейда займет замечательное место в духовной истории, так же, как и то обстоятельство, что он вообще произошел, вероятно, навсегда останется проблемой, которая озадачивает психолога».[7]

Возвращение домой следует за изоляцией и посвящением; когда архетипический герой проходит свой испытательный срок, он появляется как человек, который обладает силой для того, чтобы принести большие благодеяния его ближним. Все же, даже теперь дорога героя не легка: Распространение его нового учения наталкивается на сильное сопротивление, так как многие не понимают его послание. Наконец, однако – после длительной борьбы – его, все же, принимают как мэтра, он получает свое вознаграждение, и пожинает подобающую ему славу.

Теперь Саллоуэй очень детально проверил восприятие первых произведений Фрейда со стороны круга специалистов, так же, как общую критику и при этом констатировал удивительные нелепости. Так Эрнест Джонс, официальный биограф Фрейда, сообщает нам, как тот через полтора года после публикации его классического произведения *Толкование сновидений* жаловался на то, что все еще «ни один научный журнал и только некоторые немногие другие упомянули эту книгу. Ее просто игнорировали». Однако из пяти общих рецензий на это произведение три были решительно отрицательными. Вывод Джонса звучит так:

«Редко важная книга встречала такой небольшой отклик».

Но и этого недостаточно: В то время как эта книга о снах «была воспринята как фантастическая и комичная», *Три очерка по теории сексуальности,* в которых Фрейд оспаривал детскую невинность в сексуальных вопросах, были восприняты «... как шокирующая непристойность. Фрейд должен был быть дурным и непристойным человеком», и его «нападение на первоначальную невинность детей было (в глазах пуританских критиков) непростительным».[9]

Фрейд пытался в своем *Автопортрете* пробудить очень похожее впечатление:

«Больше, чем через десятилетие после отдаления от Брейера у меня не было приверженцев. Я был полностью изолированным. В Вене меня избегали, заграница обо мне не знала. *Толкование сновидений,* 1900, едва ли было упомянуто в специальных журналах».

И он на одном дыхании продолжает, что «теперь я принадлежу к тем, кто «помешал сну мира» и что я не могу рассчитывать на объективность и снисхождение».[10]

Все это хорошо согласуется с прекрасным мифом об изоляции героя в начале его путешествия; напротив, взгляд на исторические данные показывает, что первоначальное принятие теорий Фрейда было совсем другим, чем это позволяют предположить традиционные описания Pro Domo. По исследованиям Бри и Рифкина, *Толкование сновидений*

«было отрецензировано сначала, по меньшей мере, в одиннадцати общих или специальных журналах, в том числе в семи из области философии и теологии, психологии, нейропсихиатрии, парапсихологических исследований и уголовной антропологии. Рецензиями были индивидуальные описания, а вовсе не простые рутинные уведомления, и в общей сложности они составляли больше 7500 слов. Промежуток времени между публикацией и рецензией составляет в среднем один год, что вовсе не непомерно. Для эссе «О сне» [1901a] мы разыскали 19 рецензий, которые все были опубликованы в медицинских и психиатрических специальных журналах, с итоговой суммой 9500 слов и со средним промежутком времени восемь месяцев. Похоже на то, что книги Фрейда о снах были подробно и быстро отрецензированы в признанных журналах, в том числе в наиболее выделяющихся из них в соответствующих областях.

Кроме того, издатели международных ежегодных библиографий в области психологии и философии выбрали для включения в свои списки книги Фрейда о

снах. В этой стране [США] *The Psychological Index* включил *Толкование сновидений* всего через четыре месяца после публикации. Приблизительно в конце 1901 года работа Фрейда была предложена вниманию врачей, психиатров, психологов и вообще образованных кругов на международном уровне».

Наконец, Бри и Рифкин констатируют относительно качества работ:

«Несколько рецензий основательны и очень компетентны, некоторые написаны авторами, которые сами добились существенных результатов в этой области, все рецензии выдержаны в почтительном тоне. Возражения выдвигаются только после непредвзятого резюме основных тезисов содержания книги».[11]

Если сложить вышеуказанные цифры, то в итоге получается, что только о работах Фрейда о сновидениях было написано не менее тридцати отдельных рецензий, состоящих из в целом 17 000 слов – какой резкий контраст к тому, что утверждали Фрейд, Джонс и большинство других биографов Фрейда об этом периоде его творчества. Также не соответствует действительности и то, что рецензенты в целом, как утверждается, якобы восприняли новое учение Фрейда о снах с враждебностью. Уже самая первая опубликованная рецензия описывала его книгу 1900 года как «эпохальную». И психиатр Пауль Нэке, который пользовался международным уважением в этой области и отрецензировал много медицинских книг в немецкоязычных странах, назвал *Толкование сновидений «... с психологической точки зрения самым глубоким, что до сих пор смогла представить психология снов.*.. в целом оно... цельное и гениально продуманное». (Курсив Нэке)[12]

Немецкий психолог Уильям Штерн написал интересную рецензию, которую Джонс – вместе с другими – оценил как «почти уничтожающую», «как будто это было полным замалчиванием».[13]

В качестве возражения приведем здесь то, что на самом деле писал Штерн:

«Ценным представляется мне, прежде всего, стремление [автора] не ограничиваться при объяснении жизни сновидения сферой жизни представления, играми ассоциаций, фантазийной деятельностью, соматическими отношениями, а указать на разнообразные, так немного известные нити, которые опускаются в более твердый мир аффектов и, вероятно, только в действии делают понятным форму и выбор материала представления. И в остальном книга содержит много подробностей высокой стимулирующей ценности, тонкие наблюдения и теоретические озарения: в первую очередь, однако, исключительно обширный мате-

риал об очень точно зарегистрированных снах, который должен быть очень желанным для каждого, кто работает в этой области».[14]

Уничтожающая рецензия?

Как, однако, обстоят дела с *Тремя очерками по теории сексуальности?* На самом деле они тоже – по словам Бри и Рифкина – были хорошо приняты научным миром и получили, по меньшей мере, десять рецензий, которые – хотя и не без критики – однозначно приветствовали работу Фрейда. Давайте снова посмотрим, что об этом сочинении писал Нэке:

«Автор не мог бы назвать какое-либо другое произведение, которое в такой сжатой форме так остроумно и богато мыслями обращается с важными сексуальными проблемами. Читателю и даже специалисту раскрываются новые горизонты, и учителям и родителям предоставляется новое учение для понимания сексуальности детей... Однако автор [имеется в виду Фрейд] слишком уж обобщает свои тезисы... Так же, как каждый человек особенно любит своих детей, так и автор любит свои теории. Если мы иногда не в состоянии следовать за ним здесь и в кое-чем другом, то это только в малой степени лишает целое его ценности... Читатель только сам может составить правильное представление об огромном богатстве содержания. *Не многие книги могли бы настолько стоить своих денег, как эта!*» (Курсив Нэке).[15]

И другой известный исследователь сексуальности писал в очень уважаемом в свое время ежегоднике, «что ни одна другая опубликованная в 1905 году книга не могла бы сравниться с книгой Фрейда в понимании проблем человеческой сексуальности».[16]

Саллоуэй, который цитирует эти слова, так завершает свой отчет о восприятии теорий Фрейда:

«Особенное историческое значение имеет то, что ни один рецензент не критиковал Фрейда из-за рассмотрения им детской сексуальной жизни, даже если некоторые авторы в этой связи ставили под сомнение его более специальные утверждения об оральных и анальных эрогенных зонах». Сегодняшние рассказы о жизни Фрейда утверждают, согласно Элленбергеру, что «публикация его сексуальных теорий якобы вызвала возмущение, так как они были чем-то неслыханно новым в викторианском обществе. Документальные доказательства доказывают, что это не соответствует фактам (1973, 2:703)»... В Вене..., «где непринужденно читали Захер-Мазоха, Крафт-Эбинга и Вейнингера, пансексуализм Фрейда едва ли мог бы кого-то шокировать ([Джонстон] 1972:249)».[17]

Существуют и другие свидетельства того, что то, что Фрейд и его биографы сообщали о развитии психоанализа и личной судьбе их героя, противоречило историческим фактам. Читателям, которые интересуются дальнейшими деталями, я могу только порекомендовать работы Саллоуэя, Элленбергера и других авторов, упомянутых в моей главе о библиографии. Однако и вышесказанного должно быть уже достаточно для доказательства того, что высказывания Фрейда и его приверженцев могут рассматриваться как объективно неправильные. Причиной их жалоб однозначно было намерение создать легенду о Фрейде, которая представляет его – в полном соответствии с древней традицией мифов – в образе героя. Никакие факты или данные не могли помешать такой легенде. Впрочем, такое создание и использование мифа нужно констатировать не только относительно истоков психоанализа, но оно простирается также на другие области.

И вместе с тем мы подходим ко второму правилу, которому должен следовать каждый читатель, интересующийся правдивым изображением психоанализа: *Не верьте ничему, что Фрейд и его приверженцы говорили об успехе психоаналитического лечения.* Возьмем, например, случай *Анны О.,* которая – согласно легенде – была полностью излечена Брейером от ее истерии, и история болезни которой позже представлялась буквально как классический случай истерии. *Анна* была молодой женщиной в возрасте 21 года, когда Брейера попросили помочь ей. Она навлекла на себя свое страдание в ходе самоотверженного ухода за своим больным отцом, и эмоциональная травма, которую нанесла ей его болезнь и, наконец, его смерть, по мнению Брейера, непосредственно вызвала ее симптомы. Во время лечения Брейер – благодаря ее помощи – разработал то новое «катарсическое лечение» (первоначально названное ею по-английски «talking cure», «лечение говорением»), которое затем должно было быть перенято Фрейдом. Позже Брейер и Фрейд утверждали, что симптомы Анны якобы были «надолго» устранены катарсическим (очищающим) воздействием лечения. В противоположность этому медицинские записи из того времени, которые недавно были найдены в знаменитой клинике Бинсвангера, в санатории Бельвю в швейцарском Кройцлингене, содержат окончательное доказательство того, что симптомы, которые Брейеру якобы удалось устранить, проявлялись еще долгое время после того, как *Анна* была освобождена от его надзора. Как можно прочесть в *Исследованиях об истерии* 1895 (G.W.I.), история ее болезни началась в свое время с «истерического кашля», однако, вскоре к этому добавились мышечные контрактуры, параличи, приступы, анестезия, странности в зрительном восприятии и странные дефекты речи (в том числе утрата ее родного языка). Как уже было сказано, Брейер вовсе не смог «излечить» эти симптомы, скорее они упорно продолжали существовать также после окончания его лечения. Впрочем, однако, *Анна* в действительности страдала вовсе не от «истерии», а от

тяжелой физической болезни, а именно от туберкулезного воспаления мозговой оболочки (туберкулезного менингита – Meningit tuberculosa). Элизабет Н. Торнтон подробно описывает этот случай и, среди прочего, говорит:

«Болезнью, от которой страдал отец Берты [настоящее имя Анны было Берта Паппенгейм], был подплевритический абсцесс, частое осложнение после туберкулеза, который свирепствовал тогда в Вене. Так как Берта помогала в уходе за больным и проводила много часов рядом с его постелью, она много раз могла подхватить инфекцию. Кроме того, ее отцу в начале 1881 года сделали операцию – предположительно насечку абсцесса и назначение канюли; операцию сделал дома один венский хирург. Смена бинтов и устранение гнойных выделений из ран могли бы привести к дальнейшему распространению инфекционных микробов. То, что отец вопреки всему возможному уходу умер, указывает на вирулентный штамм проникших бактерий».[18]

Сообщение Торнтон заслуживает внимания, прежде всего, ввиду продолжительной болезни Анны, а также того факта, что лечение Брейера было абсолютно недейственным, тем более, что оно было направлено – на основании неправильного диагноза – вовсе не на настоящую болезнь. Если Фрейд и его приверженцы используют этот случай в свою пользу, то речь при этом может идти только о недоразумении, как так сам Фрейд – согласно Торнтон – должен был сознавать, по меньшей мере, некоторые проблематичные аспекты данного случая. И подобное касается также многих из (ранних) последователей Фрейда. Так, например, К. Г. Юнг первым указал на то, что утверждаемый успех лечения на самом деле не был успехом. Как бы то ни было, эта история должна была настроить нас в высшей степени осторожно, если мы prima facie (на первый взгляд) склонны принимать какие-либо высказывания Фрейда и фрейдистов об их мнимых успехах.

Кроме случая *Анны О.,* нам известны и другие примеры этой тенденции претендовать на успехи лечения, когда таковых успехов не было. Об одном таком случае, случае так называемого *Wolfsmann (Человека-волка* или *Человека с волками),* мы подробно поговорим в одной из последующих глав. Реконструкция подобных случаев допускает только один вывод: также здесь мы имеем дело с тем мифом о герое, который преодолевает невозможные преграды и вопреки всем опасностям достигает цели; к несчастью – для пациентов – многие успехи Фрейда были полностью вымышленными. Поэтому читателям, которые интересуются более подробными объяснениями, я могу лишь снова и снова порекомендовать тщательные исторические анализы таких авторов как Саллоуэй, Торнтон, Элленбергер и других. Раскрытая ими подоплека этих и подобных слу-

чаев изображает, в конечном итоге, совершенно другую картину, чем та, которую описывают предоставленные самим Фрейдом истории болезни.

Однако мы должны предложить еще следующие общие правила для критического чтения. И третье правило звучит так: *Никогда не доверяйте претензиям на оригинальность, а всегда смотрите на работы предшественников Фрейда!* Как уже было замечено в связи с открытием Гальтоном метода свободных ассоциаций, Фрейд вовсе не проявлял признательности, если кто-то другой предвосхищал его «открытия». Еще один похожий пример – это тот способ, каким он использовал значительные работы французского психиатра Пьера Жане о страхе, совершенно не отметив это специально. Предвосхищение идей Фрейда было подробно задокументировано, прежде всего, Элленбергером (1970). Тем не менее, вероятно, самый ясный и самый очевидный пример подобного – это «его» учение о бессознательном. Если верить его апологетам, то Фрейд был первым, кто проник в темные глубины бессознательного – одинокий герой в своем поиске правды преодолевает наихудшие опасности. К сожалению, нет ничего более далекого от истины, чем это утверждение. Так Уайт смог доказать в своей книге о «бессознательном до Фрейда»[19], что у мэтра было несколько сотен предшественников, которые постулировали существование бессознательных областей души и подробно рассуждали об этом. Было бы даже трудно найти какого-либо старого психолога, который в какой-то статье о жизни человеческой души не предполагал бы существование какой-либо формы бессознательного. Хотя они отличаются относительно высказываний о настоящей природе бессознательной души, все же, Фрейд в своей формулировке подошел очень близко к формулировке Эдуарда фон Гартмана (Хартмана), *Философия бессознательного* которого посвящена показу сферы действия неосознанных психически-умственных процессов. Как разъясняет Уайт, «приблизительно в 1870 году... «бессознательное» вызывало актуальный интерес не только у специалистов, оно было уже у тех, кто хотел выставить напоказ свою культуру, модной темой для бесед. Немецкий писатель фон Шпильхаген[20] описывал в своем напечатанном в 1890 году романе атмосферу в одном берлинском салоне семидесятых годов с указанием, что две темы тогда владели беседами: Вагнер и фон Гартман – музыка и философия бессознательного, Тристан и инстинкт».

Труд фон Гартмана, который появился впервые в 1868-1869 годах и насчитывает более 1000 страниц в трех томах, предлагает, среди прочего, обзор его собственных предшественников, в том числе обсуждение идей, содержащихся в индийской философии Вед, далее мысли Лейбница, Юма, Канта, Фихте, Шеллинга, Жана Поля Рихтера, Гегеля, Шопенгауэра, Гербарта, Фехнера, Каруса, Вундта, Гельмгольца и многих других.[21]

«В 1870 году Европа хоть и созрела до того, чтобы отказаться от картезианского представления о душе как о чем-то, идентичном с сознанием, но она не была настроена на то, чтобы ждать еще дольше, до тех пор, пока физиология не позаботится об этой проблеме».

Уайт утверждает, кстати, что Фрейд не прочитал труд фон Гартмана, все же, это в некоторой степени невероятно: в любом случае, однако, известно, что в библиотеке Фрейда была книга, которая очень детально разъясняла идеи этого философа о бессознательном.

Несколько цитат ортодоксальных психиатров в Англии могут дать представление о том, какое значение придавалось бессознательному, задолго до того как Фрейд появился на сцене. Сначала приведем то, что говорил Лэйок в 1860 году:

«Ни один общий факт не обоснован человеческим опытом так хорошо или общепризнан как руководящий жизнью как факт бессознательной жизни и поведения».[22]

Модсли выразил основную концепцию английской школы психиатрии следующими словами:

«Самая важная часть духовной деятельности, а именно центральный процесс, от которого зависит мышление, – это бессознательная умственная деятельность».[23]

Можно процитировать подобные места из работ У.Б. Карпентера, Дж. Ч. Броуди, Д. Г. Тьюка и других. Но мы ограничимся последней цитатой, словами Вильгельма Вундта, немецкого отца экспериментальной психологии. В случае этого человека, который был известен своим чутким и остроумным самонаблюдением, едва ли можно было бы предполагать, что он интересовался бессознательным: «Наша душа создана настолько удачно, что она готовит нам самые важные фундаменты познания, в то время как мы не имеем ни малейшего понимания той работы, при которой это происходит... [и обычно замечаем только результаты этой работы, пришедшие к сознанию]... Как чужое существо присутствует эта бессознательная душа, которая создает и подготавливает для нас, чтобы бросить, наконец, зрелые плоды нам в руки».[24]

Тот, кто принимает всерьез указанные документы, больше не будет, конечно, сомневаться, в том, что многие психологи и даже физиологи постулировали существование бессознательной души задолго до Фрейда, и что утверждение, будто бы это он изобрел «бессознательное», просто бессмысленно. Герман Эб-

бингхаус, который в одиночку ввел экспериментальное исследование памяти в нашу науку, как раз в связи с представлением Фрейда о бессознательном жаловался со ставшим цитатой изречением:

«То, что ново в этих теориях, не истинно, а то, что истинно, не ново».

Это превосходная и окончательная эпитафия всему творчеству Фрейда – не только его учению о бессознательном – и мы еще неоднократно найдем повод вспомнить эту цитату. Заметьте: то, что бессознательная психическая активность существует, не является спорным; но то бессознательное Фрейда, которое как средневековые нравы (подумайте о *Каждом),* населено такими мифологическими фигурами как «Я», «Оно» и «Сверх-Я», Цензором, Эросом и Танатасом, [Пауль Федерн] и наполнено разнообразием комплексов вроде эдипова комплекса и комплекса Электры [К. Г. Юнг, 1913] – такое бессознательное слишком абсурдно, чтобы придавать ему научное значение.

Теперь мы подходим к нашему четвертому совету для читателей Фрейда. И он звучит: *Будьте осторожны при восприятии предполагаемых доказательств правильности теорий Фрейда; так как эти доказательства часто доказывают прямо противоположное.* Оставшаяся часть нашей книги представит много материала, чтобы обосновать это утверждение. Здесь пока можно привести только один пример, по меньшей мере, для иллюстрации того, что я хочу этим сказать. Пример происходит из учения Фрейда о снах. Там он утверждает, что сны всегда являются исполнениями желаний, причем желания эти должны относиться к вытесненным детским представлениям. Как мы еще укажем в посвященной исключительно «Толкованию сновидений» главе, Фрейд дает в своей книге много примеров того, как он обычно объяснял сны, все же, достаточно удивительно, что ни в одном из этих сновидений речь не идет о вытесненных детских желаниях. Психоаналитики, естественно, тоже заметили и признали это, что доказывает, например, высказывание одного из самых усердных поклонников Фрейда, а именно Ричарда М. Джонса:

«Я внимательно прочел *Толкование сновидений* и могу только сообщить, что там нет примера исполнения желаний, который соответствует критерию связи с вытесненным детским желанием. В каждом примере находится какое-то желание, но отдельные желания... либо совершенно доступны сознательному отражению, либо они – вытесненные желания уже постинфантильного происхождения».[25]

Прежде чем мы детальнее займемся этим вопросом, мы должны еще поговорить о тех трудностях, с которыми сталкивается при интерпретации снов тот, кто

стремится применить методику Фрейда. Пример, который мы выбрали для иллюстрации, происходит от одного известного американского психоаналитика. Вот его рассказ об одном сновидении:

Одной молодой женщине снилось, как мужчина пытается залезть на очень резвую маленькую коричневую лошадь. Он делает три безуспешных попытки; наконец, при четвертой ему удается сесть в седло, после чего поездка верхом может начаться.

Ну вот – согласно символике снов Фрейда, езда верхом на лошади вообще представляет совокупление. Однако аналитик исходит из предоставленных анализируемым лицом ассоциаций. Лошадь напомнила видевшей этот сон даме, родным языком которой был английский, о том, что ее в детстве называли «Cheval» и что ее отец также рассказал ей, что означало это французское слово («лошадь»). Аналитик также заметил, что его клиентка была маленькой и очень бойкой брюнеткой, так же, как лошадь в ее сне. Кроме того, мужчину, который пытался сесть на лошадь, можно было идентифицировать как одного из самых близких друзей женщины. Затем та призналась, что она при флирте уже три раза зашла настолько далеко, что он ощущал возможность овладеть ею, и что каждый раз в последний момент ее моральные сомнения брали верх, так что она снова отделывалась от него. Но во сне барьеры были не так сильны, напротив, доходит до четвертой возможности, и она заканчивается исполнением ее желаний. В этом отношении символическая интерпретация сна, очевидно, подтверждается интерпретацией ассоциаций.

Французский психоаналитик Ролан Дальбье, книга которого о «психоаналитических методах и учении Фрейда» привлекла широкое внимание, комментирует этот случай следующим образом:

«Во всей литературе о психоанализе, которую я прочел, мне не попадался ни один более наглядный пример... Если психоаналитическая теория отвергается, тогда приходится утверждать, что не существует причинной связи между двумя цепочками событий бодрствующей жизни и жизни во сне, а есть лишь случайное соответствие. Между данной этой женщине в детстве кличкой «Cheval» и тремя безуспешными попытками ее друга соблазнить ее, с одной стороны, и тремя безуспешными попытками мужчины во сне забраться на лошадь, с другой стороны, тогда не имеется зависимости. Другого логического вывода не может быть для тех, кто отказывается принять психоаналитическую интерпретацию».[26]

Многие, кто читает интерпретации снов вроде этой, будут убеждены, что психоаналитические тезисы благодаря этому приобретают некую опору. Но это вовсе

не так. В учении Фрейда о снах участвующие желания *бессознательны,* напротив, едва ли можно утверждать, что женщина, которую три раза почти успешно соблазнили, не сознавала своего желания полового сношения – причем как раз с этим мужчиной. Также соответствующее желание совсем не детское, а очень реальное и современное. Другими словами, решение проблемы этого сна ни в чем не обязано «толкованию сновидений» по Фрейду, наоборот, оно прямо-таки опровергает его. Содержащееся в этом сне желание полностью сознательное и современное по времени, и это положение вещей вовсе не подходит к гипотезе Фрейда о снах. Таким образом, мы видим перед собой странную, но отнюдь не редко встречающуюся ситуацию, когда нам в качестве доказательства правоты учения Фрейда предлагаются факты, которые в действительности полностью противоречат этому учению.

С другой стороны, нельзя привести тот довод, что критики психоанализа непременно должны были бы отрицать всякую зависимость между сном и реальностью. Как мы покажем в главе об интерпретации снов, эта символика известна уже тысячелетия, и в действительности ее снова и снова применяют при истолковании увиденного во сне. И если не все вводит в заблуждение, то народное понимание символов сна могло бы, в конце концов, быть гораздо правильнее, чем фрейдистские намеки на неосознанные детские желания. Как уже говорилось, мы еще займемся этим вопросом более подробно. Приведенный здесь пример должен был лишь показать часто применяемый Фрейдом и его приверженцами прием, когда читателю внушается, что определенный случай, мол, поддерживает психоанализ, даже если он на самом деле опровергает его. Трюк, который используется при этом, можно свести к краткой формуле: интерпретация сна кажется убедительной, так как она дает в итоге общепонятный смысл. И это, в свою очередь, удерживает читателя от того, чтобы он размышлял глубже об истинной важности сна для теории Фрейда, которая гораздо сложнее и многослойнее, чем позволяет предположить соответствующее здравому смыслу истолкование сна.

Теперь мы подходим к последнему совету для читателей, которые хотели бы сформировать объективное мнение о психоаналитической теории – и о личности ее автора. Он звучит так: *Когда занимаетесь чьей-то биографией, обращайте внимание на понятное, на то, что лежит на поверхности!* Насколько важен также этот совет, мы осветим при помощи биографии самого Фрейда, причем в то же время мы сможем предложить и объяснение того большого парадокса, который она представляет.

Этот парадокс – та внезапная перемена, которая в начале девяностых годов произошла в личности Фрейда, и которая случилась так же внезапно, как и

неожиданно. В конце восьмидесятых годов доктор Фрейд был еще приват-доцентом в Венском университете, при этом также внештатным экспертом детской поликлиники и временным руководителем ее неврологического отделения. Он опубликовал несколько исследовательских работ на тему нейро(физио)логии, и он был отличным нейроанатомом, техническое мастерство которого было широко признанным. Он специализировался в своей прибыльной частной практике на заболеваниях нервной системы, был счастлив в браке и должен был заботиться о быстро растущей семье. Он был лояльным членом буржуазии, при этом консервативным и традиционным. Все это внезапно изменилось в начале девяностых годов.

Эта перемена была особенно очевидной в его общей жизненной позиции. Если раньше он был исключительно высоконравственным, в особенности, в половых вещах, прямо-таки пуританином, то теперь он внезапно выбросил всю традиционную сексуальную мораль за борт. Его стиль письма изменился, что отчетливо можно увидеть в его опубликованных статьях. До того времени его научные статьи были ясными и четкими и также соответствовали существующим на то время знаниям. Теперь же его стиль стал исключительно спекулятивным и теоретическим, кроме того неестественным и прямо-таки искусственным.

Эрнест Джонс, официальный биограф Фрейда, сообщает нам об этой замечательной перемене личности.

«... в девяностые годы»; тогда Фрейд страдал от «очевидного психоневроза»... «Его настроение колебалось между периодами возвышенного чувства, возбуждения и уверенности в себе и такой тяжелой подавленностью, полной сомнений и затруднений... Во время последних он не мог ни писать, ни концентрировать свои мысли... Иногда его сознание было сильно помрачено...» Эта психическая симптоматика шла рука об руку с «нерегулярностью деятельности сердца (аритмия)»; к этому добавлялся (названный так Флиссом) невроз носового рефлекса. В указанное время у него развилась «сильная антипатия» по отношению к его старому другу и коллеге Брейеру, антипатия, которая доходила до ненависти, в то время как он в то же время впал в безграничное восхищение и преданность, даже «любовь» к упомянутому Вильгельму Флиссу.[27]

Наконец, еще нужно упомянуть, что перемена произошла также и в его сексуальном поведении: чем больше сексуальный инстинкт становился краеугольным камнем его общей теории, тем меньше он исполнял его, и на рубеже столетий половые отношения Фрейда со своей женой практически совсем прекратились.

Другими симптомами этой перемены его личности, которые стали очевидны в это время, были мессианская вера в свое призвание, принятие уже упомянутого «героического мифа» и общая тенденция максимально авторитарно господствовать над своими приверженцами и изгонять из своего круга всех, кто выражал даже лишь самые незначительные сомнения о полной и универсальной истинности его учения. Все это полностью отличалось от его более раннего поведения, которое совсем не знало таких странных и неприятных черт характера. Торнтон выдвинула – после анализа переписки Фрейда с Флиссом – очень ясную гипотезу, которая объясняет все эти внезапные изменения личности наркозависимостью, развившуюся у Фрейда вследствие злоупотребления кокаином. Как помните, он работал с «кокой» и писал о ней, испытывал ее на самом себе для устранения частых головных болей и воодушевленно рекомендовал всем, кто хотел вернуть свое психическое состояние – свои «нервы» – под контроль. Флисс со своей стороны выдвинул довольно запутанную теорию о воздействии кокаина, согласно которой при его приеме через нос могло достигаться быстрое и сильное исцеление от болей при мигрени и других расстройств. Но на самом деле происходило следующее: нанесение наркотика на слизистые оболочки – как во внутренней части носа – ведет к крайне быстрому поглощению, так что активные вещества быстро – и практически неизменно – попадают в систему кровообращения, и через нее в мозг. Нет сомнений в том, что Флисс посоветовал Фрейду применять кокаин, чтобы заставить его мигрень исчезнуть, а также вылечить его «невроз носового рефлекса». Но послушаем, что говорил Джонс об этом случае:

«Кроме того [т.е. наряду с мигренью] в те годы Фрейд часто страдал тяжелыми инфекциями носа, что совпадало с его связью с лором, и Флисс также жаловался на это. Оба мужчины демонстрировали преувеличенный интерес к состоянию их носов – органа, который, кстати, пробудил сначала интерес Флисса к сексуальным процессам. Флисс оперировал Фрейда дважды, во второй раз летом 1895 года – вероятно, речь шла о выжигании носовых раковин. Он также постоянно предписывал ему кокаин, к которому у него было большое доверие». [28]

К несчастью, с этого употребления кокаина начался замкнутый круг, в связи с которым вообще впервые возникла настоящая болезнь носа, так что этот медикамент только ухудшал то, что он якобы должен был вылечить. Торнтон констатирует:

«Такое патологическое состояние – это последствие регулярного применения кокаина на протяжении довольно долгого времени. Омертвение [т.е. местный некроз] слизистых оболочек, образование корки, изъязвление [т.е. образование язв] и частое кровотечение со следующими из этого инфекциями – это всегда

повторяющиеся последствия такого употребления... Инфекция изъязвленных тканей ведет к тяжелым синусоидальным инфекциям [т.е. воспалению придаточных полостей], от которых Фрейд действительно серьезно страдал во второй половине десятилетия».[29]

Вот какова была причина того «преувеличенного интереса» к носу друг друга, которая вызвала забавное описание Джонса. Но продолжим:

«Оба начали страдать от воздействия кокаина на мозг. Отсюда становящееся все более странным в течение десятилетия своеобразие теорий обоих мужчин».

Прямое доказательство этого запоздалого диагноза можно найти даже в работах самого Фрейда. Так в *Толковании сновидений* он вспоминает об озабоченности состоянием своего собственного здоровья, когда он сообщает о нескольких пациентах. Он пишет:

«Тогда я часто употреблял кокаин, чтобы подавить надоедливое опухание носа, и несколько дней назад я услышал, что одна пациентка, которая подражала в этом мне, навлекла на себя пространное омертвение слизистой оболочки носа».[30]

Торнтон комментирует это место так:

«Употребление Фрейдом кокаина происходило не только для ослабления иногда случавшихся с ним приступов мигрени. Он оказался в замкнутом круге, так как он применял кокаин, чтобы смягчить опухание носа, которое было вызвано, все же, в первую очередь, как раз этим наркотиком, и которое неизбежно должно было повторяться в усиленном виде, когда воздействие кокаина проходило. Почти постоянное употребление кокаина стало неизбежным последствием».[31]

Ввиду значения этих открытий мы, естественно, должны справедливости ради спросить себя, можно ли рассматривать так интерпретируемый случай как доказанный. Приведение доказательств очень затруднительно, конечно, но каждый читатель в высшей степени подробного и тщательно подтвержденного описания Торнтон воспримет его аргументацию, без сомнения, как очень сильную. Дополнительные доказательства могли бы содержаться в переписке Фрейда с Флиссом, но потомки Фрейда до сих пор запрещали Торнтон и другим ученым доступ к этому материалу. Но не подлежит сомнению то, что та странная перемена, которая произошла с Фрейдом, как физически, так и психически очень точно совпадает с тем видом изменений, который часто констатировали у зависимых от кокаина пациентов. Итак, было бы чрезвычайно возможно, что мы

(как Фрейд и Брейер в случае *Анны О.)* пошли бы по ошибочному следу, если бы старались вывести поведенческие симптомы Фрейда исключительно из душевных причин; в обоих случаях также физические причины могли играть свою роль. В действительности часто происходит так, что ортодоксальные медики игнорируют психическую этиологию и приписывают симптомы исключительно соматическим причинам, так же как на другой стороне психоаналитики совершают соответствующие ошибки в противоположном направлении. Вследствие этого только точное исследование, свободное от предвзятых воззрений, в каждом конкретном случае может сказать нам, что является настоящими причинами болезни.

На этом мы закончим с личностью Фрейда, и также с предупреждениями о том, что не следует слишком всерьез принимать все то, что он и его приверженцы когда-нибудь и где-нибудь могли утверждать. Наверняка читателей заинтересует еще ряд вопросов, например: как, все же, могло случиться, что Фрейд в *Толковании сновидений* стремился доказывать свои представления о сне и бессознательном лишь такими примерами сновидений, которые, очевидно, полностью отклонялись от его собственной теории? Как было возможно, что даже многие из его критиков, которые – как он думал – были чрезвычайно враждебно настроены к нему, не обратили внимания на эту ситуацию? Как может быть так, что психоаналитики, которые сегодня признают этот недостаток, все равно попрежнему считают *Толкование сновидений* гениальным произведением? Есть много таких вопросов, которые ввиду предложенного здесь материала возникают как бы сами по себе. Само собой разумеется, у нас нет под рукой готового ответа на все из них. Но вот что можно сказать с уверенностью: психоанализ Фрейда – это не научная теория в обычном смысле; скорее она инсценировалась как часть пропаганды – без учета существующего клинического материала и без логической убедительности, которая обязательна для научных доказательств.

Однако этот пропагандистский поход принял исключительные формы. Так, на серьезную критику, неважно, насколько компетентной она была, психоаналитики никогда не отвечали научными аргументами. Скорее они упрекали критиков в том, что те, мол, выступали против психоанализа ввиду своей враждебности, и эта враждебность якобы была лишь только выражением их невротических и других вытесненных детских желаний и чувств. Этот вид Argumentum ad hominum – мы должны повториться – является бессмыслицей для чистой науки и поэтому также не заслуживает того, чтобы его принимали всерьез. Потому что какие бы мотивы ни стояли за критикой, ученый может отвечать только на рациональные части критики. Психоаналитики, однако, никогда не делали этого. И они никогда даже не принимали во внимание какие-либо гипотезы, альтерна-

тивные по отношению к учению Фрейда – также это мы еще обоснуем в последующих главах более детально.

Если такая позиция приверженцев и/или наследников Фрейда просто насмехается над традиционным кодексом научной дискуссии, то, конечно, у их главного героя в еще большей степени можно констатировать тотальный отказ от задач и обязанностей серьезной научно-исследовательской работы. Ведь он, как самоназначенный мифический герой, действительно взял на себя роль религиозного пророка или политического вождя. Только под этим аспектом мы можем понять показанные в этой главе доказательства, так же как только соответствующим образом реалистичная оценка Фрейда как человека может помочь нам понять психоанализ как движение. Искусство живет тесной связью между художником и произведением, которое он создает – в резкой противоположности к науке и ее достижениям. Вспомним, например, об исчислении бесконечно малых величин, которое определенно было бы открыто и без Ньютона – и Лейбниц также открыл его приблизительно в то же самое время и совсем независимо от Ньютона. Наука объективна и в значительной степени независима от личности исследователя. А искусство и психоанализ, напротив, субъективны и тесно связаны с личностью художника и, соответственно, аналитика. В этом чрезвычайно традиционном понимании нужно отказать психоаналитическому движению – и об этом мы еще поговорим более подробно – в праве именоваться «научным». В конечном счете, все эти странные вещи, которые были упомянуты уже в этой главе, можно свести к этому простому факту.

----

[1] Fr. Galton (1879) Psychometric Experiments, in: *Brain: A Journal of Neurology.* Vol. II, стр. 149-162.

[2] FR. Galton (1881) «The Visions of Sane Persons» in: *Royal Institute Proc.*, 9, стр. 644-655; оттуда также последующая цитата.

[3] Fr. J. SULLOWAY (1982) *Freud: Biologe der Seele. Jenseits der psychoanalytischen Legende* (orig. engl. 1979), 13 глава.; последующие цитаты со стр. 605.

[4] H. Ellenberger (1973) *Die Entdeckung des Unbewußten* (orig. engl. 1970), стр. 611 (реферировано по Sulloway).

[5] J. Campbell (1953) *Der Heros in tausend Gestalten* (orig. engl. ^{2}1968 u.d.T. *The Hero with a Thousand Faces;* referiert in Sulloway).

[6] J. Campbell (1968), указ. соч., стр. 29 (цитируется по Sulloway).

[7] K. Eissler (1971) *Talent and Genius: The Fictitious Case of Tausk contra Freud, стр.* 279f. (цитируется по Sulloway).

[8] E. Jones (1960) *Sigmund Freud,* Bd. I, стр. 417f.; там также последующая цитата.

[9] E. JONES (1962) *Sigmund Freud,* Bd. II, стр. 26.

[10] S. Freud (1925d), G. W. XIV, стр. 74.

[11] Ilse Bry & Alfred H. Rifkin (1962) «Freud and the History of Ideas: Primary Sources, 1886-1910» in: *Science and Psychoanalysis,* Hg. J. H. Masserman, Bd. 5, стр. 20f. (цитируется по Sulloway).

[12] P. NÄCKE (1901a) «Rezension der Traumdeutung von Sigmund Freud», in: *Archiv für Kriminal-Anthropologie und Kriminalistik,* 7, стр. 168 (цитируется по SULLOWAY).

[13] E. JONES (1960), указ. соч., стр. 418.

[14] W. Stern (1901) «Rezension der Traumdeutung von Sigmund Freud», in: *Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane,* 26, стр. 131 (цитируется по Sulloway).

[15] P. Näcke, указ. соч., стр. 166 (цитируется по Sulloway).

[16] Numa Praetorius (1906) «Rezension der Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie von Sigmund Freud», in: *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen,* 8, стр. 748 (цитируется по Sulloway).

[17] Fr. J. Sulloway,указ. соч., стр. 614.

[18] E. N. Thornton (1982) *Freud and Cocaine: The Freudian Fallacy.*

[19] Lancelot Law Whyte (1962) *The Unconscious Before Freud;* две последующие цитаты со стр. 168 и дальше.

[20] Вероятно, рассказчик и поэт-романтик Фридрих Шпильхаген (1829-1911).

[21] E. v. Hartmann (1869,[12]1923) *Philosophie des Unbewußten,* Einl. I.c..

[22] Thomas Laycock (1860) *Mind and Brain or: The Correlations of Consciousness and Organization...* 2 Bde. ([2]1869).

[23] HENRY MAUDSLEY (1867) *The Physiology and Pathology of the Mind.*

[24] W. Wundt (1862) *Beiträge zur Theorie der Sinneswahrnehmung,* Leipzig u. Heidelberg, стр. 375 [в квадратных скобках цитата со стр. 436 (цитируется по E. v. Hartmann- PhUbw in 1904)].

[25] R. M. Jones (1970) *The New Psychology of Dreaming,* London: Penguin Book.

[26] R. Dalbiez (1941) *Psychoanalytical Method and the Doctrine of Freud,* London: Longmans, Green & Co. (Orig. frz. Brügge 1936).

[27] E. JONES (1960), указ. соч., стр. 356ff.

[28] E. JONES (1960), указ. соч., стр. 361.

[29] E. N. Thornton (1983), указ. соч.; там также последующая цитата.

[30] S. Freud (1900a), StA II, стр. 131.

[31] [31] E. N. Thornton (1983), указ. соч.

ВТОРАЯ ГЛАВА

Психоанализ как метод лечения

«Единственным критерием истины может быть лишь практика».

Мао Цзэдун

Дилетант представляет под психоанализом, в первую очередь, метод лечения невротических и, возможно, психотических расстройств. Также не существует сомнения, что Фрейд первоначально разрабатывал теоретические и методические средства психоанализа для лечения его «нервных» пациентов, чтобы уже скоро претендовать на новую методику лечения. Такие претензии относились, во-первых, к способности психоанализа избавлять душевнобольных от их страданий, во-вторых, однако, к тому, что *только* психоанализ мог быть способен на это. Его теория невроза и психоза исходит, по существу, из постулата, что жалобы, с которыми больной приходит к психиатру или психологу, представляют собой только симптомы более глубокой, лежащей в основе расстройства и подпитывающей его болезни. И пока эта болезнь не исцелена, для пациента нет надежды. Так как если мы лишь попытаемся устранить его симптомы, то они либо возвратятся, либо произойдет замещение симптома, то есть, появится новый симптом, который так же вреден, как старый или даже еще хуже. Отсюда также пренебрежение Фрейда к так называемому «лечению симптомов» – пренебрежение, которое разделяется его современными последователями.

«Болезнь», которая лежит в основе очевидных симптомов нервного пациента, вызывалась, по представлению Фрейда, вытеснением мыслей и чувств, которые находились в конфликте с моральными принципами и сознательной позицией и ценностями пациента; в симптомах ставший таким способом бессознательным материал снова прорывался – в замаскированной форме – на поверхность. Единственная возможность вылечить пациента состояла в том, чтобы содействовать ему в «осознании» этого процесса, а именно с помощью интерпретации его снов, так же как случайных, на первый взгляд, оговорок, пробелов в памяти и ошибочных действий, которые – вызванные вытесненными представлениями – теперь можно было проследить до их истока. Если это постижение (внезапное глубокое осознание, озарение, «инсайт») было однажды достигнуто – и Фрейд понимал под этим не только теоретическое согласие с терапевтом, но и эмоциональное принятие предложенной связи – то симптомы должны были исчезнуть, и пациент вылечился бы. Без такого постижения, хотя некоторые лечения и

могли бы привести к тому, что симптомы исчезли на некоторое время, все же, настоящая болезнь и дальше оставалась бы.

Эта модель, которая происходит от медицинской точки зрения на сущность болезни, показалась коллегам-медикам чрезвычайно убедительной. Ведь их еще со времен их обучения учили тому, что, например, нельзя лечить непосредственно высокую температуру, так как она является лишь симптомом; скорее нужно бороться с болезнью, которая вызывает температуру, и, как известно, температура сама падает, когда удается победить болезнь как таковую. Но ведь даже в общей медицине различие между болезнью и симптомом не всегда однозначно. Например, в случае сломанной ноги мы имеем дело с симптомом или с болезнью? Фрейд и его приверженцы никогда не сомневались в применимости соматической модели болезни к психическим расстройствам, но мы еще увидим, что их представление не всегда может быть так просто правильным, из-за чего также развились взгляды, альтернативные к этой модели.

В более поздние годы Фрейд все более скептически высказывался о возможности применения психоанализа как метода лечения, и незадолго до своей смерти он заявил, что он останется в памяти людей, пожалуй, больше как пионер нового метода исследования психических процессов, чем как терапевт. Мы увидим, что вскоре также и с другой стороны стали высказываться серьезные сомнения в эффективности психоанализа как метода лечения. Тем не менее, большинство его приверженцев – если они зарабатывали себе на жизнь как практикующие психотерапевты – отказались следовать за Фрейдом в его пессимистичной самооценке. Хотя сегодня только лишь немногие психоаналитики защищают аналитическое лечение при таких психозах как шизофрения или маникально-депрессивное помешательство, так как господствует консенсус в том, что психоанализ едва ли может здесь чем-то помочь. Но в отличие от этого относительно таких невротических расстройств как состояния страха, фобии, навязчивые идеи и действия, истерия и так далее со стороны психоанализа продолжают пробуждаться самые большие ожидания. Также становится очевидным, что пациенты не соглашались бы подвергаться многолетнему лечению и не платили бы огромные гонорары, если бы они не были убеждены в том, что психоанализ мог бы излечить их от болезни или, по меньшей мере, улучшить их общее состояние. Психоаналитики всегда опирались на эти надежды, и поэтому они попрежнему утверждают, что могут делать кое-что, что они делать в действительности вовсе не способны, а именно – успешно лечить неврозы.

Это – тяжелый упрек, и главной целью этой – как и следующей – главы будет несколько точнее проанализировать соответствующий фактический материал и вместе с тем подкрепить наш вывод. Однако прежде мы хотим понять, почему

этот вопрос так важен. Он столь важен по двум причинам. Если наш тезис о том, что психоанализ как метод лечения не справляется с поставленными им перед самим собой задачами, будет подтвержден, то общественный интерес к психоанализу с уверенностью значительно уменьшится. Одновременно органы здравоохранения отказались бы выделять средства, которые они предоставляют для психоаналитического лечения и обучения психоаналитиков. Престижное положение психоаналитика в обществе как успешного «целителя» исчезло бы, и его комментарии о проблемах времени принимались бы, вероятно, с небольшим энтузиазмом, если бы выяснилось, что он даже не может исполнить свой самый первый долг, а именно вылечить своих пациентов. Вторым важным последствием было бы то, что мы стали бы искать другие, лучшие методы лечения. Нас больше нельзя было бы вынудить отказываться от ориентированных чисто на симптомы форм терапии, только по той причине, что Фрейд защищал теорию, согласно которой методы такого рода вовсе не могут помочь. Это были бы практические последствия первостепенной важности. Во всяком случае, мы ввиду большого числа пациентов, которые страдают от невротических расстройств и надеются на обещающую успех терапию (приблизительно каждый шестой в нашем полушарии так сильно измучен симптомами, что он обращается к врачу), не должны недооценивать масштаб несчастья и настоящего бедствия. Мы не должны были закрывать глаза на то, что если пробуждаются ошибочные надежды на успешное лечение, то вследствие этого пациенты побуждаются тратить годы своей жизни – терапия может продолжаться четыре года и более с ежедневными консультациями психоаналитика – и жертвовать на это огромные суммы денег.

Еще более важны, однако – причем именно с научной точки зрения – теоретические последствия, которые следуют из провала психоанализа. Если бы все шло так, как предполагает теория, то лечение должно было бы приносить эффект; но если оно такого эффекта не дает, то очевидно, что и с самой теорией что-то не в порядке. Психоаналитики часто отмахиваются от этого аргумента, заявляя, что лечение, мол, в определенной степени не зависит от теории. Чисто логически это, естественно, возможно: могут существовать причины, которые остались скрытыми для Фрейда, и которые обрекают его метод лечения на неудачу, хотя сама теория правильна. Мы, тем не менее, считаем это невероятным, тем более что сами психоаналитики не предполагали препятствия такого рода; очевидно, также не проводились никакие исследования, чтобы обнаружить такие преграды. Нет сомнения в том, что Фрейд первоначально рассматривал предполагаемые терапевтические успехи как самую мощную опору своей теории. В этом отношении неудача терапии должна была бы, собственно, предостеречь его от возможных теоретических ошибок; однако, как раз этого-то и не произошло.

Еще более впечатляющим, чем неудача фрейдистской терапии, является успех альтернативных методов лечения (их мы еще обсудим подробно в следующей главе). Эти альтернативы лечения основываются на принципе, который склонил Фрейда к уже упомянутому вердикту «лечение симптомов». Согласно его теории, такие альтернативные методики лечения должны были оставаться безуспешными или, все же, по меньшей мере, они не могли предотвращать возвращение симптомов (рецидив) или появление замещающих симптомов. Тот факт, что эти так срочно необходимые признаки неудачи отсутствуют – мы еще поговорим об этом – это настоящий смертельный удар по теоретической конструкции Фрейда. Он как раз и не оставлял сомнений в том, что, по его теории, эти отрицательные последствия неизбежно возникли бы; так как они теперь отсутствовали в действительности, нельзя не сделать вывод, что эта теория должна быть ошибочна. Это один из немногих случаев, в которых Фрейд на основе своей теории сделал очень ясные прогнозы, и лучше бы он этого не делал. Потому что он без всяких сомнений сделал из психоаналитической теории правильный вывод, и то обстоятельство, что его прогноз не оправдался, должно было серьезно подорвать его теорию. Иногда, однако, можно защитить теорию от последствий ошибочных прогнозов, если либо предпринять маленькие коррекции в конструкции теории, либо указать на определенные факторы, из-за которых прогноз был ошибочен. Но фрейдисты не пытались предпринять ничего в этом роде, и также трудно разобраться, как можно было бы достичь такого спасения.

Поэтому я хотел бы утверждать, что изучение воздействий психоаналитической терапии чрезвычайно важно для оценки достижений Фрейда. Хотя это не абсолютно логично, но терапия могла бы подействовать, все же, даже и в том случае, если бы теория была ошибочной, или терапия могла бы быть недейственной, хотя сама теория и правильна. Применительно к теоретическим вопросам всегда рекомендуется осторожность, чтобы не делать слишком поспешных и, возможно, неоправданных выводов. Но в практическом плане нет никакого сомнения в том, что если терапия не имеет успеха, то было бы неправильно продолжать и дальше убеждать людей подвергаться психоанализу, тратить на него большие деньги и без пользы терять массу времени на кушетке.

Странной характерной чертой психоанализа представляется то, что до совсем недавнего времени едва ли прилагались усилия, чтобы доказать его эффективность. С самого начала Фрейд противился обычной медицинской практике: провести ряд опытов, которые могли бы доказать эффективность новых терапевтических методов. Его приверженцы рабски переняли эту позицию. Фрейд аргументировал это тем, что статистические сравнения между двумя группами пациентов, одну из которых лечили психоанализом, а другую нет, дадут в итоге

ошибочные результаты, так как ни один пациент никогда не мог бы быть равен другому. Это абсолютно правильно, но ведь точно то же самое справедливо и в случае клинических опытов, при которых проверяется эффективность определенного лекарства. Без сомнения, эта трудность не смогла удержать медицину от того, чтобы она постоянно добивалась успехов именно путем экспериментальных исследований. Так, например, большая часть, если не все сведения в области фармакологии базируются на поддающихся доказательству фактах, что индивидуальные различия уравновешиваются, если используются только достаточно большие группы, так что конечный итог сообщает *средние* показатели воздействия медикаментов; и похожее верно также для иных методов лечения. Если психоанализ помогает некоторым или большинству, или даже всем пациентам в экспериментальной группе, в то время как неприменение психоанализа не приносит улучшения состояния у пациентов контрольной группы, тогда из такого эксперимента без сомнений вышел бы общий показатель эффективности для экспериментальной группы по сравнению с контрольной группой.

Об этой проблеме высказывался даже сам Фрейд:

«Тогда сторонники анализа посоветовали нам ответить на собрание неудач составленной нами статистикой успехов. Я и на это не согласился. Я выдвинул довод, что статистика ничего не стоит, если включенные в нее единицы слишком неоднородны, а случаи невротического заболевания, подвергнутые лечению, были действительно неравноценны в самых различных отношениях. Кроме того, рассматриваемый период времени был слишком короток, чтобы судить об окончательном излечении, а о многих случаях вообще нельзя было сообщать. Это касалось лиц, которые скрывали свою болезнь, а также тех, лечение и выздоровление которых тоже должно было оставаться тайной. Но сильнее всего удерживало сознание того, что в делах терапии люди ведут себя крайне иррационально, так что нет никакой надежды добиться от них чего-нибудь разумными средствами».[1]

На это я могу возразить только тем, что человечество вполне готово уделить внимание хорошо задокументированным сообщениям об успешных случаях лечения; люди могут быть иррациональны, но они же определенно не настолько иррациональны, чтобы предпочесть теории, которые отказываются от каких-либо доказательств, другим теориям, подтвержденным хорошо спланированными экспериментами. Если бы мы действительно приняли всерьез оговорки Фрейда против успешной статистики, то мы должны были бы исходить из того, что приведенная им аргументация применима не только к психоаналитическому лечению, а равным образом и ко всем видам психологического лечения, даже к медикаментозному лечению психических или соматических расстройств. То, что

на самом деле это не происходит, очень ясно показывает история психиатрии. Для тех, кто в этом солидаризуется с Фрейдом, единственный возможный вывод состоял бы в том, что психоанализ является методом лечения, ценность которого не доказана – больше того, *ценность которого недоказуема*. Однако это должно было бы в будущем заставить психоаналитиков отказаться от того, чтобы предлагать психоанализ как практичный метод лечения при психических расстройствах или, тем более, настаивать на том, что он представляет собой *только единственный целесообразный метод лечения.* Мы можем лишь повторить: чтобы установить эффективность лечения, требуются серии квалифицированно проведенных клинических опытов, в которых ход и исход болезни не подвергавшихся такому лечению контрольных групп сравнивается с теми пациентами, которые находятся в проходящих психоаналитическое лечение экспериментальных группах.

В противоположность этому Фрейд полагался на индивидуальные истории болезни, причем он полагал, что сам факт улучшения состояния или излечения после проведенного психоанализа – это уже достаточное доказательство правильности его теории. Есть три основных причины, из-за которых мы не считаем этот аргумент приемлемым. В первую очередь, о больных, страдающих невротическими и психотическими заболеваниями, известно, что они испытывают колебания своего состояния: при определенных обстоятельствах они демонстрируют внешне спонтанное улучшение, которое продолжается в течение недель, месяцев или даже лет. Внезапно они потом опять заболевают, и по прошествии определенного времени этот цикл повторяется. В большинстве случаев они приходили к психиатру, когда они в этом круговом процессе находились в самом худшем состоянии; и вполне может быть так, что терапевтические усилия улучшали их состояние. Однако, с другой стороны, возможно, что они находились как раз в фазе улучшения, и они стали бы здоровыми и самостоятельно. В англоязычном пространстве это иногда называют *феномен «Hello-Goodbye»*: Терапевт приветствует пациента, когда он приходит к нему с жалобами, и он прощается с ним, как только тот чувствует себя лучше. Но теперь просто сказать, что причиной улучшения состояния пациента обязательно были усилия терапевтов, было бы типичным аргументом *post hoc ergo propter hoc* («после того, значит, вследствие того»), который не имеет логического значения. Только из того, что событие (B) следует за событием (A), нельзя делать вывод, что событие (A) было причиной события (B).

Чтобы доказать эффективность метода лечения, требуется, без сомнения, какое-то более сильное обоснование, нежели это.

Теперь понятно, почему мы нуждаемся в контрольной группе, которую можно было бы сравнивать с нашей экспериментальной группой – группой пациентов, подвергающихся лечению психоанализом. Все наши пациенты могут испытать улучшение своего состояния, но, вероятно, они выздоровели бы в любом случае – даже без лечения. Исключить эту последнюю возможность мы можем только в том случае, если у нас есть контрольная группа, которая не подвергается лечению. Если контрольная группа не демонстрирует – в противоположность экспериментальной группе – улучшение состояния здоровья, то у нас есть, по меньшей мере, некоторая причина для предположения, что наше лечение оказало воздействие. Но если контрольная группа и экспериментальная группа обе показывают улучшение состояния пациентов в одинаковой мере, т.е. как по степени, так и по быстроте, тогда у нас также нет причины считать, что у нашего лечения был какой-либо эффект. Как показывает ситуация, точно это, кажется, и происходит при психоанализе.

Второй важный момент – и которым часто пренебрегают – это необходимость повторных обследований. *Принцип Hello-Goodbye* свидетельствовал о том, что терапевт, возможно, отпускает своего пациента только на вершине фазы взлета (улучшения состояния) и что после этого, очень вероятно, происходит новое ухудшение. Пока мы не проследили судьбу предположительно исцеленного пациента на протяжении ряда лет, мы едва ли можем быть уверены, достигло ли в действительности наше лечение долговременного терапевтического эффекта. Естественно, терапия может несколько ускорить начало улучшения состояния пациента, но также и в этом случае, все же, нельзя было бы утверждать, что она предотвращает последующую фазу ухудшения, другими словами: то, что она вызвала настоящее излечение. Как мы вскоре увидим, Фрейд в случае так называемого *Wolfsmann (Человека-волка)* во время и после его лечения, по-видимому, никогда не приходил к мысли считаться с вышеупомянутой возможностью, как он и вообще объявлял успехами все случаи, которые, очевидно, оканчивались безуспешно. Чтобы предвосхитить вывод: повторные обследования – это абсолютная необходимость для оценки любого вида медицинского лечения.

Третья трудность, которая возникает ввиду наивного предположения, что врач в каждом конкретном случае должен сам решать, было ли лечение успешным или нет, состоит в том, что у лечащего врача есть сильный интерес к тому, чтобы представить свое лечение успешным. Так как он, подобно пациенту, тоже вложил очень много усилий в данный случай болезни, то он вполне мог бы склоняться к тому, чтобы смотреть на результат лечения через розовые очки. В этом отношении неподтвержденные высказывания ни в коем случае нельзя принимать за чистую монету – все равно, исходят ли они от пациента или от

психоаналитика. Что нам нужно, это объективный критерий оценки, который говорит нам с достаточной уверенностью, наступило ли действительно в состоянии больного значительное и продолжительное улучшение. Такое доказательство никогда не приводилось со стороны психоаналитиков. Они самовластно и твердо придерживаются своей личной оценки процесса болезни или процесса выздоровления своих собственных пациентов. Мы не можем терпеть такую субъективность при научном подходе.

То, что они не проводят клинических опытов, психоаналитики обосновывают иногда трудностями такого предприятия, которое не только должно работать с экспериментальными группами и контрольными группами, но и требует продолжающихся довольно долгое время повторных обследований. Не следует спорить с тем, что это трудно, и мы в дальнейшем также подробно рассмотрим эти трудности. Мы должны, тем не менее, пояснить здесь один очень важный момент: если ученый выдвигает претензию на то, что он чего-то добился – как, например, разработал новый метод лечения – то бремя доказывания лежит, само собой разумеется, на нем. В действительности для исследователя гораздо труднее доказать свою теорию, чем сначала когда-то *придумать* ее. Но трудности этого рода принадлежат к процессу развития любой науки, они отнюдь не ограничены психоанализом. Так, например, одна из дедукций из гелиоцентрической системы Коперника говорила о том, что должны были бы наблюдаться звездные параллаксы, то есть, относительные позиции неподвижных звезд должны, скажем так, в декабре быть другими, чем в июне, так как Земля за это время передвинулась бы вокруг Солнца. Доказательство этого было крайне трудным, а именно из-за включаемых в расчеты поистине астрономических удалений; изменения углов наблюдения были настолько малы, что потребовалось 250 лет, прежде чем их вообще можно было пронаблюдать! Трудности этого рода в науке входят в повестку дня; и их необходимо от случая к случаю преодолевать, прежде чем теория может стать (обще-)принятой. Психоаналитики часто насмехаются над усилиями проводить клинические опыты при психоаналитическом лечении, причем они ссылаются на вышеупомянутую проблематику; но, тем не менее, пока такие исследования не принесут пригодного результата, психоаналитики не имеют права заявлять о каких-либо успехах излечения.

Во всяком случае, тот факт, что они до сих пор полностью уклонялись от этого своего долга, бросает действительно тусклый свет на их чувство ответственности – и как ученых, и как врачей.

Какие же проблемы возникают при проведении содержательных и доказательных клинических экспериментов? Большинство людей, пожалуй, подумало бы, что при этом речь шла бы просто о том, чтобы собрать большое количество па-

циентов, разделить их по случайному принципу на экспериментальную и контрольную группу, затем проводить у пациентов экспериментальной группы психоаналитическое лечение, в то время как одновременно контрольная группа остается без лечения или получает плацебо-лечение (для успокоения больных). Затем через несколько лет нужно будет проверить долговременный эффект. Но все это отнюдь не так просто. Вероятно, самая важная из возникающих при этом трудностей, это вопрос критерия, который должен применяться для определения улучшения состояния или излечения. Обычно пациент приходит к врачу с довольно однозначными и ограниченными симптомами, например, у него может быть тяжелая фобия, или он страдает от чувств страха, или он претерпевает депрессивные фазы или страдает от навязчивых идей или навязчивых действий, или он сетует на истерические симптомы паралича в конечностях или еще что-то подобное. Для всех этих людей теперь необходимо, чтобы мы смогли измерить степень тяжести их заболевания, а именно перед лечением, во время его и после лечения, так, чтобы у нас была возможность контролировать ход болезни и устанавливать при этом, в какой мере она уменьшилась в результате лечения или даже позже совсем исчезла. Для большинства такой результат мог бы быть очень реальным и чрезвычайно желательным. Однако психоаналитики обычно говорят, что видимый процедурный эффект не достаточен, так как терапевту, возможно, не удалось искоренить лежащую в основе симптомов и изначально вызывающую их «болезнь». Для многих психологов, напротив, которые придерживаются современных взглядов о природе невроза, устранения симптомов абсолютно достаточно, и при условии того, что симптомы не возвращаются, и никакие другие симптомы также не занимают их место, они также ничего больше не будут ожидать. В природе вещей лежит то, что эти вопросы можно решить только тогда, если будут прояснены теоретические аспекты, лежащие в основе самого понятия невротического расстройства. К сожалению, до сегодняшнего дня не имеется признаков того, что в этом вопросе когда-либо в обозримом будущем будет достигнут какой-то консенсус. Аргумент, который мы, вероятно, можем привести с целью сближения обеих сторон, состоит в том, что устранение симптомов является *необходимым,* но еще отнюдь не достаточным условием полного излечения. Экспериментальное исследование занималось преимущественно устранением симптомов как необходимым условием излечения, причем оно оставляло без внимания возможность того, что лежащий в основе «комплекс» мог бы остаться. И до тех пор, пока такой комплекс не вызывает рецидив симптома или возникновение замещающего симптома, этот спор мог бы быть также абсолютно академическим и не представлять большого практического интереса.

Кроме того, сомнительно, представляет ли такой спор вообще очень большой научный интерес, так как в этой области нет никакого абсолютного способа,

чтобы доказать существование гипостазированных комплексов. Между тем психоаналитики возражали бы также здесь, так что мы хотим оставить эту специальную проблему неразрешенной. Более важный вопрос состоит в том, удается ли психоанализу устранять «симптомы» – кавычки здесь поставлены потому, что для многих психологов проявления неврозов являются не собственно симптомами какой-либо лежащей в основе «болезни», а сам симптом и *является болезнью.* Если мы сможем таким образом обойти трудности, которые связаны с поиском общепризнанного критерия, то в качестве следующего шага мы должны коснуться проблемы комплектации экспериментальных групп и контрольных групп. Психоаналитики полностью понимают, что их методы лечения пригодны только для очень небольшого процента из всех невротических пациентов, из-за чего они обычно применяют также строгие критерии выбора. Преимущественно пациент должен был быть молодым, к тому же образованным, не слишком больным и сравнительно хорошо обеспеченным в материальном отношении человеком. А это значит, что в качестве анализандов (лиц, подвергающихся психоаналитическому лечению) подбираются такие люди, которым такое лечение с большой вероятностью принесут пользу. Поэтому всегда нужно представлять себе, что психоанализ вместе с тем абсолютно бесполезен с социальной точки зрения как терапевтическая методика – все же, как иначе нужно оценивать то обстоятельство, что подавляющее большинство людей, по высказываниям самих аналитиков, едва ли сможет воспользоваться их благодеяниями? Следовательно, лишь очень немногие пациенты проходят в наше время психоаналитическое лечение, и, кроме того, большая часть настоящих анализов – это *учебные анализы* со стороны практикующих аналитиков, которые обучают врачей, в особенности неврологов и психиатров, психологов и других, которые посвятили свою жизнь психоанализу.

Значение критериев отбора поясняется одним исследованием, которое можно рассматривать в качестве типичного. Согласно этому исследованию, 64% пациентов, которые подвергались психоанализу, были людьми с высшим университетским образованием и с научными степенями (по сравнению с только 2 или 3% этих людей относительно численности всего населения); 72% из них были учеными или преподавателями, и приблизительно половина всех анализандов «работали в профессиях, связанных с психиатрией и психоанализом». К исключительно высокой квоте отказов от лечения пациентов со стороны аналитиков добавляется невыносимо большое число пациентов (примерно половина), которые прекращают лечение прежде времени. Правильно или неправильно, но психоаналитики, кажется, действительно считают, что их метод подходит только для крохотной доли всех случаев психических расстройств, из-за чего для лечения обычно выбираются те люди, у которых есть лучшие интеллектуальные и экономические резервы, чтобы вызвать восстановление ее хорошего самочув-

ствия. Таким образом, психоанализ, даже если бы он был богатым источником для духовно-психического здоровья, меньше всего может помочь как раз тем, кто нуждается в нем больше всего.

Другая трудность касается судьбы контрольной группы.

Если пациентов лишают психоаналитического лечения, то они, по всей вероятности, будут искать помощь в другом месте – они могут пойти к «обычному» практикующему врачу или также к священнику, могут обсуждать свои проблемы с друзьями или членами семьи. И они, таким образом, придут к своей «терапии», даже если речь при этом не идет о признанной медицинской стороной форме. Например, очень хорошо известно, что исповедь в католической церкви обладает терапевтическими функциями, и, в принципе, она тоже представляет собой что-то вроде психотерапии (если перевести это слово как лечение души). Как же мы при этих обстоятельствах можем воспрепятствовать тому, что пациенты нашей контрольной группы воспользуются такими возможностями, тем более что они – в противоположность психоанализу – свободно доступны любому человеку?

Дальнейшая проблема, которая возникает при этом, весит еще больше. Может случиться так, что психоанализ увенчается успехом, так как теории Фрейда правильны; однако он может быть успешным и потому, что лечение содержит определенные элементы, которые вовсе не имеют никакого отношения к его теоретическим предпосылкам и которые, тем не менее, приносят пользу невротическому пациенту. Подумайте только о проникнутом сочувствием внимании аналитика, о его полезных советах, о возможности обсудить проблемы во время сеансов, и о многом другом. В таких случаях говорят о «неспецифических» составных частях психотерапии – неспецифических, так как они выходят не из какой-то особенной теории о неврозах или их лечении, а свойственны *всем* видам психиатрического лечения вместе и посему не ограничены какой-то одной определенной формой терапии. Как же мы теперь можем различать воздействие специфических и неспецифических причин? Ответ лежит в применении чего-то вроде плацебо-терапии, при которой пациентам контрольной группы оказывают какое-то более или менее бессмысленное «лечение», в котором отсутствуют все теоретически важные и значительные компоненты выводимой из основных психоаналитических допущений методики лечения.

Плацебо-лечение признается в клинических испытаниях медикаментов абсолютно необходимым, так как выдача пациентам какой-то не оказывающей никакого воздействия субстанции при условиях, которые позволяют пациенту верить в ее эффект, обычно действительно обнаруживает сильные реакции, при-

чем только по причине психического влияния на пациента. Иногда эффекты от плацебо, т.е. прописываемого для успокоения больного ложного лекарства так же сильны, как эффекты от настоящего испытываемого медикамента, что указывает тогда на то, что данный образец вовсе не обладает желаемым или предположенным медикаментозным лечебным воздействием.

Многое из сказанного выше могло бы быть справедливым также и по отношении к экспериментальным исследованиям в области психотерапии. Вследствие этого представляется неизбежным включить в программу экспериментов дополнительно еще и контрольную плацебо-группу – это значит наряду с экспериментальной группой и контрольной группой – если эксперимент задуман действительно всерьез. Естественно, довольно трудно спланировать такое плацебо-лечение, которое удовлетворяет основной предпосылке для любого плацебо: а именно исключает все специфические для экспериментального лечения элементы, и, тем не менее, воспринимается пациентом как полезное. Это определенно не невозможно, но требует очень большого опыта и большой умственной работы.

Существует еще много таких или похожих трудностей, но мы хотим обсудить только лишь одну проблему, которая оценивается психоаналитиками, однако, как в высшей степени важная. Речь идет об этической проблеме. Как можно оправдать лишение контрольной группы пациентов обещающего успех лечения только из научного интереса? Когда такой вопрос задают, то просто *подразумевается,* что лечение, как правило, успешно, хотя мы как раз это и стремимся сначала узнать. Предположение, что некий метод лечения будет иметь успех, только потому, что он нашел широкое применение, естественно, не необычен в медицине. До недавнего времени эффективность интенсивных видов лечения для определенных целей была бесспорной; все же, позднее несколько критиков поставили под сомнение их пользу и выразили подозрение, что нормальный уход в доме пациента мог бы быть таким же эффективным. Сторонники интенсивной системы лечения резко возражали против клинических опытов – с тем обоснованием, что отказ от интенсивного лечения поставил бы под угрозу жизнь пациентов из контрольной группы. Наконец, все же, эксперимент был проведен, и выявилось, что интенсивные методы лечения показали в плане сохранения жизни с уверенностью не лучший, а даже (в этом исследовании) несколько худший результат, чем обычное лечение дома. Естественно, это противоречит нашим этическим принципам отказывать больным в каком-то методе лечения, если этот метод уже доказал свою эффективность в результате клинических опытов. Но до тех пор, пока остается спорным, оказывает ли этот метод вообще какой-то эффект, или, если, возможно, утверждается, что его эффект отрицательный, т.е. лечение больше вредит пациенту, нежели помогает – и как

раз в этом-то и упрекают психоанализ – до тех пор нельзя задавать также и этический вопрос. На самом деле можно сказать, что как раз аморально не подвергать новый метод лечения настоящему клиническому эксперименту. Потому что если такой эксперимент не будет проведен, то можно предположить, что пациенту навязывается недейственное и при определенных обстоятельствах даже опасное лечение. Впрочем, всеобщее использование такого процесса могло бы предотвратить нахождение новых и лучших методов.

Прежде чем мы займемся результатами клинических исследований, которые проводились в последнее время, чтобы установить относительные успехи или неудачи психотерапии и психоанализа, нам представляется разумным подробно рассказать историю одного типичную случая болезни. Эту историю Фрейд опубликовал в качестве опоры своего утверждения, что психоанализ, мол, является неповторимо успешной методикой для лечения душевнобольных. Однако нужно напомнить о том, что Фрейд в своих немногочисленных описаниях случаев болезни в значительной мере отказывался от достаточно подробного и всеобъемлющего рассказа, так что едва ли можно прийти к окончательному выводу о предполагаемых успехах лечения. Важнейщие подробности, как правило, удерживаются в секрете – часто, естественно, по причинам конфиденциальности. И никогда также не происходит повторное обследование, которое дало бы однозначное доказательство того, что психоанализ принес пациенту постоянную пользу. Выбранный нами случай – это случай так называемого *«Wolfsmann»*, *«Человека-волка».* Для наших целей его лечение играет ключевую роль не в последнюю очередь потому, что оно снова и снова подчеркивается как одно из выдающихся достижений Фрейда и соответственным образом высоко оценивалось также и им самим.[2]

Через шестьдесят лет после лечения «Человека-волка» у Фрейда, австрийскому психологу и журналистке Карин Обхольцер удалось провести ряд длительных бесед с этим человеком, и результат этих «интервью» мог бы быть очень ценным для каждого, кто хотел бы сделать свой собственный вывод о претензиях Фрейда.[3]

При этом никогда не следует забывать, что Фрейд вообще опубликовал лишь шесть подробных историй болезни и, сверх того, лично он лечил только четырех из этих пациентов.

«Человек-волк» получил свой псевдоним из-за сна, который Фрейд обстоятельно анализировал и много раз цитировал из-за его значения:

«Мне снилось, что – ночь, и я лежу в своей кровати (моя кровать стояла так, что ноги приходились к окну; перед окном находился ряд старых ореховых деревьев. Знаю, что была зима, когда я видел этот сон, и ночь). Вдруг окно само распахнулось, и в большом испуге я вижу, что на большом ореховом дереве перед окном сидят несколько белых волков. Их было шесть или семь штук. Волки были совершенно белы и скорей похожи на лисиц или овчарок, так как у них были большие хвосты, как у лисиц, и уши их торчали, как у собак, когда они насторожатся. С большим страхом, очевидно, боясь быть съеденным волками, я вскрикнул и проснулся. Няня поспешила к моей кроватке, чтобы посмотреть, что со мной случилось. Прошло довольно много времени, пока я убедился, что то был только сон – так естественно и ясно рисовалась мне картина, как открывается окно и как волки сидят на дереве. Наконец я успокоился, почувствовал себя так, будто избежал какой-то опасности, и снова заснул.

Единственным действием во сне было то, как распахнулось окно, потому что волки сидели спокойно без всякого движения на ветках дерева, справа и слева от ствола, и глядели на меня. Как будто все свое внимание они сосредоточили на мне. Думаю, что это был мой первый кошмарный сон. Мне было тогда три, четыре, самое большее – пять лет. До одиннадцати- или двенадцатилетнего возраста я с тех пор всегда боялся увидеть что-нибудь страшное во сне».[4]

Итак, у пациента был этот сон в возрасте примерно четырех лет; в нем Фрейд видел причину невроза. По его мнению, сон основывался на каком-то реальном переживании в раннем детстве, которое в свое время дало основу для страхов кастрации мальчика. В возрасте полутора лет он заболел малярией и должен был спать в комнате родителей, вместо комнаты своей няни – как это было принято тогда. Однажды во второй половине дня «он был свидетелем трижды повторенного коитуса a tergo», причем он мог увидеть «гениталии матери и пенис отца». (стр. 157) Увиденное им в этой «первичной сцене» белое нижнее белье родителей превратилось – согласно интерпретации Фрейда – в белых волков сновидения.

В действительности это переживание вызвало ухудшение его отношения к отцу. Он впредь идентифицировал себя с матерью – женщиной – «кастрированное» состояние которой он наблюдал в этой ранней фазе своего развития. В будущем мальчик вытеснял, тем не менее, свое возникающее гомосексуальное влечение, и этот комплекс позже проявлял себя в дисфункции анальной зоны:

«Орган, в котором могло проявиться это отождествление с женщиной, пассивно гомосексуальная установка к мужчине, был анальной зоной. Нарушения функ-

ций этой зоны приобрели значение гомосексуальных нежных душевных движений и сохранили это значение во время последующего заболевания».[5]

Эти дисфункции, которые много месяцев беспрерывно могли препятствовать ему в стихийном опорожнении кишечника, Фрейд связал с трудностями и проблемами, которые были у пациента с деньгами:

«У нашего пациента во время его позднейшего заболевания отношение к деньгам было нарушено в особенно жестокой мере, и это имело далеко не малое значение для его несамостоятельности и жизненной непригодности. Благодаря наследству от отца и дяди он стал очень богат, явно придавал большое значение тому, чтобы слыть богатым, и очень огорчался, когда его в этом отношении недооценивали. Но он не знал, сколько он имел, сколько тратил и сколько у него оставалось, трудно было сказать, считать ли его скупым или расточительным. Он вел себя то так, то иначе, но никогда его поведение не указывало на преднамеренную последовательность». [6] Вторую проблему Фрейд видел в нарушенном отношении *«Человека-волка»* к женщинам, он чувствовал, что его влекло только к служанкам, и только тогда, когда он видел женщину в одной определенной позе, а именно в той, которую принимала его мать в описанной выше «первичной сцене». Из этих и других деталей Фрейд сделал вывод, что *Wolfsmann* страдал от невроза навязчивых состояний – именно из-за этого расстройства его также и лечили – наряду с этим от депрессивных состояний и других представленных в истории болезни симптомов. После четырехлетнего анализа и постанализа, который произошел через несколько лет, так как симптомы возвратились, пациент Фрейда был отпущен как исцеленный.

Между тем *«Человек-волк»* спустя короткое время почувствовал себя вынужденным снова пройти лечение психоанализом, и на этот раз Рут Мэк Брансуик (ученица Фрейда) занималась им сначала пять месяцев, а затем примерно через два года в нерегулярных промежутках времени на протяжении целого ряда лет. Нужно заметить, что решение этого случая было и остается для психоаналитиков одним из выдающихся и особенно внушительных достижений психоанализа как такового.

Что же мог сказать сам бывший пациент о своем предполагаемом излечении? Карин Обхольцер начинает серию своих «Бесед с Человеком-волком» с его собственной цитаты:

«Знаете, я чувствую себя так плохо, в последнее время у меня всегда такие ужасные депрессии... Теперь вы, вероятно, думаете, что психоанализ не помог мне?»[7]

Это звучит не очень-то похоже на большой успех примененной Фрейдом терапии, которую он затем советовал остальным. И если прочитать книгу до конца, то недвусмысленно выяснится, что психоаналитическое лечение ни в малейшей степени не поспособствовало душевному здоровью пациента и соответственно устранению его симптомов; скорее также в течение следующих шестидесяти лет, после того как Фрейд отпустил его как «исцеленного», у него происходили продолжительные колебания состояния с ослаблением и обострением болезни, точно так же, как если бы его вообще не лечили. Этот случай наилучшим образом иллюстрирует необходимость долгосрочных повторных обследований; так как никогда не следует говорить об успехе, до тех пор, пока не доказано, что симптомы не только исчезли, но и в течение длительного периода *остаются исчезнувшими.* Очень хорошо известно, что Фрейд обвинял терапевтов, которые предпочитали другие методы лечения, в том, что они широко распахнули ворота рецидивам. Он же, напротив, утверждал, что его метод – единственный, который мог предотвратить такие рецидивы, так как этот метод якобы устранял как раз лежащие в их основе комплексы. Тем не менее, именно этот случай – которым он особенно гордился и так часто приводил его как пример терапевтической ценности психоанализа – обнаруживает повторное появление первоначальных симптомов, рецидивы самого тяжелого вида и вместе с тем продолжение болезни, которую Фрейд объявил «излеченной».

То, что относится к *«Человеку-волку»*, можно с полным основанием отнести также к другому знаменитому случаю психоаналитического фольклора, а именно – случаю *«Анны О.»*. Также здесь Фрейд и его ранние приверженцы претендовали на большой успех. Генри Ф. Элленбергер, напротив, показал в своей книге об «открытии бессознательного»[8], что это происходит от совершенно дезориентирующего описания этого случая. Он пишет: «На одном семинаре, который проходил в 1925 году в Цюрихе, Юнг раскрыл, что Фрейд говорил ему, что эта пациентка в действительности не была исцелена. В 1953 году Джонс опубликовал версию истории, которая заметно отличается от описания Брейера. Согласно этой версии, Фрейд говорил Джонсу, что во время мнимого окончания болезни пациентка вовсе не была исцелена». (2-й полутом, стр. 662)

И Элленбергер после сравнительной критики различных описаний данного случая и с привлечением неизвестного до 1982 года медицинского заключения Брейера заканчивает свою историю словами:

«Поистине парадоксально, что безуспешное лечение Анны О. стало для будущего поколения прототипом катарсического излечения». (стр. 667)

Также Э. Н. Торнтон посвящает этому случаю в своей книге о «Фрейде и кокаине»[9] много страниц, причем она дает понять, что Фрейд сделал совершенно дезориентирующий отчет об истории болезни Анны (ср. 1895 d) и не в последнюю очередь скрыл тот – хорошо известный ему – факт, что девушка вовсе не была вылечена Брейером. Собственно, нужно было бы думать, все же, что описания случая – какими бы малодоказательными они ни были бы относительно успеха лечения – по меньшей мере, иллюстрируют применение определенного метода лечения. Если же теперь автор осознанно вводит читателя в заблуждение о самых важных подробностях случая и, в особенности, о его исходе, то как же тогда еще можно принимать всерьез такие истории случая? И, прежде всего, – как можно снова когда-нибудь доверять автору, который их рассказывает? Кстати, уже доказанное между тем объяснение, что причиной неуспеха лечения Брейера был ошибочный диагноз – *Анна О.* вообще страдала не от невроза, а от туберкулезного менингита – никак не может быть извинением. Потому что интерпретация этой однозначно соматической болезни в чисто психологическом смысле и последующее утверждение, что она якобы была исцелена «катарсическим методом», – это уже само по себе абсурдность, которая выдает всю безответственность, прячущуюся за говорящим всё (и ничего) термином «психотерапия».

Чрезмерный масштаб спекуляций, с которым Фрейд подходил к задаче интерпретации сновидений, слов и действий невротической личности, яснее всего показывает его исследование о немецком судье по имени Даниэль Пауль Шребер.[10]

Этот так называемый в психоаналитической литературе случай *Шребера* представляет интерес не только из-за славы, который достался ему благодаря гипотезе Фрейда о том, что причиной паранойи является гомосексуализм. Он также разъясняет, как охотно Фрейд пренебрегал своими собственными заповедями. Обычно он требовал для понимания симптомов и расстройств пациентов подробный анализ и интерпретацию снов и другого материала посредством свободных ассоциаций анализандов. Но в этом случае он никогда не видел пациента лично, скорее он ссылался исключительно на его письменные воспоминания [опубликованные в 1903 году под названием *Воспоминания нервнопатологического больного*]. Шребер – человек очень высокого интеллекта и больших способностей – вследствие тяжелого психического заболевания провел десять лет в больницах для нервнобольных. После выздоровления он опубликовал подробное описание его бредовых мыслей, но в его рассказе не было никаких сведений о его семье, его детстве и его жизненном пути – и как раз это, так хотелось бы думать, должно было бы быть очень существенным с психоаналитической точки зрения. Кстати, история болезни не была описана как таковая во

всем ее хронологическом развитии, а лишь ее последняя фаза. Еще более существенным представляется тот факт, что издатели изъяли из рассказа Шребера как раз те части, которые были бы, без сомнения, наиболее важны для анализа.

Вопреки этой цензуре, в книге все еще оставался значительный материал о различных навязчивых идеях пациента. Так Шребер описывает, как он обычно беседовал с солнцем, деревьями и птицами, как Бог говорил с ним – на литературном немецком языке, разумеется, как почти все органы его тела были изменены (уничтожены и снова восстановлены); как наступит конец света и как Бог избрал его, чтобы спасти человечество! Фрейд со своей стороны сконцентрировался в своем анализе на двух определенных бредовых идеях, которые он считал основными. Во-первых, пациент верил, что он собирался превратиться из мужчины в женщину, во-вторых, он жаловался на гомосексуальные злоупотребления со стороны невропатолога профессора Флехсига, который первым начал его лечить.

На этом очень ненадежном основании Фрейд пришел к предположению, что причина параноидной болезни *Шребера* крылась в его вытесненном гомосексуализме, причем он неожиданно перешел к тому, чтобы расширить этот свой «диагноз» на все параноидные явления. В нашем конкретном случае виновным ему показался гомосексуальный объект любви, которым был сначала отец пациента, затем Флехсиг и, наконец, Бог или солнце. Фрейд искал – и нашел – затем истоки психически ненормального состояния Шребера в эдиповом конфликте его детства, в котором он вследствие страха кастрации испытал фиксацию на идею сексуального подчинения своему отцу. Это позже вытесненное желание удерживалось на расстоянии сознанием взрослого с помощью различных защитных механизмов. В частности, Фрейд называет обращение в противоположное, из-за которого желание любви превратилось в ненависть, которая, в свою очередь, проецировалась и переносилась, так что *Шребер* был, в конце концов, убежден в том, что другие люди ненавидели его. Полная цепь проекций звучала как указано ниже: Представление «Я люблю его» отрицается и по очереди заменяется на «Я не люблю его», потом на «Я же ненавижу его», так как: «Он ненавидит (преследует) меня». (стр. 186)

Критики Фрейда указывали на то, что сексуальное отклонение Шредера от нормальности нужно обозначать скорее как транссексуальность, чем как гомосексуализм, и что в то же время его психическое заболевание должно было бы причисляться к кругу форм шизофрении, а не к паранойе. Эти альтернативные диагнозы или объяснения его поведения и его болезни не должны занимать нас здесь. Между тем мы еще хотим показать, как Фрейд мог придумывать самые

великолепные теории и схемы, хотя материал данных был так скуден и ненадежен. Например, возникает вопрос, как он мог принять за чистую монету неопределенные воспоминания некоего шизофреника, которые были, кроме того, еще сокращены издателем, лишены большинства самых важных подробностей, тем более что предшествующие душевной катастрофе больного фазы болезни в этой книге совсем не рассматривались? Далее, как можно было когда-нибудь проверить такую сложную теорию? Естественно, у каждого ученого есть право строить умозрительные предположения и формулировать новые теории, все же, гарантированные факты в анализе Фрейда были несравнимы с массой чистых спекуляций, из-за чего также случай *Шребера* демонстрирует огромную пропасть между реальностью и голой теорией лучше, чем большинство других описанных случаев.

Если точно проверить остальные описанные случаи лечения Фрейда, то они отнюдь не показывают лучший результат; однако здесь не место описывать подробности, которые были достаточно хорошо рассмотрены компетентными историками медицины и психиатрии как, например, Элизабет Торнтон. Лишь еще одним случаем, случаем *«маленького Ганса»*, мы еще должны будем заняться – но только в одной из последующих глав – более подробно, так как на нем якобы основывалась психоаналитическая практика детской терапии. Здесь мы хотим дать понять только следующее: Даже если отдельные случаи и должны были подтвердить ценность определенного лечения, то те немногие случаи, которые представил Фрейд, вовсе не могут считаться чрезвычайными успехами; наоборот, они должны рассматриваться в качестве терапевтических и предположительно уже диагностических неудач! Если эти случаи – это действительно наилучшее, что может предложить психоаналитическая практика (или применение), тогда возникает вопрос, какая критика вообще находится в распоряжении ориентирующегося на проведение экспериментов рецензента.

Все же существует до сих пор еще не упомянутый нами, но при всем том чрезвычайно разумный способ, чтобы подвергнуть психотерапию Фрейда испытанию. Если бы теория была правильна, то из нее должно было бы следовать, что частичное или даже совсем полное постижение (внезапное осознание, озарение, «инсайт») пациента безотлагательно заставит его симптомы исчезнуть. Действительно психоаналитики снова и снова утверждают, что это случалось. Хотя Фрейд сам очень скоро осознал, что на самом деле существует только слабая корреляция между улучшением состояния (нередко также ухудшением состояния) пациента и «инсайтом», которому якобы способствует психоанализ. Однако это не особенно его обеспокоило, и он пытался найти для этой цели всяческие доводы, согласно которым этот недостаток был якобы не слишком плох. Для оценки терапевтического процесса вместе с этим исчезает также са-

мый последний шанс, чтобы доказать с помощью лечения отдельного пациента эффективность развитой из теории формы терапии, ведь выделяющееся совпадение постижения и выздоровления смогло бы послужить сильным признаком правильности теории. Тот факт, что такое совпадение не может быть установлено, должен дополнительно вызвать самые серьезные сомнения в значении теории – и терапии.

Прежде чем мы обратимся – в следующей главе – к клиническим исследованиям эффективности психотерапии вообще и психоанализа в частности, может быть полезно коснуться еще одного аргумента, который часто выдвигается со стороны психоаналитиков для оправдания их процедур лечения. Они хоть и признают возможность того, что анализ не устраняет симптомы; но затем они одновременно указывают на то, что лечение, по крайней мере, дает пациенту возможность жить с его симптомами – и при этом более счастливо, чем прежде. Более того, они утверждают, что психоанализ делает из пациента «лучшего человека», хотя обычно не определяется, в каком именно отношении он должен стать «лучше», так как также для этого нет объективного критерия. Такие высказывания могут относиться именно к реальному улучшению состояния болезни или нет. В любом случае также для этого не находится никакой серьезной опоры, здесь даже не существует ни одной исходной точки, на основании которой психоаналитики постарались бы представить экспериментальные или, по меньшей мере, косвенные доказательства своей правоты. Как уже в случае с симптомами, все, что мы слышим, это поток неподтвержденных утверждений о чудесах, которые якобы смог совершить психоанализ; но вопреки этому у нас нет ни малейшего доказательства, что психоанализ действительно добивается того, за что его восхваляют.

В этом месте можно было бы привести тот аргумент, что, вероятно, альтернатив психоанализу или психотерапии просто не существует, и поэтому вложенное в них время, так же как большие потраченные деньги, уравновешивается тем добром, которое психоанализ приносит. Мол, даже если пациент не излечивается, он, все же, получает от лечения определенное успокоение или другую пользу. Между тем *имеется* ряд альтернативных методов лечения, которые гораздо короче по времени и, как доказано, успешнее, и с их помощью исчезают симптомы, и отчетливо улучшается общее состояние пациента (мы подробнее представим такие методы в следующих главах). Пора понять, что мы при этих обстоятельствах также не можем согласиться с тем, что психоаналитики хотят оправдываться мнимым отсутствием альтернативных методик лечения. Во всяком случае, эта отговорка больше не уберегает психоанализ от обвинений в неэффективности.

Проблема, которую психоаналитики затрагивают не часто, которая, тем не менее, приобретает все больший и больший вес, касается иногда очень заметно выраженных *отрицательных* воздействий психоанализа. При определенных обстоятельствах психоанализ может принести пациенту больше вреда, чем пользы. Ганс Штрупп и его коллеги предлагают в книге по вопросу «Психотерапия: к лучшему или к худшему?»[11] основательное обсуждение этого вопроса, причем они открывают значительный доказательный материал в пользу существования таких вредных последствий. Большинство психоаналитиков и психотерапевтов очень хорошо знают об этих провалах. Так также говорилось, что очевидная недостаточная эффективность психоанализа, возможно, происходит как раз от того, что у него наряду с сильными положительными воздействиями есть также сильные отрицательные воздействия, и что они как бы уравновешивают друг друга. Если бы это было правдой, то это, конечно, никак не могло бы послужить хорошей рекламой для психоанализа как метода лечения. Лишь немногие пациенты были бы готовы принимать лекарство, о котором они знают немногим более того, что оно либо очень сильно поможет им, либо сильно навредит. (Здесь стоит отметить, что Штрупп всегда был открытым сторонником психотерапии, так что его ни в коем случае нельзя рассматривать как враждебно настроенного критика; это к информации для тех, кто верит, что вся критика психоанализа – это дело только психического сопротивления против обнаруженных им истин!)

Но как это возможно, что лечение, которое разрабатывалось для устранения опасений и страхов, депрессий и лежащих в их основе комплексов, делает пациентов еще боязливее и депрессивнее, чем они были прежде? Ответ не прост, но он, в любом случае, должен учитывать личность терапевта – и его поведение, манеру, его стиль. В следующей главе мы обсудим одну альтернативную к фрейдистской теорию, которая показывает, что невротических пациентов можно вылечивать также с помощью методов, которые направлены на непосредственное уменьшение страха, напряжения и печали. Так можно было эмпирически подтвердить, что чуткий, доброжелательный, приветливый и оптимистичный терапевт, который готов помочь пациенту, дает ему советы и во всем ему помогает и поддерживает, со значительной вероятностью смог смягчить его страхи и тревоги, и только вследствие одного этого уже способствует успеху лечения. Однако такие исследования показывают, что другие терапевты с совершенно противоположным характером, жесткие, неестественные, строгие и пессимистичные, у которых отсутствует интерес или человеческое тепло, и которые интересуются – как фрейдисты – только интерпретацией снов и поведения, вместо того, чтобы давать совет и помогать, вероятно, достигают только того, что страхи пациента увеличиваются в катастрофическом размере. Так что как раз образование психоаналитиков и роль, которую они должны играть, мешает успеху

лечения, поэтому нет ничего удивительного, если они у своих пациентов достигают полной противоположности того, к чему они стремятся.

Факты отрицательных воздействий психоанализа хорошо задокументированы, все же, дилетант мог бы извлечь больше пользы из настоящих историй случаев болезни; кроме того, их легче читать. В особенности стоит прочесть те из них, которые были написаны с позиции клиента; здесь мы можем назвать два примера, в которых пациенты описывают поведение психоаналитиков и их фатальное влияние на их состояние. Первый из этих рассказов откровенно называется «Breakdown» («крушение», «полный распад») и повествует о «личном кризисе и медицинской дилемме» одного замечательного психолога из школы экспериментальной психологии, а именно Стюарта Сазерленда, который в точности передает историю своего истощения нервной системы и свой совершенно негативный опыт с несколькими психоаналитиками. Автор – не только в высшей степени эрудированный и компетентный психолог, но он также хорошо пишет. Описание его переживаний на психоаналитических сеансах поучительно и интересно как раз для тех читателей, которые сами не прошли через психоанализ, ибо оно дает представление об ужасных последствиях, к которым может привести типичное отношение психоаналитиков к пациенту, который по причине своих невротических трудностей чрезвычайно склонен к страху и депрессиям, и состояние которого отнюдь не улучшается в результате «лечения» холодным и занимающимся исключительно интерпретациями типом терапевта. Чтение такой книги никого не сможет уберечь, но оно, тем не менее, полезно. Ведь эта книга предлагает в отлично рассказанном детальном описании все те факты, которые мы выше могли привести только в их сухой научной прозаичности.

Другая интересная история, которая посвящена исключительно аналитическим встречам с пятью психиатрами, содержится в книге Кэтрин Йорк, зловеще озаглавленной *If Hopes were Dupes.* Псевдоним автора скрывает имя очень известной актрисы, и книга содержит документальный рассказ об ее усилиях избавиться с помощью психиатрии от психических расстройств. В книге показаны мучение и замешательство, до которого можно довести человека, если он вступает в мир психоанализа в почти полной неосведомленности о его условиях. Заголовок книги – это цитата из стихотворения поэта Артура Хью Клафа; полная строка звучит «If Hopes were Dupes, Fears may be Liars», что можно перевести как «Если бы надежды были обманутыми, то страхи могли (бы) быть лжецами». Читателю обеих книг бросится в глаза сходство психоаналитических переживаний госпожи Йорк с опытом, через который прошел Сазерленд. И здесь, и там холодность психоаналитиков и отсутствие у них простого человеческого сочувствия просто поражают. И в этой связи также не имеет большого значения, принял ли психоаналитик для себя такую манеру специально, чтобы соответ-

ствовать фрейдистским правилам, или же такое отношение является частью его характера: воздействие на пациента равным образом роковое. Когда мы говорим о воздействиях психоанализа и психотерапии, мы никогда не должны забывать о том, что мнимое «лечение» может серьезно ухудшить страдания пациента. Это важное и разумное предупреждение всем тем, которые уже стали настолько малодушными от сильных страхов и депрессий, что они, в конце концов, оказываются у психоаналитика. Надежды, с которыми простодушный пациент вступает в кабинет психоаналитика, оказываются, по всей вероятности, «обманом», в то время как все же его страхи – это явно не «ложь». Можно ли и в какой мере оправдать с этической точки зрения то, что практикующим медикам позволено возлагать еще дополнительные душевные мучения на больных людей, доводя их до отчаяния – пусть читатель сам ответит на этот вопрос.

Для тех, кто думает, что типичный фрейдистский психотерапевт является, как правило, благосклонным, доброжелательным, приветливым дядюшкой, который помогает своим пациентам в их трудностях, избавляет их от страхов и вообще готов помочь во всем, могла бы представлять интерес еще одна история болезни, о которой Фрейд рассказывал долго и во всех подробностях, а именно *случай Доры*[12]*. Дора* (псевдоним Иды Бауэр), умная и привлекательная девушка в возрасте восемнадцати лет после ряда падений в обморок – (предположительно [ср. стр. 101[2]]) с судорогами и бредом – из-за катара, временной потери голоса, одышки и волочения одной ноги попала в клинику Фрейда. Симптомы должны были бы сказать врачу, что в случае *Доры* речь шла о каком-то органическом синдроме, и в действительности она выросла с больным туберкулезом отцом, который заболел сифилисом перед ее зачатием. В остальном, отец и дочь страдали от одного и того же вида астмы. Когда *Дора* попросила Фрейда, чтобы он, все же, принял во внимание возможную сифилитическую причину ее болезни, он показал свое принципиальное согласие. Однако затем он объяснил ей, что каждый невроз находит «определенное соматическое соответствие» (стр. 116) в лежащей в его основе предрасположенности, и в описании этого случая он заметил, что по его клиническому опыту «сифилис родителей может с большой вероятностью приниматься во внимание как этиологический фактор для невропатической конституции детей». (стр. 991) Вопреки этому принятому органическому происхождению ее расстройств он видел в *Доре* только одно из многочисленных проявлений слабоволия женщин, которое демонстрирует «истерическую несовместимость», а также «вероятно, не столь серьезно принимаемое *taedium vitae*» (т.е. отвращение от жизни) (стр. 101). И, не предприняв настоящего серьезного обследования, он поставил пациентке только на основе ее описания отдельных признаков заболевания диагноз в смысле психоневроза. При этом органическая сторона приступов кашля Доры представлялась ему, например, только как нижнее «наслоение» психики – как бы «песчинка... во-

круг которой моллюск образует жемчужину» (стр. 152). «Последствием» было то, что он вовсе не занялся сначала физическими симптомами или показаниями, а неуклонно следовал за своей теоретической предпосылкой, согласно которой единственным шансом на излечение должно было быть устранение ее психических маневров уклонения. Похоже на то, как будто бы Фрейд даже не позаботился о том, чтобы подвергнуть свою пациентку обычному физическому обследованию; скорее он готовил ей исключительно мучительный психический процесс.

Джанет Малькольм в своей книге о «психоанализе как невозможной профессии» установила следующее:

«Фрейд обращался с Дорой как со смертельным врагом. Он спорил с нею, ставил ей ловушки, загонял ее в угол, бомбил ее толкованиями, не давал спуску, был – в своей манере – таким же невыразимым, как какой-либо из людей из круга ее пагубной семьи, при этом он зашел слишком далеко и, наконец, заставил ее уйти».[13] *(Дора* бросила анализ через три месяца).

Как пример можно взять реакцию Фрейда на высказывание Доры, что она сравнительно недавно болела аппендицитом. Фрейд попросту отбросил этот медицинский диагноз и самовластно решил, что «перитифлит» на самом деле реализовал «фантазию родов» (стр. 169), которая выражала ее бессознательные сексуальные желания. Относительно ее астматических симптомов он хоть и признал связь с аналогичным состоянием ее отца, все же, это только опираясь на «предположение», что *Дора* когда-то случайно подслушала, как ее отец при супружеском совокуплении тяжело пыхтел (стр. 149). Следовательно, ее нервный кашель должен был быть не чем иным, как нерешительной женской любовной песней. Фредерик Крюс пишет об этом в эссе о «пути познания Фрейда»:

«В похотливом ходе мысли Фрейда отныне дурманящие эротические спекуляции представляли больший диагностический интерес, чем очевидные симптомы болезни».[14]

Крюс продолжает:

«Подобная роману история случая Фрейда, в которой он играет роль не знавшего ошибок сыщика Дюпена из произведений Эдгара Алана По, полна не терпящих возражений протестов на счет Доры. Одна из ее – очевидно оправданных – жалоб касалась того, что ее неверный своей жене отец молча способствовал сближению супруга его любовницы с его дочерью – ситуация, в которой, без сомнения, меньше всего виновной была ошеломленная и запуганная девушка.

Однако Фрейд исходил из того, чтобы доказать, что проблемы Доры были вызваны преимущественно ее собственным внутренним миром. Когда он услышал, например, что она много лет тому назад однажды ощутила сильное отвращение, после того как этот еще моложавый мужчина привлекательной внешности «сексуально атаковал ее», он сделал вывод: «В этой сцене поведение четырнадцатилетнего ребенка уже в общем и целом истерично. Любую личность, у которой какой-либо повод к сексуальному возбуждению вызывает в основном (или даже исключительно) чувство неудовольствия, я, не раздумывая, рассматривал бы как истеричную, никак не учитывая того, способна ли она образовывать соматические симптомы или нет». (именно так!)».[15]

Фрейд полагал, что женщины с невротическими проблемами были почти с уверенностью мастурбантками, и что не следует ожидать никакого прогресса, пока не удастся выманить у них исповедь в этом вопросе. Так как он перенял правило Флисса, что частые рецидивы энуреза якобы имели своей причиной мастурбацию, он принуждал *Дору*, чтобы та признала, что она в ее детстве – в более позднем возрасте – страдала ночным недержанием мочи, и он пытался, кроме того, внушить ей, что ее «катар» (т.е. здесь *fluor albus)* «преимущественно указывает на мастурбации» (стр. 146). То же самое должно было касаться ее «спазмов желудка».

Другой пример навязчивой потребности Фрейда находить сексуальное объяснение для любого проявления поведения, – это его предположение, что *Дора* тем, что она волочит ногу, только выражает свое внутреннее беспокойство о лежащем в основе ее фантазии родов (эту фантазию придумал только сам Фрейд, тогда как сама подвергающаяся лечению женщина энергично протестовала в ответ на это предположение) «неправильном шаге» [который, к сожалению, не был таковым] (стр. 168 и на следующих страницах). Можно обнаружить много других похожих абсурдностей в описании Фрейдом именно этого случая, в котором он, без сомнения, навязывает своей пациентке толкования, которые исходят скорее из его собственных комплексов. Это лишь несколько доказательств той манеры, в которой Фрейд лечил *Дору*. Можно представить себе, как такое отношение аналитика подействовало на эмоционально неустойчивую девушку восемнадцати лет, которая выросла в зловещем семейном кругу, не имела поддержки со стороны отца, и к которой приставал со своими предложениями похотливый и агрессивный друг ее отца. Вместо того чтобы найти теперь помощь и сочувствие – как ожидалось – у невропатолога, она встретила враждебного и крайне решительного противника, единственной целью которого, кажется, являлось унижать ее и добиваться от нее признаний о мотивах и действиях, которые были ей самой абсолютно чужды. Если это действительно является прооб-

разом фрейдистской психотерапии, то не должно удивлять, что она часто ухудшает состояние пациента вместо того, чтобы улучшить его.

В заключение этой главы мы еще хотели бы заметить, что как раз существование альтернативных теорий и методов лечения представляется чрезвычайно важным для оценки психоанализа – причем и как теории, и как метода лечения. В науке даже плохая теория лучше, чем полное отсутствие теории; так как плохую теорию можно улучшить и исправить, но если теории вообще не существует, то есть опасность заблудиться в путанице несвязанных фактов. С лечением дело обстоит похожим образом: любой вид терапии предположительно лучше, чем ее полное отсутствие, так как любая терапия, по меньшей мере, пробуждает в пациенте надежду – если он знает, что для него что-то делается, ему, конечно, легче дается верить в возможность излечения. Если у нас есть теперь альтернативные теории и методики лечения, то мы в то же время обладаем простым методом проверки их эффективности. Так можно сопоставить одну теорию с другой, установив с помощью экспериментов, какая из них соответствует имеющимся фактам. То же самое подходит и для методик лечения. Если мы владеем альтернативами, то мы можем сравнить их друг с другом и проверить, какая из них превосходит другую и насколько. С этой целью мы в дальнейшем обсудим несколько теорий, представляющих собой альтернативу психоаналитической теории Фрейда, причем мы хотим также кратко коснуться вида лечения, которое исходит из соответствующей теории. Такие сравнения должны рассматриваться в качестве оценки психоанализа как просто необходимые; ведь они не только увеличивают наш запас знаний, но также позволяют нам дать более определенную оценку как теоретической, так и практической ценности психоанализа, чем это было бы возможно при отсутствии таких альтернатив.

----

[1] S. Freud (1916-17) *Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse:* 28. «Die analytische Therapie», G. W. Bd. 11; *цитируется по* StA I, стр. 443.

[2] S. Freud (1918b) *«Aus der Geschichte einer infantilen Neurose»*, G.W., Bd. 12; *цитируется по* StA VIII.

[3] K. Obholzer (1980) *Gespräche mit dem Wolfsmann – Eine Psychoanalyse und ihre Folgen*, Reinbek: Rowohlt (engl. Übers. London 1982).

[4] S. Freud (1918b), указ. соч.,S. 149.

[5] S. Freud, указ. соч., стр. 193.

[6] S. Freud, указ. соч., стр. 188f.

[7] K. Obholzer(1980),указ. соч.,S. 37.

[8] H. F. Ellenberger (1973) *Die Entdeckung des Unbewußten*, 2 Halbbände, Bern/Stuttgart/Wien: Huber (Orig. engl. 1970).

[9] E. N. Thornton (1982) *Freud and Cocaine: The Freudian Fallacy*, London: Blond & Brigg.

[10] S. Freud (1911c) *«Psychoanalytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia (Dementiaparanoides)»*, G.W., Bd. 8; цитируется по StA VII.

[11] H. H. Strupp/S. W. Hadley/B. Gomes-Schwartz (1977) *Psychotherapy for Better or Worse: the Problem of Negative Effects*, New York: Aronson.

[12] S. Freud (1905e) «Bruchstück einer Hysterie-Analyses G.W., Bd. V; номера страниц последующей цитаты по StA VI.

[13] J. Malcolm *Psychoanalysis: The Impossible Profession.*

[14] Fr. Crews *The Freudian Way of Knowledge.*

[15] Fr.Crews, указ. соч., (Цитата Фрейда из 1905е, указ. соч. стр. 106).

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Психотерапевтическое лечение и его альтернативы

«Кто начинает с уверенности, закончит тем, что усомнится; а кто начинает с сомнения, закончит уверенностью».

Фрэнсис Бэкон

Примерно до 1950 года психиатрия и психология преимущественно соглашались с утверждениями психоаналитиков о том, что они могли успешно лечить невротических пациентов, даже более того: что только они могли добиваться длительных успехов лечения. Хотя в адрес общей психоаналитической теории и звучали критические голоса, все же, даже они были довольно приглушенными, и можно было сказать, что психоанализ в те времена плыл в основном потоке психологического мышления в том, что касалось обсуждения вопросов личности, неврозов и социальной психологии вообще. Эта ситуация изменилась, когда несколько критиков приступили к проверке наличествующих доказательств эффективности психоанализа и психотерапии, и при этом не обнаружили данных, которые были бы в состоянии подкрепить претензии психоаналитиков. Среди тех, кто пришел к выводу, что психоаналитикам не удалось доказать свои утверждения, были такие специалисты как П. Г. Денкер, К. Лэндис, А. Солтер, Дж. Уайлдер, Дж. Зубин и – вероятно, самый значительный из всех – Дональд Хебб, будущий президент Американской психологической ассоциации (АПА).

Рост этого движения был очень хорошо описан Аланом Каздином в его книге об «Истории поведенческой модификации».[1]

Автор выделяет там, среди прочего, исследование, которое я опубликовал в 1952 году, как «самую влиятельную критическую оценку психотерапии», из-за чего может быть полезно еще раз коснуться сути моей аргументации.[2]

В те времена я заинтересовался в высшей степени важным вопросом, что происходило с невротиками, которые вообще не получали никакого психиатрического или психотерапевтического лечения. Удивительный ответ звучал, что невроз – это, по-видимому, болезнь, которая проходит сама по себе, или иными словами: Невротики демонстрируют тенденцию выздоравливать, также без какого-либо лечения. По истечении примерно двух лет состояние у двух третей больных улучшилось настолько, что они считали себя выздоровевшими – или, по меньшей мере, со значительно улучшившимся состоянием. Это число следует непременно запомнить, все же, оно представляет собой что-то вроде основания, базового уровня для всех сравнительных исследований в этой области; так как каждое лечение, которое чего-то стоит, должно, несомненно, в своих результатах превосходить эту цифру, чтобы можно было говорить об успехе. Однако указанная норма излечений была обнаружена даже в страховых случаях, т.е. у людей, которые получали пособие по болезни из своей страховой кассы до тех пор, пока они не соглашались с тем, что они снова стали здоровыми, так что у них был, собственно, значительный стимул как раз сохранять свои невротические симптомы! Этот процесс выздоровления без терапии был назван *«спонтанной ремиссией»* (или также «спонтанным улучшением или стихийным выздоровлением»).

При этом бросалось в глаза сходство этого явления с теми тенденциями к самоизлечению, которые испытываем мы все, например, когда у нас случается простуда. При простуде через три или четыре дня кашель или насморк ослабевает, неважно, что вы делаете, и это происходит даже в том случае, если вы не делаете совсем ничего. Тот, кто приписывает это излечение, например, тому факту, что он глотал таблетки витамина С, или аспирина, или пил виски, тот применяет, очевидно, старый принцип *post hoc ergo propter hoc:* что бы мы ни предпринимали на первый или второй день простуды, она скоро прекращает мучить нас – но не обязательно из-за того, что мы прибегали к тому или этому средству; скорее она прошла бы в любом случае – также без нашего содействия. Так же обстоит дело и с неврозом: в большом числе случаев он проходит стихийно, это значит, он сам отступает по истечении одного или двух лет. По этой причине мы должны также всегда тщательно проверять, что происходит в течение этого времени с больным; только таким образом мы можем узнать, исчезли ли невро-

тические расстройства сами по себе, или же произошло что-то особенное или решающее, прежде чем это спонтанное улучшение могло начаться. Кстати, слово «спонтанное» означает в этом контексте всего лишь «без применения психиатрической помощи»; понятие «спонтанная ремиссия» ни в коем случае не относится к какому-то чудесному событию без какой-либо причины. Когда я в свое время сравнивал успехи, о которых утверждали психоаналитики и психотерапевты, с этой самой базовой нормой успеха 2/3, то выявилось, что существенного различия не существовало. Другими словами, страдающие от невроза пациенты, которые подвергались психоанализу или психоаналитически ориентированной психотерапии, выздоравливали ничуть не быстрее тех больных, которые вопреки серьезным невротическим расстройствам не получали лечения!

После проверки литературы о примерно десяти тысячах случаях болезни я пришел к выводу, что на самом деле не существовало никакого настоящего доказательства эффективности психоанализа. Все же, обратите внимание на точную форму этого высказывания. Я не писал, что психоанализ или психотерапия, как доказано, бесполезны – это слишком сильно вышло бы за рамки доказательной силы имеющихся свидетельств; я только констатировал, что психоаналитики и психотерапевты *не доказали,* что их методы лечения лучше, чем отсутствие лечения вообще, дословно:

«... эти данные не дают доказательств того, что психотерапия, в стиле Фрейда или в другом виде, содействует выздоровлению невротических пациентов. Они показывают, что примерно две трети группы невротических пациентов выздоравливали в течение двух лет после начала их болезни, или, что их состояние улучшалось – вне зависимости от того, лечили ли их психотерапевтическими методами или нет». И, в общем: «Описания не смогли подтвердить гипотезу, что психотерапия содействует излечению невротических расстройств».[3]

С этими выводами трудно было спорить тогда, как и сейчас, так как цифры однозначны. Но в последующие годы в психологических и психиатрических специальных журналах поднялась настоящая буря попыток опровергнуть мой тезис.

Критики настаивали – с полным правом – на неудовлетворительном качестве источников доказательств. В наличии, мол, было слишком мало сведений о точных диагнозах пациентов; кроме того, условия жизни подвергавшихся и не подвергавшихся лечению больных, очевидно, были абсолютно различны; использованные отдельными авторами критерии, вероятно, также не были идентичны. И, наконец, между группами были различия в отношении возраста, социального статуса пациентов и других критериев. Моя статья – как я думаю – во вполне

недвусмысленной форме четко указала на недостаточность доказательств, и как раз из-за этих многочисленных слабостей материала я не стал формулировать свои выводы слишком резко. Как бы то ни было, чем больше тот материал данных становился основной мишенью критики, тем больше мой тезис, казалось, подтверждался. Так как, несомненно, требуются надежные свидетельства, чтобы подтвердить ценность определенной методики лечения; если же теперь единственный существующий материал не выдерживает критики, то он, само собой разумеется, тоже не может послужить доказательством.

Между тем большинство, если не все критики приписывали мне, что я, мол, на основании столь слабых доказательств сделал вывод, будто бы претензии психоанализа как успешного метода лечения опровергнуты. Этот упрек в определенной мере застал меня врасплох, так как я очень добросовестно подбирал свои слова. Я поэтому написал возражение на заявления моих критиков, в котором указал на то, что меня процитировали неправильно. Все же, даже еще сегодня можно встретить то ошибочное истолкование моего тезиса; и это, вероятно, вовсе не кажется таким поразительным, ведь для многих людей психоанализ является чем-то вроде жизненной позиции. Как иначе можно было бы объяснить то, что любая критика вызывает сильные эмоции, которые делают невозможным постигнуть логику приведенных аргументов против их столь драгоценных убеждений или, как минимум, тщательно прочесть какую-либо критику.

В течение следующих лет количество опубликованных исследований о психотерапевтических эффектах значительно увеличилось, и многие из них были лучше тех, на основе которых я написал свою первоначальную статью. В 1965 году я опубликовал следующий обзор, из которого следовали восемь выводов:[4]

1. Если сравнить не подвергавшиеся лечению контрольные группы невротиков с экспериментальными группами невротических пациентов, которых лечат с применением психотерапии, то обе группы выздоравливают в приблизительно одинаковой степени.

2. Если сравнить солдат, которые страдали от истощения нервной системы и не получали психотерапию, с солдатами, которые получали психотерапию, то шансы для возобновления службы у обеих групп оказываются приблизительно одинаковыми.

3. Если страдающих от невроза солдат демобилизуют, то на их шансы на выздоровление не влияет получение или неполучение психотерапии.

4. Гражданские невротики, которых лечат психотерапией, поправляются или выздоравливают в приблизительно том же самом размере, что и похожие невротики, которые не получают психотерапию.

5. Дети, страдающие от эмоциональных расстройств, которых лечат психотерапией, поправляются или выздоравливают в приблизительно том же самом объеме, что и похожие дети, которые не получают психотерапию.

6. Когда невротических пациентов лечат с помощью психотерапевтических процессов, которые базируются на теории учения, то они выздоравливают значительно быстрее, чем пациенты, которых лечат психоаналитической или эклектической психотерапией, или вообще не психотерапией.

7. Невротические пациенты, которых лечат психоаналитической психотерапией, не выздоравливают быстрее, чем пациенты, которых лечат с применением эклектической психотерапии, и, возможно, они выздоравливают менее быстро, если учесть большую долю пациентов, которые прерывают лечение.

8. За единственным исключением базирующихся на теории учения психотерапевтических методов результаты опубликованных исследований у военных и гражданских невротиков, а также у взрослых и детей, указывают на то, что терапевтические воздействия психотерапии незначительны или вообще отсутствуют, и не добавляют в доказуемом объеме ничего к неспецифическим воздействиям обычного медицинского лечения, как и к таким событиям, которые происходят в повседневном опыте пациента.

К этим тезисам нужно сделать два замечания. Во-первых, они сначала кажутся достаточно удивительными, так как: Пациенты, которые подвергаются психоанализу, принадлежат почти всегда к типу личности с качествами «молодые, привлекательные, красноречивые, умные и успешные»; но для этого круга людей прогноз, в общем и целом, благоприятен, все равно, какое лечение применяется. Установленные психоаналитиками критерии отбора ведут к исключению всех чрезмерно тяжелых случаев (включая сексуально отклоняющихся от нормы и алкоголиков), далее больных, которые не желают «вербальной терапии», а также людей, которых обученный эксперт уже в общих чертах посчитал бы неподходящими для психотерапевтического лечения. Ввиду того факта, что они таким элегантным способом исключают самых трудных и самых неподдающихся невротиков из лечения и концентрируются только на тех пациентах, которые с высокой вероятностью станут здоровыми, можно было бы подумать, что психоаналитики с самого начала повлияли на судьбу в свою пользу. Но тот факт, что им, тем не менее, все равно не удается показать лучший результат, не допуска-

ет никакого другого вывода, чем тот, что психоанализ менее эффективен, если он вообще эффективен, чем эклектические формы терапии, даже чем полное отсутствие какой-либо терапии вообще.

Второй момент, который нужно упомянуть, касается большого числа подвергавшихся психоаналитическому лечению больных, которые добровольно прекращают лечение, прежде чем оно закончится. Это привело к разногласию в отношении статистики выздоровлений во время и после психоаналитического лечения. Нужно ли засчитывать 50% или больше пациентов, которые заканчивают лечение психоанализом до того, как они продемонстрируют значительное улучшение состояния, как неудачи, или их нужно вообще не учитывать в статистике? Я сам всегда полагал, что их нужно засчитывать как неудачи. Пациент приходит к врачу, чтобы тот его лечил и вылечил; если же он теперь снова уходит без значительных успехов на пути к излечению, то, все же, такое лечение однозначно не удалось. Этот аргумент подтверждается еще одной часто употребляемой психоаналитиками – однако, очень странной – логикой. Согласно этой логике существует три группы пациентов. Первая группа охватывает пациентов, которых успешно лечили, и они считаются исцеленными. Вторая группа включает пациентов, которые еще находятся в процессе лечения – лечения, которое длится, вероятно, уже несколько лет, возможно, продолжается даже до тридцати лет. Третья группа состоит из пациентов, которые прекращают лечение. И вот психоаналитики утверждают, что лечение всегда успешно, так что вторую группу не нужно причислять к неудачам; они как раз должны продолжать терапию, до тех пор, пока это необходимо – вероятно, еще десять, двадцать или тридцать лет, или пока они не умрут. Если же они бросают лечение и присоединяются к третьей группе, тогда аналитики говорят, что эти пациенты вполне были бы исцелены, если бы они продолжили лечение психоанализом, и поэтому их тоже нельзя причислять к неудачам.

Между тем при таком подходе ни один пациент, поистине, не мог бы когда-нибудь считаться неудачей. Либо его отпускают как исцеленного (и мы из случая *Человека-волка* знаем, что это может значить), либо он продолжает свое лечение. «Неудач» не может быть *per definitionem* (по определению), и вследствие этого также невозможно опровергнуть психоаналитическую гипотезу, что лечение всегда имеет успех (или должно иметь или имело бы, если бы, и т.д.). Эта типичная для психоаналитиков аргументация напоминает досадным образом о тезисе греческого врача Галена из второго века нашей эры, который в качестве рекомендации некоего особенного медикамента писал следующее:

«Все, кто пьет это лекарство, выздоравливают за короткое время. Кроме тех, кому оно не помогает, которые умирают. Совершенно ясно, что оно не действует только в безнадежных случаях».

Это может звучать как легкомысленная карикатура на приведение психоаналитиками их доказательств, но это, тем не менее, точно соответствует сути дела. Ведь многие психоаналитики пользуются как раз такого рода псевдологикой, когда они реагируют на критику, в основе которой лежат опубликованные данные о неудачах лечения.

Однако есть еще одна причина, из-за которой мы, с одной стороны, должны удивляться, почему психоанализ показывает такие жалкие результаты, и которая, с другой стороны, в то же время помогает нам найти объяснение этому. Как уже упоминалось, психоаналитики обычно выбирают своих пациентов таким образом, что только те, кому с высокой вероятностью поможет психоанализ, и кто менее всего болен, принимаются для лечения.

Но и это еще не все: Многие из тех людей, которые посещают психоаналитика, на самом деле вообще не являются невротиками! Для большинства их психоанализ представляет собой что-то, что один критик назвал однажды «проституцией дружбы». Другими словами, так как они из-за недостатков личности и характера не могут приобрести или сохранить достойных доверия друзей, они платят психоаналитику, чтобы тот выполнял эту функцию, точно так же как мужчины покупают секс у проституток, потому что они неспособны или не хотят платить необходимую цену за расположение, любовь и нежность, с которой можно достичь сексуальных отношений на некоммерческой основе. Другие, особенно в Америке, обычно консультируются с психоаналитиком, так как это принадлежит к таким вещам (или принадлежало – эта мода постепенно отмирает), которые непременно нужно было испытать. Тот, кто может что-то сказать о своем психоаналитике, как бы обгоняет своих друзей и знакомых хотя бы на самую малость, и «постижение» («инсайт»), которое получает такой человек, гарантированно дает ему достаточный предмет для разговоров на ближайшей вечеринке. Все эти люди, естественно, также не могут вылечиться, так как они вовсе и не больны. Полагаться на психоаналитика (как полагаются в иных случаях на священника или на астролога, или на знахаря) становится постоянной привычкой, которая может быть чрезвычайно забавна – если есть достаточно денег. Но все это не имеет никакого отношения к серьезным психическим расстройствам, которыми мы занимаемся. Психоаналитик в роли проститутки или шоумена – это точно не соответствует тому заносчивому представлению о «целителе», которым так дорожил Фрейд и его преемники; и при всем том эта роль уж слишком часто так хорошо подходит психоаналитикам.

Теперь вернемся к эмпиризму! После моего второго, опубликованного в 1965 году, обзора количество опубликованных статей об эффективности психотерапии резко возросло, и недавно вышла книга Стэнли Рахмана и Теренса Уилсона о «Воздействиях психологической терапии»[5], в которой критически исследуется обширный материал. Я хотел бы процитировать здесь только выводы, к которым авторы пришли после тщательного анализа всех имеющихся свидетельств:

«Наличие спонтанных ремиссий невротических расстройств стало исходной точкой для скептической оценки Айзенком положения психотерапии. Его анализ тогдашних, как было признано, еще недостаточных данных привел Айзенка к тому, чтобы принять в качестве наилучшей оценки число, согласно которому примерно две трети всех невротических расстройств в течение двух лет после их первого проявления ослабевают спонтанно, сами по себе. Наш обзор накопленных за прошедшие двадцать пять лет свидетельств не позволяет нам пересмотреть первоначальную оценку Айзенка. Однако имеются важные причины, чтобы уточнить его оценку для отдельных групп при различных невротических расстройствах; все труднее становится придерживаться прежнего предположения о равномерной норме спонтанной ремиссии при самых разных расстройствах. При условии, что наличие спонтанных ремиссий широко распространено – и трудно понять, как это можно было бы продолжать отрицать – претензии в пользу специфической ценности особенных форм психотерапии кажутся все более и более преувеличенными. В этом отношении должно поражать то, что обнаруживается, насколько скудны доказательства для поддержки далеко идущих – открытых или подразумеваемых – претензий со стороны аналитических терапевтов. Подробные описания сенсационных излечений, которых добились в нескольких особых случаях, статистически намного уступают количеству описаний случаев пациентов, анализ которых, кажется, длится бесконечно. Еще важнее редкость какой-либо поддающейся контролю оценки воздействий психоанализа. Мы не знаем исследования, которое методически занимается этим положением вещей и подобающим образом учитывает спонтанные изменения и, в частности, также из-за воздействия неспецифических терапевтических влияний, таких как воздействия плацебо, ожидание улучшения и тому подобного. Ввиду честолюбивых амбиций, области применения и влияния психоанализа кое-кто склонен рекомендовать своим научным коллегам позицию длительного терпения, но не относительно того факта, что ни в плане признания необходимости убедительных научных оценок, ни в отношении определения критериев успеха не были достигнуты хотя бы частично удовлетворительные успехи. Однако хотелось бы подозревать, что потребительские группы могли бы оказаться гораздо менее терпеливыми, если бы они однажды проанализировали детально доказательства, на которых сейчас все еще основываются утверждения об эффективности психоанализа».

Из этого следует, что развитие по существу сводилось к тому, чтобы точнее рассмотреть соответствующие нормы спонтанной ремиссии для различных типов невротиков; так как то, что такие различия существуют, за это время стало уже бесспорным. Например, похоже на то, что у навязчивых заболеваний была намного более низкая норма спонтанного выздоровления, чем у состояний страха, при этом цифры для истерических симптомов лежат где-то посередине. Вследствие этого Рахман и Уилсон подчеркивают: «Будущим исследователям следует посоветовать анализировать нормы спонтанной ремиссии различных неврозов в пределах отдельных диагностических групп – и больше не во всех их вперемешку. Если мы будем действовать таким способом, то можно будет узнать более точные приблизительные показатели для вероятности появляющейся спонтанной ремиссии при отдельных видах расстройств – и у определенной группы пациентов».

Прежде чем мы обратимся теперь к обсуждению альтернативных терапевтических методов – и, в первую очередь, к основывающимся на теории учения терапиям (мы уже упоминали их в контексте исследований эффективности психотерапии), мы должны еще упомянуть отзывы других психологов, которые, хотя тоже проверили доказательства, при этом, тем не менее, в конечном счете, пришли к выводам, отклоняющимся от выводов Рахмана и Уилсона. Например, А.Э. Бергин[6] считал, что норма спонтанной ремиссии в 30% намного ближе к истине, чем представленная мной оценка примерно 66%. Как, тем не менее, констатируют вышеупомянутые авторы в подробной критике работы Бергина, в ней есть много странных деталей, которые делают ее абсолютно неприемлемой. В первую очередь нужно указать, что Бергин хоть и рассчитывает среднее значение из нескольких новых исследований, однако, забывает в то же время включать в свою статистику более старые исследования, на которых основывалась моя собственная оценка. Поэтому Рахман и Уилсон подчеркивают,

«... что новые данные... следовало бы рассматривать в сочетании с существующей информацией – или, по меньшей мере, в ее свете».

Другой момент критики звучит, что Бергин в своем обзоре упускает ряд исследований, которые в отношении нормы спонтанной ремиссии удовлетворительнее и квалифицированнее, чем учтенные им работы. И, наконец, некоторые из исследований, которые Бергин применяет в качестве опоры своей оценки 30%, на самом деле вовсе не относятся к спонтанной ремиссии невротических расстройств! В доказательство этого тезиса мы хотим проанализировать одно или два из использованных им исследований. Так Бергин указывает для исследования Д. Каппона норму спонтанного излечения 0% (нуль!), в то время как более точный взгляд на эту работу приносит несколько сюрпризов. Первый происхо-

дит от самого заголовка исследования: «Результаты психотерапии». Каппон сообщает, например, о группе из 201 частного пациента, которые подвергались терапии, и их состояние частично улучшилось, частично ухудшилось; тем не менее, отсутствуют числа, по которым можно было вычислить частоту спонтанных излечений. Поэтому коэффициент Бергина 0%, кажется, происходит из вступительного описания Каппоном его пациентов, где говорится, что «их симптомы заболевания или их основные проблемы или их дисфункции существовали в среднем уже за 15 лет до лечения». Следовательно, Каппон работал, без сомнения, с рядом пациентов, которые не испытали спонтанную ремиссию. Это вполне возможно, что действительно две трети всех больных выздоравливают самостоятельно – без терапии. Тогда как раз одна треть и остается, и если из этой остаточной группы снова часть начинает лечиться, то врач может только установить, что никто из его пациентов не стал здоровым спонтанно – следовательно, никакого спонтанного улучшения не было! Но ведь все цифры в настоящем исследовании должны происходить из случайной выборочной проверки, а не из группы пациентов вроде этой, в которой принцип отбора однозначно сводился к тому, что невротические симптомы существовали в течение многих лет. И еще одно возражение: почти половина пациентов Каппона демонстрировали другие расстройства, чем невротические. Однако, нет никакого доказательства, что эти расстройства оставались не подвергавшимися лечению, прежде чем пациенты пришли к Каппону. Поэтому мы также не можем предполагать, что диагноз в момент начала лечения соответствовал состоянию болезни в течение предшествовавших лет. Мы могли бы продолжать таким образом, все же, этого примера может быть достаточно, чтобы разъяснить несущественность данного исследования для вопроса о частоте спонтанных ремиссий.

Следующая процитированная Бергином работа, для которой указывается норма спонтанной ремиссии 0%, написана Дж. О'Коннором. Также здесь уже заголовок представляется странным в связи с невротическими расстройствами, ведь это произведение рассказывает о «воздействиях психотерапии на ход Colitis ulcerosa». Язвенный колит (т.е. воспаление толстой кишки) – это, без сомнения, нечто иное, нежели психоневроз, и в этом отношении важность данного исследования для ремиссии неврозов могла бы быть очень спорной. Но и этого мало: вышеупомянутый диагноз был поставлен у 114 пациентов, из которых одна половина не получала психотерапию, а другая получала психотерапию. Теперь, однако, только по три пациента в каждой группе были одновременно психоневротиками, так что в лучшем случае – даже если бы это исследование и было существенным для нашего вопроса – учитывалось бы числовое соотношение трех к трем невротикам. Вообще, к сожалению, из таких сообщений нельзя изымать процентные данные, так как все результаты указываются в групповом

среднем значении, и поэтому вообще нельзя идентифицировать результаты для трех невротиков в одной и трех в другой группе.

Бергин использует много других исследований, претензии которых на вклад в решение спорного вопроса о спонтанном излечении неврозов кажутся довольно странными, тогда как многочисленные гораздо более важные исследования с лучшей методикой и более обширным материалом данных он игнорирует. В этом отношении можно с уверенностью сказать, что приводившееся очень многими число 30% как результат обзора Бергина ни в коем случае не базируется на подобающих данных. Читатели, которые не хотят поверить, что подбор данных Бергина является прямо-таки безответственной дезориентацией, должны прочесть подробный критический разбор в книге Рахмана и Уилсона.

Примерно такое же фантастическое обсуждение свидетельств о спонтанных ремиссиях, которые привлекло к себе точно такое же большое внимание, было опубликовано Лестером Люборски. В нем так красиво говорится:

«Большинство сравнительных исследований о различных формах психотерапии нашли только незначительные различия относительно доли тех пациентов, состояние которых улучшилось в конце психотерапии».[7]

Очевидно, методология и исполнение работы Люборски – так же, как и цитата – происходят из *Алисы в стране чудес* (где *Додо* выносит свой знаменитый приговор: «Все выиграли, и все заслужили приз!»). Во всяком случае, субъективность стоит здесь, как и там, на первом месте, что выражается у Люборски, среди прочего, и в том, что он получает свои цифровые результаты только с помощью произвольного применения и исключения существующих исследований. Подробную критику этого Рахман и Уилсон тоже включили в свою уже упомянутую книгу, так что здесь было бы излишне разбираться со всем этим еще раз. Стоит упомянуть только одно: в конце своей статьи Люборски, кажется, противоречит всему тому, что он рассчитал раньше, ведь его вывод об эффективности психотерапии вдруг ничуть не отличается от моего собственного заключения. Так он в конце своего обзора дает некоему гипотетическому «скептику об эффективности любого вида психотерапии» высказаться следующим образом: «Знаете, вы не можете доказывать, что один вид психотерапии лучше другого, вы даже не можете доказать, что он иногда лучше, чем минимальная психотерапия или вообще ее отсутствие. И это полностью сходится с недостатком доказательств того, что психотерапия вообще приносит хоть какую-то пользу».

И его возражение звучит:

«Незначительные различия между видами лечения не относятся к вопросу об их пользе – большой процент пациентов, кажется, извлекает пользу из любого вида психотерапии, *так же, как и от контрольного процесса*».

Это поистине, странное и двусмысленное заключение со стороны одного из ключевых сторонников психотерапии!

В конце концов мы должны процитировать еще одно исследование о «благодеяниях психотерапии», написанное Мэри Ли Смит, Джином В. Глассом и Томасом И. Миллером[8]. Эта книга является захватывающей в том отношении, что ей удается прийти к прямо-таки чрезвычайно положительным заключениям о воздействии психотерапевтических усилий. Вот ее заключительное страстное выступление в защиту психотерапии:

«Психотерапия полезна (beneficial), и она полезна всегда и с многих точек зрения. Ее польза (benefits) равноценна пользе от других дорогих и взыскательных вмешательств, как например, образование и медицина. Польза психотерапии не долговечна, но это, так или иначе, только мелочи».

Авторы буквально испытывают эйфорию, когда они уверяют:

«Доказательный материал дает прочную опору эффективности психотерапии. Журналисты могут продолжать по обыкновению закидывать грязью профессиональное сословие психотерапевтов, все же, каждый, кто показывает уважение и понимание к проведению эмпирических исследований, должен будет признать, что психотерапия более чем доказала свою эффективность. В действительности ее воздействие могло подтверждаться с почти монотонной регулярностью. Предпринимаемые критиками из научной среды попытки рационализации post-hoc литературы о результатах психотерапии [критики утверждали, что исследования – причем все – не контролировались и не наблюдались подобающим образом] почти совсем исчерпались. Они едва ли могут привести новые оправдания, чтобы не впасть в смущение или не дать узнать их мотивы».

Наконец, авторы усиливают свой голос до настоящего крещендо:

«Психотерапия помогает людям любого возраста так же надежно, как образование учит их, или медицина их излечивает, или работа и усердие им приносят прибыль. Иногда она ищет те же самые цели, что и образование или медицина; когда она делает это, она показывает похвально хороший результат – настолько хороший, что она в действительности пошатнет те искусственные барьеры, которые соорудила традиция между учреждениями выздоровления и излечения.

Это должно значить не больше и не меньше, чем то, что у психотерапевтов есть хоть и не исключительное, однако законное, обоснованное контролируемыми исследованиями право исполнять в обществе – частные или официально финансируемые – функции, к компетентности которых относится восстановление здоровья больных, помешанных и неудовлетворенных».

Они продолжают еще довольно долго в этой полной радужных надежде манере, чтобы убедить также последних непосвященных в своей правоте; но детальная проверка их работы, похоже, приводит к противоположному выводу.

Смит и ее коллеги критикуют прежние резюме свидетельств вместе с их такими противоположными заключениями тем простым указанием, что они не дают исчерпывающий обзор всей литературы. По их мнению, нецелесообразно концентрироваться только на хороших исследовательских отчетах и упускать плохие отчеты, так как такое опережающее решение всегда в определенной степени субъективно. В соответствии с этим авторы собрали все доступные результаты исследований об исходе психотерапевтического лечения, если в исследованиях наряду с экспериментальной группой принимала участие и контрольная группа. Затем они сравнивали результаты этих двух групп чисто количественно, рассчитывая показатель эффективности, названный ими ES (effect size score). При этом они договорились о нулевом значении в том случае, если между обеими группами не было различия; показатель положительный, если экспериментальная группа показывает результат лучше, чем контрольная группа; и он отрицателен, если экспериментальная группа уступает в таком сравнении. Авторы называют этот процесс «метаанализом» (meta-analysis). В остальном они указывают на то, что данные могут разделяться также различным способом, например, видом терапии, длительностью лечения, продолжительностью обучения терапевта и так далее. Все целое они представляют, наконец, в форме таблицы, которая показывает средний показатель эффективности для 18 различных видов лечения, как и количество положенных в основу каждой отдельной группы исследований.

Теперь уже можно было бы кое-что возразить против этого метода как такового – например, что очень необычно одинаково обращаться с хорошими и плохими исследованиями в работе о научных доказательствах, приписывая им одинаковый вес. Большинство ученых посчитали бы этот подход, мягко говоря, ненадежным и вследствие этого, исследования, о которых известно, что они плохо контролировались, плохо проводились и плохо интерпретировались, были бы по возможности исключены из статистики. Однако мы не хотим обращать особого внимания на многочисленные методические нелепости и сконцентрируемся лучше на фактическом состоянии дел. Так для группы психодинамической те-

рапии коэффициент ES был рассчитан как 0,69, что является – по мнению авторов – очень отчетливым эффектом, который целиком и полностью обосновывает их представление, что психодинамическое лечение – по сравнению с отсутствием лечения – в высшей степени успешно. Так же эффективны или еще более эффективны многие другие перечисленные виды лечения, в том числе систематическая десенсибилизация – пример поведенческой терапии, которую мы обсудим позже – с ES 1,05, т.е. этот результат практически на 50% выше, чем у психодинамической терапии.

Последняя рубрика в таблице – на 18-ом месте – звучит «плацебо-лечение»! Как мы уже видели, речь при этом идет о псевдолечении, которое не является ни важным, ни разумным. И оно также по самому своему назначению не должно помогать пациенту. Оно лишь обставлено так, что пациент верит, будто бы он получает настоящее лечение, в то время как в действительности его «лечат» лишь для виду, и такое «лечение» само по себе вовсе не может быть действенным. Такое кажущееся лечение считается контролем для неспецифических воздействий, которые получаются, например, только посредством того, что кто-то посещает психотерапевта и верит тогда, что для него что-то делается, или также только того, что он беседует с «доктором, врачующим душу». Поэтому плацебо-лечение должно было быть чисто контрольным мероприятием для проверки эффективности другого лечения, но не лечением самим по себе. И по этой причине также поразительно видеть, что его исчисленный показатель ES составляет 0,56, т.е. очень близко от упомянутого показателя психодинамической терапевтической группы – 0,69. Другими словами, если использовать контрольную группу, т.е. группу пациентов, которым предоставляется только плацебо-лечение, тогда для психодинамической терапии вообще не получается никакой эффективности. Напротив, доказательства эффективности систематической десенсибилизации, очевидно, существуют, и в действительности авторы в своей оценке пришли к результату, что методики поведенческой терапии, в общем, значительно превосходят вербальную терапию. Однако здесь мы не хотим настаивать на этом, так как есть другие причины, которые рекомендуют забыть выводы этого анализа в целом. Однако особенно интересно то, что Смит и ее коллеги, кажется, понимали плацебо-лечение как настоящее лечение, хотя перенятое ими определение психотерапии говорит против этого. Это определение, которое было предложено сначала Джулианом Мелтцоффом и Мелвином Корнрейхом, звучит так: «Название «психотерапия» должно обозначать компетентное и планомерное применение методов, которые основываются на твердо обоснованных психологических принципах, людьми, которые по своему образованию и опыту квалифицированы, чтобы понимать эти принципы и применять эти методы с намерением помочь другим людям изменить личные особенности их чувств, ценностей, установок и поведения, если они оцениваются терапевтом

как не поддающиеся адаптации или неспособные приспособиться к окружающей обстановке (maladaptive or maladjustive)».[9]

Что бы ни говорилось о плацебо-лечении, но оно, несомненно, не метод, который основывается на «твердо обоснованных психологических принципах», и оно также не применяется для того, чтобы помочь пациентам изменить их индивидуальные особенности. Впрочем, интерес могло бы представлять указание на то, что другие исследователи тоже провели анализ всех тех – опубликованных – исследований, которые наряду с группами психотерапии учитывают также группы плацебо-лечения, и в результате не могли установить никакого различия. Вместе с тем становится ясно, что при применении подходящего контроля получаются результаты, которые по-прежнему могут подкрепить мой первоначальный тезис 1952 года, тогда как они в то же время никоим образом не подходят к ошибочным заключениям, которые сделали Смит и ее коллеги из их собственных данных.

В этом отношении странно уже то, что книга Смит, Гласса и Миллера часто цитируется психотерапевтами как окончательное доказательство фактической эффективности их методов. Она нередко также чрезвычайно доброжелательно обсуждалась в уважаемых психологических журналах, и при этом такое неортодоксальное положение плацебо-лечения до сих пор никогда не упоминалось. Причина состоит в том, что в психотерапевтической гильдии занято больше психологов, психоаналитиков и психиатров, чем в какой-либо другой области психологии; вследствие этого существует глубоко укоренившийся профессионально-сословный интерес к тому, чтобы подтверждать ценность их деятельности. Каждый, кто просматривает литературу, должен сохранять это в памяти, так как в противном случае может быть трудно извлечь смысл из всех этих противоречащих друг другу публикаций, каждая из которых по-своему выдвигает свои претензии.

Есть еще следующие интересные страницы в книге Смит и ее коллег, которые прямо противоречат их собственным выводам. Если возвратиться к процитированному выше определению психотерапии, то ею должны были заниматься люди, которые квалифицированы «по своему образованию и опыту», и логически, пожалуй, ожидалось бы, что результаты лечения будут тем лучше, чем дольше обучался терапевт. В данном исследовании, однако, не была обнаружена даже самая незначительная связь в этом отношении – самый поверхностный инструктаж оказывался точно таким же полезным и эффективным для лечения невротических расстройств, как профессиональное наиболее объемное и по времени самое продолжительное психоаналитическое образование! Если это действительно правда, то психотерапия, без сомнения, была бы не умением, которому

можно выучиться, а чем-то, что можно приобрести коротким введением в эту область. Во всяком случае – согласно всему тому, что мы можем видеть – ей не требуется особенное обучение, чтобы достигать успехов в лечении! Естественно, только немногие психотерапевты согласились бы с таким заключением и приняли бы выводы, которые следуют из этого для обучения будущих психотерапевтов.

Таким же естественным является представление о том, что между продолжительностью психотерапевтического лечения и его эффективностью должна была бы существовать связь в том смысле, что очень короткое лечение менее успешно, чем очень длительное. Смит и ее коллеги не смогли подтвердить также это предположение; скорее фактор времени выявился как совершенно несущественный. Самый короткий вид терапии, продолжавшийся, вероятно, только один или два часа, был так же успешен, как самое длительное лечение, растянувшееся на несколько лет. Также это заключение едва ли могло бы найти у психоаналитиков или других психотерапевтов сочувствие, потому что они даже из одних только теоретических соображений исходят из необходимости долгосрочного лечения. Значит, также здесь слишком оптимистичные выводы авторов противоречат столь драгоценным для психотерапевтов убеждениям. Кстати, не следует думать, что самые тяжелые случаи получали самое длительное лечение, что объяснило бы относительно незначительный успех при долговременных терапиях. На самом деле психоанализ – мы это уже говорили – это такая форма лечения, которая, с одной стороны, склоняется к действительно очень длительному применению, и, с другой стороны, допускает к лечению в качестве пациентов только тех людей, болезнь которых наименее тяжела, и поэтому у них самый большой шанс быстрого выздоровления.

Еще много других странных подробностей содержится в упомянутой книге, все же, приведенного здесь могло бы быть достаточно, чтобы убедить читателя в том, что сделанные Смит, Глассом и Миллером выводы об эффективности психотерапии ни в коей мере не поддерживаются их же собственными доказательствами. При всем том их работу снова и снова цитируют как якобы лучшее доказательство утверждения о том, что психотерапия и психоанализ функционируют. Даже сегодня – через тридцать лет после той статьи, в которой я обратил внимание на недостаток доказательств терапевтической эффективности психотерапии, и после того, как были опубликованы последующие 500 пространных исследований – тезис о том, что не существует настоящего доказательства, согласно которому психоанализ или психотерапия оказывает какое-либо положительное воздействие на ход невротических расстройств, которое однозначно превышает долю спонтанной ремиссии, все еще остается в силе. Лечимся мы или не лечимся – наша простуда все равно проходит. И точно так же – лечимся

мы или не лечимся – мы можем считаться с тем, что избавимся от нашего невроза, пусть даже далеко не так быстро и с меньшей уверенностью.

Даже если две трети всех больных также без лечения выздоровели по истечении двух лет, или их состояние, по меньшей мере, существенно улучшилось, то одна треть остается без улучшения – и поэтому необходим поиск более эффективных или быстрее действующих терапий. Если бы мы смогли успешно лечить тех, кто не выздоравливает самостоятельно, и если бы мы были в состоянии сократить двухгодичный период страданий для тех, кто, в конце концов, достигает спонтанного улучшения состояния здоровья, то, без сомнения, это принесло бы значительную общественную пользу. Поэтому мы еще раз зададим вопрос: Существуют ли какие-нибудь альтернативы теории Фрейда, и можно ли на основе этих альтернативных теорий создать какие-нибудь новые формы лечения, в случае с которыми можно было бы объективно доказать, что они эффективнее, чем фрейдистский психоанализ или психотерапия?

Ответы на эти вопросы, без сомнения, положительны. Я уже подробно рассматривал перспективы, которые открывает поведенческая (бихевиоральная) терапия, в моей книге *«Невроз излечим»* (немецкое издание вышло в 1978 году) и хочу представить здесь только краткий очерк содержания этой теории и доказательств ее эффективности. Естественно, также внутри лагеря поведенческих терапевтов есть разные точки зрения на детали. Но как бы интересно ни было заняться этим более детально, то, все же, это не подходящее для этого место, в конце концов, в нашей книге рассказывается о Фрейде, а не о Павлове. Нужно только напомнить, что Иван Петрович Павлов разработал концепции условных рефлексов и кондиционирования (буквально обусловливания, т.е. развития новых поведенческих навыков путем модификации ассоциаций стимул/отклик) и экстинкции (угасания, ослабления условного рефлекса при отсутствии его закрепления), и поэтому может рассматриваться как отец поведенческой психологии, и что Джон Б. Уотсон – основатель и ведущая фигура американского бихевиоризма – мог показать, как можно с большой пользой применить эти подтвержденные опытным путем представления для объяснения причин и для оправдания терапии невротических расстройств.

Но нужно добавить еще несколько слов о принципах кондиционирования (выработки условных рефлексов). Большинство людей знакомо с важнейшим экспериментом Павлова с животными, в котором он воспользовался тем, что собаки выделяют слюну, когда они видят корм, тогда как у них обычно нет слюноотделения, когда они слышат в лаборатории звон колокольчика, в который звонит экспериментатор. Павлову теперь удалось доказать, что оба эти события можно соединить друг с другом, а именно следующим видом: когда он звонил в коло-

кольчик (так называемый условный раздражитель или также условный стимул CS), незадолго до того, как наступало время кормления или также, как только корм становился видимым (безусловный раздражитель или безусловный стимул US). И если это сочетание CS и US несколько раз последовательно повторялось, то слюноотделение в будущем также начиналось только при одном представлении CS. Другими словами, экспериментатор, в конце концов, должен был только лишь позвонить в колокольчик, чтобы вызвать выделение слюны у подопытной собаки. На самом деле вместе с тем был найден знаменитый принцип образования условных рефлексов. Однако достижение Павлова состояло не только в том, что он обнаружил этот феномен как таковой и продемонстрировал его в лаборатории; скорее он одновременно открыл законы, согласно которым протекает образование условных рефлексов. Они слишком сложны, чтобы мы здесь могли представить их. Так как мы должны, однако, в дальнейшем ссылаться на закон экстинкции (угасания, ослабления условных рефлексов, наблюдающегося при отсутствии их закрепления), это нужно хотя бы вкратце описать.

Если однажды была достигнута условная или кондиционированная реакция (CR), то она обычно закрепляется; если она должна снова исчезнуть, то нужно использовать специальный метод, а именно экстинкцию. Она состоит в повторяющемся на протяжении довольно долгого времени преподнесении CS без подкрепления, т.е. без презентации корма. Постепенно вызванное CS слюноотделение убавится, до тех пор, пока оно в конце совсем не прекратится. Таким образом, два существенных признака условного раздражителя – это его приобретение и его угасание или – с принятыми терминами – аквизиция и экстинкция; в случае обоих принципов мы сегодня уже многое знаем о закономерностях, которым они повинуются. Почему этот процесс кондиционирования должен был быть важен для исследования невротического поведения?

Прежде чем мы обсудим этот вопрос, мы хотим еще кратко напомнить о природе человека. Можно считать общепризнанным, что человек – это биосоциальное существо, поведение которого частично определяется биологическими инстинктами, которые берут начало от его естественного «снаряжения» и происходят из генетических факторов. Биологические поведенческие детерминанты твердо закреплены в его конституции; они образовались в ходе длившегося миллионы лет процесса эволюции. Однако наряду с этим на человека в его поведении и действии влияют также социальные факторы – такие как обучение, формирование отношения и поведения в обращении с ближними и так далее. Одни психологи в наше время особенно подчеркивают значение биологических факторов, другие ставят на первое место социальные факторы поведения, все же, при попытке разработать модель объяснения нельзя забывать биосоциальную природу человека, в которой обоим видам детерминантов подобает решающее значение.

Всем человеческим поведением управляет, естественно, в значительной мере мозг, и он, в свою очередь, обнаруживает несомненные пережитки антропогенеза – нашей эволюции. Так уже неоднократно указывали на то, что человек обладает «триединым» мозгом, т.е., у него, собственно, есть три мозга в одном. Старейший из них – так называемый «рептильный мозг» – находится в мозговом стволе, который образует мост между корой головного мозга (кортекс, Cortex) и многочисленными отходящими от мозга и ведущими к нему нервами. Над ним лежит так называемый палеокортекс («старый мозг», «старая кора»), который состоит преимущественно из лимбической системы и организует выражение эмоций. Палеокортекс окружен и покрыт неокортексом, новой корой головного мозга («новый мозг»), которая своим огромным развитием отличает человека от большинства других животных и отвечает за мышление, язык, решение проблем и остальные познавательные (когнитивные), специфически человеческие процессы. А неврозы – это, в принципе, расстройства палеокортекса или лимбической системы. Для невротических расстройств характерно, что они едва ли поддаются влиянию процессами, которые происходят в новой коре головного мозга. Человек, страдающей фобией на кошек, очень хорошо знает в своем неокортексе, что его поведение абсурдно, так как от наших домашних кошек не исходит никакой реальной опасности. Тем не менее, чувства страха существуют, и человек не может просто устранить их по своему желанию. Между старыми и новыми частями мозга наверняка происходит определенный обмен информацией, но имеется только относительно немного взаимосвязей между ними.

Язык палеокортекса – это, очевидно, язык кондиционирования, обусловливания по Павлову. Задолго до того, как человек развил новую кору головного мозга, его предки, с одной стороны, должны были учиться избегать небезопасных местностей, в которых они подвергались опасности нападения: с другой стороны, они должны были находить места, где была пища и вода. Животные приобретали этот опыт, без сомнения, в ходе того же процесса, который со времен экспериментов Павлова обозначается как кондиционирование – вырабатывание условных рефлексов, а также в случае с человеком оказалось, что эмоции (т.е. чувства или аффекты) могут приобретаться таким же образом. Если звонят в колокольчик и одновременно наносят исследуемому субъекту электрический удар, то требуется лишь несколько повторений, чтобы уже только при одном звоне колокольчика можно было наблюдать физиологические реакции, которые первоначально появлялись лишь при электрошоке. Человек даже совершенно особенно легко развивает страх боли или другие реакции страха, и не в последнюю очередь поэтому Павлов – и позже также Уотсон – пришли к теоретическому представлению, что *невротические расстройства по своей сущности являются кондиционированными эмоциональными реакциями*.

Один проведенный Уотсоном эксперимент, ставший широко известным, может пояснять этот вопрос. Ему удалось так кондиционировать (выработать условный рефлекс стимул/отклик) одиннадцатимесячного мальчика по имени *Альберт,* который охотно играл с белыми крысами, что у ребенка развилась фобия на крыс. Каждый раз, когда малыш пытался коснуться одной из крыс, страшный треск устраивался за его головой. Потребовалось лишь немного повторений, пока *Альберт* не стал демонстрировать значительный страх перед крысами, который он, сверх того, перенес на других пушных зверей, на маски Санта-Клауса, на шубы и тому подобное. Этот страх продержался довольно долгое время, и Уотсон сделал из этого вывод, что он с помощью кондиционирования выработал у ребенка невротическую фобию. Кроме того, он утверждал, что можно устранять страхи этого вида – как и другие страхи тоже – посредством разработанного Павловым процесса экстинкции, т.е. угасания. Одна из его учениц Мэри Кавер Джонс даже смогла доказать последнее экспериментальным путем: она лечила соответствующим способом некоторое количество детей, которые страдали от невротических страхов и фобий. Хотя эти исследования – и связанные с ними теории – датируются еще началом двадцатых годов, они образуют сегодня фундамент нашей современной поведенческой терапии.

Имеется несколько видов, в которых может проводиться поведенческая терапия. Три главных метода – это (систематическая) десенсибилизация, переполнение стимулами (сенсорная перегрузка) и имитационное научение, или научение по образцу (модели).

Давайте начнем с десенсибилизации. Для объяснения этого понятия можно использовать пример женщины, которая приобрела фобию на кошек из-за какого-либо травматического события в ее прошлом. Занимающийся поведенческой терапией специалист рассматривает эту фобию в качестве кондиционированной реакции и ищет способ, которым она снова может быть устранена. Предварительное условие угасания – это десенсибилизация. При этом пациентка должна, прежде всего, научиться определенным методам разрядки, с помощью которых ей постепенно удается устранить напряжения в различных мышечных частях тела. Мышечное напряжение – это один из признаков большого испуга или страха, и разрядка создает предпосылку для последующего процесса экстинкции.

На следующем этапе теперь совместно с пациенткой устанавливается иерархия страхов, которая может начинаться с вызывающего самый меньший страх объекта – в этом примере, с какого-то связанного с кошками предмета или ситуации – и заканчивается аспектом, который вызывает самый большой страх. Так, например, фотография котенка, которую показывают страдающей фобией жен-

щине на большом расстоянии, может быть низким возбудителем страха для нее, в то время как большая и дикая кошка, которую сажают ей на колени, вызывает сильный страх. Затем пациентку просят полностью расслабиться, и, если это ей удалось, ее просят представить себе тот раздражитель, который вызывает у нее только небольшой страх, или показывают ей издалека изображение котенка. Появляющийся при этом страх, как правило, не достаточно силен, чтобы устранить расслабленность, и таким образом достигается небольшой вклад в ослабление фобии.

Постепенно терапевт пробивается все выше вверх путем преподнесения все более сильного раздражителя в иерархии страха, и когда он взобрался, наконец, на наивысшую ступень, и реакции страха устранены полностью, тогда пациентка действительно исцелена. То есть, в будущем она больше не будет демонстрировать эмоциональную реакцию перед лицом объектов или ситуаций, которые раньше вызывали страх. В действительности этот метод оказался исключительно практичным: также он, естественно, применим не только к простым фобиям (которые довольно редки), а точно так же к гораздо более сложным состояниям страха, депрессиям или другим невротическим симптомам. Наше описание тоже относится только к самой простой и самой элементарной форме; разумеется, существует большое разнообразие методов, которое мы здесь не сможем рассмотреть. Во всяком случае, десенсибилизация – это, пожалуй, наиболее прикладной метод поведенческой терапии, и, несомненно, он – один из самых успешных.

Второй метод, переполнение стимулами (сенсорная перегрузка), называется так, потому что он заливает пациента потоком эмоций, которые связаны с его особенными страхами, реакциями испуга или фобиями. В определенном смысле этот процесс представляет собой противоположность десенсибилизации, потому что он начинается как бы с «вершины», а не с самого «низу» иерархии страхов. Тем не менее, эта методика также в состоянии вызвать экстинкцию; и у нас в дальнейшем еще будет возможность представить ее действие на подробном примере.

Третий из чаще всего использованных методов поведенческой терапии – это имитационное научение или научение по образцу. Здесь терапевт или другая модель (человек, действующий в качестве образца) показывает пациенту, как можно успешно справляться с ситуациями или объектами, которые раньше вызывали страх. Если, например, у ребенка есть фобия на собак, можно продемонстрировать ему друга или родственника, который приблизится к вызывающей страх собаке, погладит ее и подружится с ней. Постепенно это производит

ослабление страха, и по прошествии некоторого времени сам ребенок может приблизиться к собаке и так преодолеть свою фобию.

Теперь мы подходим к обещанному примеру применения работающей с переполнением стимулами поведенческой терапии, причем мы затем проведем сравнение с воздействием психоанализа. Понятно, что мы должны были выбрать из обширной литературы какое-то определенное расстройство, но из этого специфического выбора не следует делать вывод, что это было бы единственное расстройство, с которым можно справляться с помощью поведенческой терапии. Скорее с нею можно лечить все возможные болезни, которые подпадают под диагноз «невротические». Мы по совершенно определенным причинам выбрали в качестве примера навязчивое (обсессивно-компульсивное – «obsessive-compulsive») мытье рук. Во-первых, у этого специфического расстройства есть очень однозначный и легко измеримый аспект. Это затраты времени в день, которые человек тратит на то, чтобы чистить руки, избегать загрязнения и как-нибудь иным нерациональным способом соблюдать определенные развитые им ритуалы чистки. Оставляет ли устранение таких ритуалов какие-нибудь другие комплексные психические или физические симптомы – об этом мы еще поговорим позже.

Вторая причина, из-за которой наш выбор пал как раз на это расстройство, состоит в том, что оно не только необычно стойкое по отношению к стихийному улучшению состояния, но и сопротивляется всем усилиям лечить его с помощью психоанализа, психотерапии, электрошока, лейкотомии и многих других пропагандируемых методов. Поэтому можно сказать, что практически вообще никакая терапия здесь не срабатывает, так что мы должны стартовать с исходного рубежа «нулевого успеха». Дэвид Хантингфорд Мэлан, один из самых известных и в своей области очень часто цитированных психоаналитиков в Англии, недавно признался в одной книге[10], что он никогда не видел случая навязчивого мытья рук, который был бы успешно вылечен с помощью психоанализа. Поэтому поведенческая терапия – это для него в этом случае, несомненно, предпочтительный метод.

На первый взгляд излишне частое мытье рук и другие ритуалы чистки могут показаться не слишком тяжелыми расстройствами; но на человека, который страдает от них, они оказывают наихудшие влияния в том отношении, что они ограничивают его способность обычным способом справляться с жизнью. Он со своими ритуалами чистки теряет так много времени, что он не может ни ходить регулярно на работу, ни вести в некоторой степени нормальную семейную жизнь. Вынужденная такими ритуалами изоляция от общественной жизни часто делает его слишком боязливым, депрессивным и уставшим от жизни. Тогда такое рас-

стройство нужно принимать очень всерьез, тем более, что оно – как уже было сказано – до сих пор оказывалось почти полностью неподдающимся какому-либо лечению, как психотерапевтическому, так и соматическому.

Однако есть еще одна причина, из-за которой это расстройство может считаться хорошей «поучительной пьесой» для применения принципов поведенческой терапии. Эта причина относится к часто выдвигаемому возражению против поведенческой терапии, согласно которому та основана на механизмах кондиционирования, которые, со своей стороны, базируются преимущественно на экспериментах с животными: человеческие неврозы, мол, напротив, слишком сложны, чтобы их можно было измерить с такой простой моделью. Но в случае неврозов навязчивых состояний действительно существует хорошая модель с животными, которая служит образцом нашему методу лечения, и она проиллюстрирует, что это возражение нереалистично. Мы не можем априори решить, какого уровня сложности должно достигнуть лечение, чтобы быть успешным; только эмпирические исследования в состоянии дать нам разъяснение об этом. Если лечение проходит явно и, несомненно, успешно, то такие теоретические возражения должны утратить свою силу.

Экспериментальная парадигма, из которой выводится метод лечения, выглядит следующим образом. Собаку сажают в так называемый «испытательный стенд условной реакции бегства» (shuttle box), это большой ящик или помещение, которое разделено по центру барьером на две половины. У этих отделений есть разделенные полы из металлических решеток, к которым подведен электрический ток. По ним по лапам подопытного животного – собаки – можно наносить электрический удар. Кроме того, в ящике есть мигающий свет – условный раздражитель CS; а электрошок – это безусловный раздражитель US. Эксперимент начинается, когда вспыхивает световой сигнал – условный раздражитель; десятью секундами позже собаке наносится удар током, после чего она быстро перепрыгивает через барьер в другое отделение и оказывается там в безопасности. Свет гаснет, но через некоторое время снова вспыхивает, через десять секунд по безопасному до сих пор полу пускают ток, и собака снова возвращается в первое отделению. При повторении процедуры собака быстро учится прыгать в тот момент, когда включают ток, и по прошествии некоторого времени она даже уже начинает прыжок, как только появляется условный раздражитель, чтобы избежать электрического удара или опередить его. Теперь пес «кондиционирован», и экспериментатор может отсоединить электрический провод от бокса. Потому что, хотя собаку больше не подвергают последующему электрошоку, она продолжает перепрыгивать из одного отделения в другое в ответ на световой сигнал – условный раздражитель, CS. И это происходит не только несколько раз, а десять, сто, и даже тысячу раз. Однако это не значит ничего дру-

гого, как если бы собака приобрела навязчивую привычку, которая долговременна и больше не исчезнет сама по себе.

Сходство с человеком, страдающим навязчивым мытьем рук, очевидно. Пациент моет руки, чтобы уменьшить свой страх перед возможным загрязнением; собака прыгает через барьер от страха перед ожидаемым электрическим ударом. В действительности грязные руки вообще не навредили бы пациенту; а что касается собаки, то она больше не получила бы удар. В этом отношении обе привычки нереалистичны и неадекватны; несмотря на это, они очень сильны, и от них трудно избавиться. Мы это уже видели в связи с пациентами-людьми; но также и собакам трудно снова избавиться от таких новообразованных невротических привычек. Поэтому в целях проверки ток подключили снова, однако, на этот раз наоборот, т.е. электричество пускали по полу там, куда пес прыгал в поиске предполагаемой безопасности. Но это не срабатывает, а только еще больше усиливает уровень страха собаки и побуждает ее прыгать еще быстрее – и с большим напряжением сил.

Как же мы можем вылечить собаку от ее «невроза»? Ответ: тем методом, который специалисты по поведенческой терапии называют «переполнением (наводнением) стимулами с предотвращением реакции». Что это значит? Теперь барьер в середине испытательного стенда делается настолько высоким, что собака больше не может перепрыгнуть через него. Затем включается световой сигнал – условный раздражитель – CS, и вследствие этого у собаки вызывается значительный страх; она воет, бегает по своему отделению, прыгает высоко на стены, мочится и испражняется, в общем, показывает все симптомы очень сильного страха. Это «переполняющая часть» эксперимента: с помощью появления CS собака переполняется страхом – эмоциональной реакцией. При нормальных обстоятельствах она могла бы перепрыгнуть барьер и избежать, таким образом, условного раздражителя; но так как барьер теперь настолько высок, что собака больше не может его перепрыгнуть, «кондиционированная» (обусловленная) реакция предотвращается.

Между тем видимые признаки очень сильного страха непосредственно после использования предотвращения реакции уже скоро уступают место менее испуганному поведению. Собака постепенно успокаивается, и примерно через полчаса она кажется полностью расслабленной – другими словами, она десенсибилизирована по отношению к этой ситуации, и в то же время в определенной степени произошло угасание. Если повторить эксперимент несколько раз, то собака будет полностью исцелена. Для проверки можно теперь снова опустить барьер и пронаблюдать, как собака – несмотря на световой сигнал, служащий условным раздражителем – больше не пытается перепрыгивать.

Как мы можем приспособить теперь этот метод предотвращения реакции к человеку, страдающему обсессивно-компульсивным расстройством? Ответ очень прост: терапевт сначала точно информирует пациента – в нашем случае навязчиво моющего руки – о применяемой процедуре, включая причины, из-за которых была выбрана именно она, а не какой-то другой метод. И пациент должен добровольно согласиться с таким видом лечения (само собой разумеется, у него есть право выбрать и другой метод лечения). Затем его ведут в лечебный кабинет, который пуст. В нем есть только стол и два стула – один для терапевта и один для пациента. На столе стоит сосуд, наполненный грязью, песком и прочим мусором. Терапевт запускает туда руку и вытаскивает оттуда немного грязи. Потом он просит пациента, чтобы и тот сделал то же самое. Едва тот послушался, как его страх усиливается до чудовищных размеров, так что он хотел бы вскочить и вымыть руки. Терапевт приказывает ему не делать этого, а повторить еще раз – руками, покрытыми грязью. Эта ситуация вызывает у него тот же самый вид переполнения «эмоцией», т.е. чувством страха, как собака должна была испытывать его в эксперименте с shuttle box и предотвращенной реакцией бегства. И так же, как и там, страх здесь тоже со временем уменьшается. После одного или двух часов пациент все еще сидит с несчастным видом на своем стуле, но его страх сильно ослабел. Если он больше не демонстрирует боязливого возбуждения, то сеанс оканчивается, и пациент может идти, чтобы вымыть руки. Как и у собаки, эта процедура также повторяется несколько раз в течение двух или трех месяцев – примерно с двумя сеансами в неделю – и, согласно теории, пациент в конце должен был вылечиться. Происходит ли это на самом деле?

Стэнли Рахман и Рэй Ходжсон дают в своей книге о «навязчивых идеях и навязчивых действиях»[11] подробный отчет о своих экспериментах с помощью этого метода лечения, причем результат звучит так, что примерно 85-90% всех пациентов вылечиваются в значительной мере или полностью. Кроме того, повторные обследования показывают, что нет указаний на рецидивы, а также нет никаких признаков замещения симптома. Похоже, происходит как раз противоположное: профессиональная и рабочая жизнь пациентов также улучшается, когда лечение уже закончено, и общий уровень их готовности к приступам страха и к депрессии далее уменьшается. Согласно тому, что рассказывают пациенты и их семьи, такое лечение исключительно успешно. Фрейд определенно не ожидал бы этого. Так как ход экспериментов противоречит его самоуверенным предположениям о последствиях «ориентированных чисто на симптомы методов лечения», такие эксперименты должны рассматриваться как сильный контраргумент против психоаналитических теорий. Само собой разумеется, единственного примера недостаточно для того, чтобы с уверенностью гарантировать превосходство поведенческой терапии; тем не менее, читатель найдет подробное

обсуждение всей литературы в книге Алана Каздина и Теренса Уилсона, которая посвящена «оценке поведенческой терапии» и представляет широкий спектр «вопросов, доказательств и исследовательских стратегий».[12]

Уже сегодня доказательный материал сильно указывает на то, что методы поведенческой терапии не только успешнее любого другого вида психотерапии, но что они также приносят эффект гораздо быстрее; теперь это вопрос больше не лет, а месяцев или даже недель, прежде чем успех становится заметен. Отсутствие рецидивов или замещения симптома после окончания поведенческой терапии – вопреки противоположным прогнозам со стороны Фрейда и других психоаналитиков – должно считаться одним из самых сильных аргументов против психоаналитической теории. Это кажется странным, в конце концов, что те, кто не может даже устранить симптомы, клеймят специалистов по поведенческой терапии за то, что те, мол, вылечивают *только* симптомы.

Теория кондиционирования (выработки условных рефлексов) и экстинкции (угасания) неврозов позволяет нам объяснять много фактов, которые иначе оставались бы необъяснимыми. Так представляется совершенно правильным, что большинство видов психотерапии (их существует уже около ста) действительно успешны, причем равным образом, как не было бы успешно никакое лечение, что должно означать, что они не препятствуют выздоровлению пациентов. Это происходит вне зависимости от конкретной теории, являющейся предпосылкой для основателя специфического метода лечения, и, естественно, равным образом в случаях спонтанного излечения, т.е. вообще без терапии. Вероятно, это возникновение спонтанной ремиссии требует объяснения больше, чем все остальное; так как если мы сможем объяснить ее появление, мы также сможем по похожим принципам объяснить успех отдельных терапевтических методов. Возможно ли это теперь в понимании концепции экстинкции (угасания)?

В ответ на это давайте посмотрим, что происходит в реальности в случае якобы «спонтанного» излечения невроза. По всей вероятности, больной пойдет со своими проблемами к священнику или учителю, или к врачу или к друзьям и родственникам. При этом само собой возникает ситуация, которую можно понимать как слабую копию как раз той – описанной выше – процедуры десенсибилизации. Человек, с которым этот больной говорит, будет, как правило, чутким, доброжелательным и готовым помочь, насколько это возможно. Все это понижает общий уровень страха больного и приводит его в расслабленное состояние. Кроме того, он, рассказывая о своих трудностях, наверняка начнет с менее всего пугающей его проблемы и затем постепенно перейдет ко все более тяжелым проблемам (что соответствует упомянутой иерархии страхов). Естественно, такой процесс далеко не настолько успешен, как настоящая поведенческая тера-

пия, так как он протекает не систематически; но по мере того, как он приближается к десенсибилизации по всем правилам искусства, он также должен был достигнуть положительного результата. Как кажется, так мы можем объяснить относительно часто наступающую спонтанную ремиссию; потому что она вообще более не должна происходить «спонтанно», ибо в основе ее лежит процесс, который, в принципе, очень походит на поведенческую терапию.

Точно то же самое происходит, когда больной посещает психотерапевта (любой школы). Также здесь у нас есть приветливый и чуткий слушатель, который предлагает свою помощь и понимает пациента, так что у того есть – снова параллель – возможность рассказать о своих жизненных проблемах, пожаловаться на трудности и вообще поговорить о своих страхах. И снова этот процесс будет менее успешен, нежели десенсибилизация, так как он не запрограммирован правильно, но и он мог бы быть настолько же успешен, без сомнения, как «спонтанное» излечение. Если мы вспомним о выводе Смит, Гласса и Миллера о том, что срок обучения терапевта вообще не имеет значения для успеха лечения, то мы сразу можем экстраполировать группу терапевтов на священников, учителей, врачей, друзей и родственников пациента, которые все не получали никакого систематического образования, но они одним только своим присутствием и своим терпеливым слушанием способствуют процессу десенсибилизации. Как мы видели, образование, которое получил терапевт, зависит от какой-то определенной теории; однако для успеха лечения образование абсолютно несущественно. Поэтому мы могли бы утверждать, что теория угасания объясняет все встречающиеся в области психотерапии феномены, что больше того, что можно было бы сказать о какой-либо альтернативной теории.

Часто задают вопрос, как возможно, что так много пациентов – и так много терапевтов – убеждены в ценности психоанализа как метода лечения, если доказательств этого объективно лишь совсем немного. Ответ, вероятно, совпадает с известным экспериментом, который первым провел Б. Ф. Скиннер, и который должен был напасть на след причин суеверия. Он закрыл определенное количество голубей в большой клетке и оставил их там в одиночестве на ночь. Птицы получали корм через автоматический механизм, который с неравными интервалами ронял несколько зернышек. Следующим утром экспериментатор заметил, что несколько голубей вели себя очень необычно. Один гулял вокруг, подняв голову высоко в воздух, другой выписывал одним крылом круги на полу клетки, третий постоянно поднимал перья своего хвоста. Что же произошло? Ну, на языке выработки условных рефлексов предлагается следующее объяснение: голуби, естественно, привычно – каждый по-своему – гордо шествовали по клетке. Поэтому получалось так, что они в тот момент, когда корм появлялся в клетке, пребывали соответственно в определенном движении или позе. Теперь

они ассоциировали эти движения или позы с зернышками, которые они клевали немедленно после их появления, что, в свою очередь, в соответствии с теорией условного рефлекса, действовало как усилитель.

Итак, усиливалось как раз то, что птицы делали непосредственно перед появлением корма – один голубь высоко держал голову, у другого было крыло на земле, а третий поднимал вверх свой хвост. И вот это особенное поведение повторялось время от времени, так что голуби в следующий раз, когда снова появлялись зернышки, вновь испытывали усиление. Когда птицы затем увидели, что при повторении того же самого движения снова появлялся корм, им показалось, что это происходило *из-за того, что* они осуществили то или иное действие. Таким образом, у голубей, очевидно, возникло что-то вроде суеверия. Скиннер в связи с этим экспериментом считал, что вера в эффективность психотерапии основывается на похожем принципе. Если существуют – как доказано – частые спонтанные излечения, т.е., если многие пациенты становятся здоровыми также без терапии, то этот эффект, естественно, может случаться также во время лечения. Но в этом случае пациент и терапевт, само собой разумеется, приписывают выздоровление лечению, хотя реальной связи между обоими этими событиями нет. Если тогда достигнуто состояние обоюдной удовлетворенности, врач отпускает пациента как «исцеленного». Однако тот факт, что после этого его состояние часто снова ухудшается, больше не интересует терапевта, и это не влияет также на его суеверные убеждения. Суеверия, в свою очередь, очень живучи, так как они игнорируют разум или эксперимент и поэтому не допускают никаких сомнений в их иррациональном происхождении. Это один из забавных парадоксов психологии, что психоаналитики, которые, по их собственной самооценке, ввели научные и рациональные представления в нерациональное и эмоциональное поле психических или душевных расстройств, сами стали жертвой такого обусловленного суеверия. Но вот то, что они смогли убедить нормальных людей в правильности своих теорий и эффективности своих методов лечения – это останется одним из чудес нашего времени.

----

[1] A. E. Kazdin *History of Behaviour Modification.*

[2] H. J. Eysenck (1952) «The Effects of Psychotherapy»; dt.: «Die Wirkungen der Psychotherapie: Eine kritische Einschätzung», in: H. J. Eysenck/G. D. WILSON (Hrsg.) *Experimentelle Studien zur Psychoanalyse Sigmund Freuds,* Wien/München/Zürich: Europa Verlag 1979.

[3] H.J. EYSENCK(1952), указ. соч., стр. 144f.

[4] H.J. Eysenck (1965) Fact and Fiction in Psychology, London: Methuen.

[5] S. Rachman/G. T. Wilson (1980) *The Effects of Psychological Therapy*, 2nd Edition, London: Pergamon Press.

[6] A.E. BERGIN(1967)»Implications of Psychotherapy Research»,*Int. J. Psychiatry* 3.

[7] L. Luborsky (1954) «A Note on Eysenck's Article «The Effects of Psychotherapy: An Evaluation»», in: *Brit. J. Psychol.* 45, стр. 129-131.

[8] M. L. Smith/G. V. Glass/T. I. Miller (1980) *The Benefits of Psychotherapy*, Baltimore: Johns Hopkins University Press.

[9] J. Meltzoff/M. Kornreich (1970) *Research in Psychotherapy*, New York: Atherton Press.

[10] D. H. Malan (1979) *Individual Psychotherapy and the Science of Psychodynamics*, London/Boston: Butterworths.

[11] S. Rachman/R. J. HODGSON (1980) *Obsessions and Compulsions*, Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall.

[12] A. E. Kazdin/G. T. Wilson (1980) *Evaluation of Behaviour Therapy: Issues, Evidence and Research Strategies*, Lincoln: University of Nebraska Press.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

Фрейд и развитие ребенка

«Они судят чисто теоретически, без экспериментального доказательства, и результатом являются ошибки».

Майкл Фарадей

После того, как мы в предыдущей главе разобрались с вопросом эффективности терапии Фрейда, теперь мы хотим обратиться к его представлениям о происхождении невротических симптомов. Согласно его «теории психоневрозов», «...лишь сексуальные желания из периода детства могут претерпевать в ходе развития процесс вытеснения (превращения аффектов); в дальнейшие фазы развития они способны вновь воскреснуть, – будь то вследствие сексуальной конституции, которая возникает из первоначальной бисексуальности, будь то вследствие неблагоприятных влияний половой жизни, – и дать движущие силы для образования любого психоневротического симптома».[1]

Следовательно, мы не можем пройти мимо анализа теории Фрейда о развитии ребенка. Вместе с тем предоставляется, однако, еще и возможность проверить, в какой степени можно признать за теориями Фрейда эмпирический характер, и

прочна ли точка зрения Карла Поппера, согласно которой психоанализ – это псевдонаука, так как он не делал фальсифицируемые прогнозы. Наконец, мы должны будем исследовать историю случая *«маленького Ганса»*, так как он всеми рассматривается как начало детского психоанализа вообще и считается одним из самых больших успехов Фрейда. Мы должны будем поставить вопрос, в какой мере такая оценка правильна, и не могли ли бы альтернативные теории лучше объяснить невротические симптомы этого маленького пациента.

Давайте начнем сразу с вердикта Поппера в отношении недостатка в фальсифицируемости у учения Фрейда. На первый взгляд могло бы показаться, что Поппер неправ. Так как, без сомнения, из психоаналитической теории следуют дедуктивные выводы, и их вполне можно фальсифицировать эмпирически. Пример этого – это прогноз Фрейда, что ориентированное чисто на симптомы лечение должно было бы повлечь за собой либо рецидив – возвращение симптома, либо замещение симптома. Как мы видели, это не происходит, чем одновременно может быть опровергнут фундаментальный тезис учения Фрейда. Но смотреть лишь на фальсифицируемость, означало бы неправильно понимать Поппера, ведь он также называет псевдонаучными «такие в действительности проверяемые теории», которые «даже еще тогда поддерживаются их поклонниками, когда уже выявилось, что они ошибочны». И как раз в творчестве Фрейда мы сталкиваемся с чем-то, что гораздо более первоначально, более опасно и что куда сложнее опровергнуть, чем простую нефальсифицируемость.

Фрэнк Чоффи очень четко показал этот момент в своем эссе о «Фрейде и идее псевдонауки».[2] Он считает, что в психоаналитической теории и практике есть масса характерных особенностей, которые очевидно беспричинны и бессвязны; их нужно понимать как манифестации одного единственного мотива, а именно: стремления предотвратить опровержения. Некоторые относятся к мнимому разнообразию методов, с помощью которых нужно проверять правильность психоаналитических утверждений, таких как наблюдение за поведением детей; исследования особенностей нынешней или детской сексуальной жизни невротиков; исследование результатов профилактических мероприятий, которые базируются на представлениях Фрейда об этиологии психоневрозов. Чоффи указывает также на то, что все они сводятся только к одному ложному пути, а именно к заблуждению толкования, интерпретации. В действительности сам Фрейд описывал этот процесс толкования разнообразным способом, например, как «перевод бессознательных процессов в сознательные», как «заполнение пробелов сознательного восприятия», как «конструирование ряда сознательных событий, которые являются дополняющими к психически бессознательным событиям», как «открытие бессознательных фантазий из симптомов» и как «дать пациентам возможность осознавать их».[3]

Чоффи продолжает:

«Для псевдонауки характерно то, что гипотезы, которые она содержит, находятся в асимметричном соотношении к пробужденным ею ожиданиям, потому что эти гипотезы направляют ожидания в каком-либо направлении и также оправдываются исполнением этих ожиданий, однако и неисполнение ожиданий тоже не дискредитирует эти гипотезы».

Другими словами, псевдонаука пытается есть свой пирог и одновременно сберечь его; до тех пор, пока наблюдения и эксперименты оканчиваются успешно, они принимаются как доказательства; если же они, напротив, оказываются неудачными, или они, кажется, опровергают рассматриваемые гипотезы, тогда они отвергаются как несущественные. Чоффи показывает на примере психоаналитической теории детского развития, каким огромным было стремление Фрейда избегать возражений. Критик хорошо подобрал сюжет, потому что, как мы увидим, есть многое, что говорит в пользу его контраргументов.

Интересно, что Поппер констатирует, что другой знаменитый псевдоученый, а именно Карл Маркс также в значительной степени полагался на интерпретации, вместо того, чтобы опираться на непосредственную проверку фактическими наблюдениями. В этом случае основной тезис звучал так, что пролетариат якобы находится в авангарде исторического прогресса, но его желания и стремления должны быть «правильно» интерпретированы, чтобы быть приемлемыми с его – Маркса – точки зрения. Но кто же, однако, лучше всего подходил к тому, чтобы дать такие интерпретации, чем марксистский авангард, который был сформирован как Коммунистическая партия? Тот факт, что эти интерпретации должны были иметь очень малое отношение к выраженным самими пролетариями желаниям и целям, кажется, вообще не заботил Маркса и его сторонников. В точности так, как и Фрейду совсем не мешало то, что его толкования снова и снова рассматривались пациентами как неприемлемые, а критиками как сомнительные. В действительности не существует критерия, по которому можно было бы с уверенностью судить о степени соответствия толкований истине, если придавать самим толкованиям большее значение, чем поддающимся наблюдению фактам.

Хотя теория Фрейда о фазах развития (в раннем детстве), как можно предположить, достаточно известна, мы здесь должны кратко коснуться нескольких деталей. Согласно психоаналитической точке зрения, у маленького мальчика есть по природе потребность находиться в половом сношении с его матерью [«спать у матери»]. Но в исполнении своего желания он чувствует себя под угрозой со стороны своего отца, у которого, очевидно, есть более старые права по отно-

шению к матери. Если мальчик теперь (случайно) замечает, что у его сестренки нет пениса – той чудесной игрушки, которая значит так много для него, в нем все сильнее развиваются страхи кастрации, и они заставляют его, наконец, отказаться от всех неуместных желаний, так сказать, «вытесняют» их. Несмотря на это, эти желания продолжают и дальше жить в эдиповом комплексе бессознательного, чтобы затем в более поздней жизни обнаружить все возможные плохие невротические симптомы. Так как этот ставший столь известным эдипов комплекс занимает центральное место в спекуляциях Фрейда, мы в дальнейшем исследуем, существуют ли экспериментальные или эмпирические доказательства, которые в состоянии подтвердить его существование. Само собой разумеется, в учении Фрейда есть и другие критические пункты, все же, именно этот вопрос уже мог бы дать читателю представление о том, каким путем Фрейд разрабатывал свою теорию.

Соответствующие описания Фрейда являются довольно шокирующими, и, без сомнения, они вызвали волнение и беспокойство у его ранних читателей. Их значение связано, с одной стороны, с тем, что они претендовали на то, что смогли объяснить вопрос о происхождении неврозов, и, с другой стороны, они должны были доказать правоту психоаналитических методов. Фрейд, очевидно, верил в универсальный характер своих реконструкций для детства, и он был убежден в том, что для их подтверждения достаточно было лишь бросить взгляд в «детскую комнату». В соответствии с этим он однажды писал:

«Я могу с удовлетворением указать на то, что непосредственное наблюдение полностью подтвердило выводы психоанализа и предоставило тем самым хорошее свидетельство надежности последнего метода исследования».[4]

Во многих случаях Фрейд утверждал, что его клинически (т.е. на психоаналитической практике) приобретенное представление о детской сексуальной жизни можно проверить с помощью систематического наблюдения за поведением детей. Так в истории случая *«маленького Ганса»,* о которой мы сейчас поговорим, он ссылается на наблюдение за детьми как на «полученное более прямым и коротким путем доказательство этих основных положений», и затем задает риторический вопрос:

«Разве невозможно изучить у ребенка, во всей свежести, те его сексуальные побуждения и желания, которые мы у взрослого с таким трудом должны извлекать из-под многочисленных наслоений?»[5]

О называемой им так зависти к пенису Фрейд писал:

«Глядя на маленькую девочку, можно легко заметить, что она полностью разделяет уважение брата [имеется в виду: к его пенису]. У нее развивается большой интерес к этой части тела у мальчика, который, однако, уже скоро направляется завистью. Она чувствует себя ущемленной...».[6]

А об эдиповой стадии (эдиповой фазе) говорится,

«... что сексуальная жизнь маленького ребенка достигает высшей точки в так называемом эдиповом комплексе, в чувственной связи с родителем противоположного пола с позицией соперничества к родителю того же пола, устремление, которое в этот период жизни еще беспрепятственно продолжается в прямое сексуальное желание. Это можно настолько легко подтвердить, что не заметить это можно было бы действительно только с большим напряжением сил». [7]

Самое однозначное признание Фрейда, что непосредственное наблюдение за нормальными детьми дает ожидаемое подтверждение психоаналитической теории, – это следующий пассаж из его работы 1914 года:

«Сначала мои взгляды на сексуальность ребенка опирались почти исключительно на результаты обращенного в прошлое анализа взрослых... Итак, это был чрезвычайный триумф, когда несколько лет спустя удалось подтвердить самую большую часть открытого непосредственным наблюдением и анализом детей в их очень ранние годы, триумф, который постепенно уменьшался из-за размышлений, что открытие это было такого рода, что, собственно, нужно было стыдиться, что сделал его. Чем дольше занимаетесь наблюдением за ребенком, тем более понятным становился этот факт. Однако тем более странным становилось также то обстоятельство, что нужно было очень постараться, чтобы не заметить его».[8]

Другими словами, непосредственного наблюдения должно быть достаточно, чтобы проверять его теории, и уже по-настоящему нужно намеренно смотреть в другую сторону, чтобы не замечать эти факты.

Но что же получается на самом деле, если психологически обученный наблюдатель, который специально намеревается подтвердить теории Фрейда, изучает поведение своих собственных детей и «все аспекты их психического развития вплоть до возраста четырех или пяти лет»? Вот здесь мы можем сослаться на известного британского психолога и педагога профессора Чарльза Уилфрида Валентайна, который еще в 1942 году сообщил о своих опытах в книге о «психологии раннего детства». В этой книге были проанализированы, помимо его собственных наблюдений, также наблюдения ряда бывших студентов и друзей-

коллег за их детьми – а именно, уделяя преимущественное внимание специальным проблемам. Полученный таким путем материал Валентайн обсуждает в контексте с другими опубликованными дневниковыми записями надежных наблюдателей о первых трех или четырех годах жизни их детей, причем, по его собственным указаниям, в распоряжение ученому было предоставлено свыше дюжины этих весьма показательных свидетельств.[9]

При всем том нужно указать, что Валентайн начал проводить свое исследование вовсе не как критик психоанализа, враждебно настроенный к Фрейду; наоборот, как он сам дает понять, вначале он относился к спекуляциям Фрейда чрезвычайно благосклонно:

«Я могу сказать, что мне очень понравились его первые вышедшие на английском языке работы. Также я ощущал предубеждение, с которым он столкнулся только из-за того, что он так свободно писал о сексуальных вещах; и, наконец, я опубликовал маленькую книгу, в которой я разъяснял некоторые из его основных идей и связывал их с общей психологией. Итак, я надеюсь, что меня нельзя будет обвинить в предубеждении к его идеям».

Но теперь давайте обратимся к тому, что Валентайн должен был сказать о важности своих наблюдений для теорий Фрейда. Сначала он критикует гипотезы Фрейда об отношениях между детьми в одной и той же семье, в частности, их гипостазированное соперничество друг с другом:

«Длительные наблюдения с моей стороны, как и наблюдения других исследователей, решительно противоречат высказанных им [Фрейдом] представлениях об отношении очень маленьких детей к их младшим братьям и сестрам».

Фрейд писал:

«Несомненно, что ребенок ненавидит в них [братьях и сестрах] своих конкурентов... эту установку... достаточно часто заменяет более нежная или, мы лучше скажем: она напластовывается на нее, но враждебная позиция очень регулярно кажется более ранней. Легче всего можно наблюдать ее у детей от двух с половиной до четырех или пяти лет, когда появляется новый брат или сестра».[10]

Как подчеркивает Валентайн, его собственные наблюдения показывают, «что, наоборот, у этих детей демонстрируется *сначала* появление естественной нежности к маленькому брату, задолго до того, как появляется какой-либо вид ревности. И такое поведение, о котором сообщается, является [очевидно] типичным для реакций всех наших детей по отношению к их младшим братьям и

сестрам. Я же и сам редко видел большее восхищение, чем то, которое выражали старшие дети, когда они слышали, что у них появился еще брат или сестра... Дальнейшие свидетельства из других надежных сообщений приводят к четкому выводу, что большинство маленьких детей вообще не знает ревности, хотя некоторым из них может после первых лет жизни удаваться скрывать ее».

Результаты наблюдений Валентайна относительно мнимого существования эдипова комплекса, центра мыслительной конструкции Фрейда, еще более спорные. Он пишет:

«Фрейд утверждал, что в возрасте примерно двух лет мальчики начинают страстно уделять внимание своей матери и одновременно становятся ревнивыми по отношению к отцу, даже по-настоящему его ненавидят, и вместе с тем обнаруживают «эдипов комплекс». С другой стороны, девочки должны развивать в себе новую привязанность к своему отцу и рассматривать при этом мать в качестве соперницы... Между тем я не могу обнаружить у моих собственных детей даже самый незначительный признак такого эдипова комплекса, и я докажу, что большинство наблюдений прямо противоречат такому представлению. Особенно это касается того факта, что девочки в возрасте двух лет больше тянулись к матерям, чем мальчики, в то время как, по мнению Фрейда, в этом возрасте мальчики должны были бы начинать обращаться против отца, а девочки больше начинали бы любить его. Отношения детей с их родителями проходят скорее точно так, как разумно было бы этого ожидать. Сначала мальчики и девочки показывают сильную привязанность к их матери – или медсестре или утешительнице; позже – после второго года жизни – их привлекает к себе также и отец, который может теперь принимать участие в их играх и в ярко выраженных случаях готовит им наиболее волнующие развлечения. Но это усиленная привлекательность отца проявляется куда сильнее у мальчиков в возрасте двух или трех лет, чем у девочек, так как пристрастия и интересы девочек даже в этом раннем возрасте больше совпадают с предпочтениями их матери, чем их отца».

По поводу дискуссии о предполагаемых сексуальных устремлениях маленьких детей Валентайн замечает:

«Тот факт, что многие невротики (или люди, которые – очарованные идеями Фрейда или заинтересованные своим собственным отклоняющимся от нормы состоянием души – подвергают себя психоанализу) вспоминают из своего раннего детства о сексуальных устремлениях, это еще не доказательство того, что такие устремления просто всеобщие, не говоря уже о впоследствии обнаруженном самим Фрейдом факте, что «во многих, даже в большинстве этих случаев

воспоминание это «вовлечение», и это представление в действительности является «фантазированием назад», обращенной к прошлому фантазией». Поэтому происходящий из непосредственного наблюдения материал о якобы направленных на родителей сексуальных устремлениях нормальных детей в высшей степени сомнителен». [цитаты Фрейда из (1916/17), GW XI; StA I, стр. 358 или 330]

Валентайн приводит – как уже было сказано – много других непосредственных наблюдений специалистов; среди прочего он сообщает о результатах сбора информации, который он провел у шестнадцати психологов и ученых: «В общем, из этого опроса следует вывод, что во всех аспектах – предпочтения *матери* или *отца* в различном возрасте, у мальчиков или у девочек, причин изменений предпочтения, влияния воспитания, поводов для ревности – предоставляются вполне разумные объяснения фактов, в то время как для вымышленного эдипова комплекса никакие доказательства не обнаруживаются». (стр. 330)

Соответствующим образом итог его труда звучит так:

«Что касается силы сексуального инстинкта (power of sex), то опыты во время юности и последующего времени определенно могли бы быть достаточно убедительны. Являются ли сообщаемые пациентами представления о детской сексуальности в действительности (a) внушенными психоаналитиками, как однажды предположил Фрейд, или (b) полностью или частично собственными интерпретациями и преувеличениями пациента относительно легких чувств и побуждений или (c) и вообще правдивы ли они, пусть даже только в нескольких аномальных случаях – здесь не место исследовать это. Но сам тот факт, что сообщения пациентов, которые сам Фрейд сначала принимал как правдивые, оказались простыми фантазиями, очень характерен». (стр. 351)

Общий заключительный комментарий Валентайна «относится к высказанному психоаналитиками предположению, что те, кто не верит в эдипов комплекс и решающее значение сексуальности в детстве, умышленно отказывались признавать правду», причем он приводит цитаты Фрейда и Гловера. Затем он продолжает: «Мой нынешний ответ на это обвинение в предубеждении и отказе признать неприятную правду состоит в том, что медицинский психолог, который верит во влияние бессознательного, должен был бы быть осторожен в употреблении такого аргумента против других. Ему можно было бы возразить – и это уже произошло – как раз тем, что Фрейд и его приверженцы, когда они однажды полностью посвятили себя истине эдипова комплекса, также вопреки однозначно противоречащим сей истине свидетельствам больше не могли отойти от этой истины, так как ими управляло бессознательное желание поддерживать

свой собственный престиж. Да, собственно, это вовсе не кажется неестественным, если практикующие психоаналитики, которые хотят гарантировать себе более ста или двухсот платящих почасовой гонорар пациентов, придерживаются своего убеждения – так же, как другие придерживаются веры в правильность своих теорий и ценность своих терапевтических мероприятий. Я не утверждаю, что это основная причина их убежденности, также я лично не думаю, что это так, по меньшей мере, не регулярно или преимущественно. Я хотел бы только указать на то, что те сторонники эдипова комплекса, которые обвиняют своих критиков в слепых предубеждениях и бессознательных или даже недостойных мотивах, – это люди, которые сидят в очень хрупком стеклянном доме и при этом даже еще сами снабжают своих противников очень большими камнями. Кстати, они даже сами предоставили подходящее техническое выражение для этого: «проекция» («бросок»). Как говорил Фрейд: «Но анализ не подходит к полемическому употреблению». Досадно, что Фрейд и его приверженцы не приняли к сердцу это мудрое замечание». [Цитата Фрейда из (1914d), FB 6096, стр. 185]

Впервые книга Валентайна вышла в 1942 году; с тех пор были опубликованы многие другие сообщения, которые подтверждают его заключения. Также я производил за моими пятью детьми наблюдения, которые хоть и были менее систематическими, но руководствовались стремлением узнать на свой страх и риск, правильно ли было утверждение Фрейда, что его гипотезы можно подтвердить путем непосредственного наблюдения за маленькими детьми. Как и другие, я не смог обнаружить признаков существования ни эдипова комплекса, ни сексуальных побуждений в раннем детстве. Таким образом, мы, пожалуй, должны будем признать, что Фрейд со своим уже процитированным высказыванием, что эти факты можно было так «легко подтвердить, что не заметить это можно было бы действительно только с большим напряжением сил», полностью промахнулся. На самом деле едва ли можно было найти доказательства его представлений, если даже такие люди, как Валентайн, которые с самого начала были доброжелательны к теориям Фрейда, смогли получить лишь отрицательный опыт.

Как же Фрейд реагировал на такое неприятие его наивысших убеждений? Послушаем Чоффи:

«Всегда, когда Фрейд считает себя вынужденным опередить противоречащие его взглядам сообщения, он забывает о столь легко подтверждаемом характере его реконструкций детской сексуальной жизни и настаивает на их эзотерическом, понятном только посвященным качестве».

Так Фрейд однажды пишет:

«А другим, не врачам, применяющим психоанализ, вообще закрыт доступ в эту область, у них нет возможности составить самостоятельное суждение, свободное от влияния их собственных антипатий и предубеждений. Если бы люди сумели чему-нибудь научиться из непосредственного наблюдения над детьми, то эти три статьи [т.е. «Очерки о теории сексуальности»] вообще могли бы остаться ненаписанными».[11]

Чоффи очень разумно отвечает:

«Это отступление в случае появления противоположных свидетельств в область чего-то, что поддается наблюдению только эзотерическим способом, является общим признаком психоаналитической апологетики».

В действительности мнимое одобрение Фрейдом прямой проверки постулируемого им поведения часто выглядит странно двусмысленным. Если клинические реконструкции опытов из раннего детства правильны, если дети действительно узнали угрозу кастрации, если их соблазняли, или они стали свидетелями полового сношения родителей, то правильность этих воспоминаний можно было бы, без сомнения, проверить с помощью соответствующих исследований.

Но Фрейд, со своей стороны, естественно, придерживается другого мнения:

«Сообщениями такого рода нельзя обыкновенно пользоваться как материалом, заслуживающим неограниченного доверия. Весьма естественно без особого труда заполнить пробелы воспоминаний пациента расспросами старших членов семьи: однако я не могу с достаточной решительностью предупредить против такого приема. То, что родственники рассказывают при подобных расспросах, подлежит, возможно, критическому отношению. Всегда приходится вести изложение в зависимости от такого рода сообщений; при этом нарушается доверие к анализу, так как над ним наставлена другая инстанция. То, что только удается вспомнить, проявляется в дальнейшем течении анализа».[12]

Другими словами, конструкция сомнительных символических значений снов и повседневного поведения предпочитается в качестве доказательства происходящим из непосредственного наблюдения сообщениям настоящих свидетелей, так как последние представили бы, так сказать, апелляционную инстанцию, которой Фрейд усердно стремится избегать. Не требуется никакое внешнее исследование доказательств, которое могло бы проверить его толкование.

Еще более странно другое высказывание Фрейда, в котором он утверждает, что анализ снов ставится на одну сторону с воспоминаниями:

«Мне кажется, что они вполне равноценны воспоминанию, если они – как в нашем случае – заменены сновидениями, анализ которых всегда приводит к той же сцене и которые в неутомимой переработке воспроизводят каждую отдельную часть своего содержания. Видеть сны – значит тоже вспоминать, хотя и в условиях ночного времени и образования сновидений...» (стр. 169)

Это действительно удивительное утверждение. Фантастическое и абсолютно субъективное толкование сложной символики сна, несомненно, очень отличается от отчетливого воспоминания пациента. То, что мы ищем, это метод, с помощью которого мы можем проверять достоверность интерпретации. Фрейд исходит, само собой разумеется, из того, что его толкование снов правильно, но как раз это и есть тот момент, который следует сначала доказать. Но мы отложим пока этот вопрос до главы о толковании снов.

В своих усилиях убедить нас в подлинности своих реконструкций детской сексуальности Фрейд прибегает еще к другому действительно странному средству. Он заявляет, что истинность его теорий, мол, была доказана тем фактом, что они делают возможным успешное лечение; что, однако, прямо противоречит представлению тех его сегодняшних приверженцев, которые обычно любят отрицать тот аргумент, что эти теории можно опровергнуть неудачей терапии. У Фрейда об этом говорится:

«Исходя из механизма излечения, теперь становится возможным конструировать довольно определенные представления о происхождении болезни».

И в другом месте он пишет:

«Это исключительно переживания в детстве, которые объясняют восприимчивость к более поздним травмам», так как «только раскрытием и доведением до сознания этих почти всегда забытых следов воспоминания удается приобрести силу, чтобы избавить нас от симптомов».[13]

Но как мы видели в предыдущих главах, не существует доказательств того, что психоанализ действительно дает нам «силу», чтобы «избавить нас от наших симптомов». Итак, если мы принимаем всерьез тот аргумент Фрейда, что факт излечения гарантировал правильность его теорий и реконструкций, тогда мы должны, без сомнения, теперь привести тот аргумент, что факт отсутствия излечений опрокидывает его теории и реконструкции.

Как подчеркивали многие критики, особенно теория Фрейда о развитии невротических расстройств странно противоречива, ведь она выражает два противоречащих друг другу представления. С одной стороны, он, кажется, связывает сам себя с какой-то особенной детской сексуальной историей невротиков, что делает его уязвимым для опровержений; с другой стороны, он настаивает на универсальности участвующих патогенных качеств. Так однажды он постулирует:

«В основе образования какого-либо симптома можно найти травматические переживания из сексуальной жизни в раннем детстве».[14]

Это, кажется, однозначно сводится к этиологической взаимосвязи между тем ранним травматическим переживанием и более поздним появлением невротических симптомов. Однако Фрейд говорит следующее:

«... последующие выяснения у оставшихся нормальными людей [дали] неожиданный результат..., что их сексуальная детская история не должна существенно отличаться от детского переживания невротиков».[15]

Ну, если это так, то может ли наличие в детстве невротиков травм дать нам тогда основания для принятия их значения как причины? Ведь должно же быть в реакции ребенка на эти «травмы» [т.е. психические расстройства] что-то, что отличает невротическое детство от нормального, и действительно Фрейд также объясняет: «Итак, дело не в том, какой опыт сексуальных возбуждений получил индивидуум в своем детстве, а, прежде всего, в его реакции на этих переживания, то, ответил ли он на эти впечатления вытеснением или нет».

Может быть, тогда это вытеснение, которое позволяет делать различие между невротическим и неневротическим детством? Ответ должен звучать «нет!», так как, по Фрейду, такие «травматические переживания» не только не минуют ни одного человека, но никто также не ускользнет от «вытеснения», которое они влекут за собой. Соответствующим образом в другом месте у него говорится:

«На самом деле каждый человек прошел эту стадию, но затем вытеснил ее содержание с энергичным усилием и привел к забвению».[16]

Как оказывается, Фрейду нигде не удалось прийти к окончательному объяснению того, что именно отделяет раннее детство невротика от детства нормального взрослого.

Чоффи попадает в точку, когда он пишет:

«Объяснением этой двусмысленности, отговорок и противоречий может служить то, что Фрейд находится в плену одновременно двух необходимостей: хочет сказать и, все же, не может как-нибудь сказать, какие именно события в раннем детстве порождают предрасположенность к неврозу. Хочет сказать, потому что его открытие патогенной (вызывающей болезнь) роли сексуальности в детстве невротиков является так называемым исходным пунктом для его убеждения в том, что неврозы – это проявления возрождения детских сексуальных конфликтов, и вместе с тем в то же время для правильности метода, с которым была открыта это этиология. И, все же, не может сказать это, потому что слишком определенное изображение его этиологических гипотез должно было бы повлечь за собой риск их опровержения, и это, в свою очередь, могло бы угрожать не только его попыткам объяснения неврозов, а – еще более роковым образом – также методу, с помощью которого они были получены. Только тем, что он выдвигал те профилактические и [?] патогенные утверждения, можно было оправдать его интересы и подходы, в то время как они могли, все же, быть гарантированы только отказом от них». (указ. соч.)

Мы еще увидим, что Фрейд полагается исключительно на толкование снов, оговорок, ошибочных действий и другого туманного материала, которому определенно не подобает какая-либо неопровержимая выразительность. Его значимость зависит как раз от допущения, что теория, на которой это основывается, была точно доказана. Между тем как раз такое независимое доказательство отсутствует, и мы можем процитировать в качестве доказательства даже известного психоаналитика наших дней, а именно Джадда Мармора, который как будто представляет наш пункт обвинения:

«В зависимости от точки зрения аналитика пациенты каждой школы, кажется, производят точно тот вид феноменологических данных, который подтверждает теории и интерпретации их аналитика! Таким образом, каждая теория склоняется к тому, чтобы доказывать свою собственную правильность. Фрейдисты обычно обнаружат материал об эдиповом комплексе и страхе кастрации, сторонники Юнга – материал об архетипах, последователи Ранка – о страхе разлуки, сторонники Адлера о мужском стремлении и чувствах неполноценности, представители школы Хорни об идеализированных образах, последователи Салливана – о нарушенных человеческих отношениях, и так далее. Факт состоит в том, что в таком комплексном процессе, каким это представляет психоаналитическая терапия, взаимное влияние пациента и терапевта друг на друга, и особенно последнего на первого, проникает необычайно глубоко. То, чем интересуется терапевт, вид вопросов, которые он задает, материал данных, на который он реагирует или его игнорирует, и интерпретации, которые он делает – все это ока-

зывает слабое, но не недооцениваемое суггестивное воздействие на пациента, чтобы производить скорее определенные виды данных, чем другие».[23]

Если ведущие психоаналитики сами признают такие фундаментальные ошибки интерпретации, тогда критик психоанализа действительно должен еще сильнее подкрепить тот аргумент, что нужны другие, настоящие доказательства, чтобы сделать спекулятивные теории Фрейда правдоподобными. И не очевиден ли вывод, что гораздо лучше было бы полагаться на непосредственные данные наблюдений, вроде тех, что были представлены Валентайном и многими другими, вместо того, чтобы отвергать их в пользу постоянной неизвестности методик интерпретации? Процитируем еще раз Чоффи:

«Исследование толкований Фрейда может показать, что он в своем подходе регулярно начинает с того, что настоятельно рекомендуют ему его собственные теоретические предпосылки о лежащих в основе симптомов процессах, и затем – всегда курсируя туда-сюда между ними (предпосылками) и Explanandum (тем, что нужно объяснить) – конструирует хоть и убедительные, но ошибочные связи между ними. Таким путем он приходит к всякого рода выводам, как например: намеки на пыхтение при отцовском совокуплении при приступах Dyspnoe (диспноэ, «нервной астмы»), на феллацио при Tussis nervosa (сильный сухой кашель), на дефлорацию при мигрени, оргазм при истерическом обмороке, родовые схватки при аппендиците, на желание беременности при истерической рвоте, на страхи беременности при отсутствии аппетита (анорексии), на фантазию о родах при самоубийственном падении, на страхи кастрации при навязчиво повторяющемся хватании за шляпу, на мастурбацию при привычке выдавливать угри, на анальную теорию рождения при истерической обстипации (запоре), на роды при падающей упряжной лошади, на ночное излияние (выпот) при ночном недержании мочи, на внебрачное материнство при хромающей походке, на вину (чувства вины) за привычное соблазнение достигших половой зрелости девушек в навязчивом желании стерилизовать бумажные деньги, прежде чем передавать их, и т. д.» (Цитаты Фрейда из 1905e, StA VI).

Очевидно, что настолько субъективные интерпретации не могут стать основой для науки, из-за чего также описание Фрейдом детского развития, которое якобы становится фундаментом для появления невротических симптомов, представляется абсолютно неприемлемым. На то, что эту теорию можно опровергнуть, сверх того, солидными фактами, указывает исследование истории случая *маленького Ганса,* который является – как уже говорилось – краеугольным камнем образования теории Фрейда и вообще рассматривается как начало детского психоанализа.

Прежде чем мы посвятим себя теперь «анализу фобии пятилетнего мальчика», может быть целесообразным сопоставить описания Фрейдом двух детей, а именно почти пятилетнего *«маленького Ганса»* и *«маленького Герберта»,* который был на несколько месяцев младше Ганса. Герберта он характеризует такими словами:

«Я знаю там одного великолепного мальчика..., разумные родители которого отказываются от того, чтобы насильственно подавить часть развития ребенка. Маленький [Герберт]... демонстрирует... самый оживленный интерес к той части своего тела, который он обычно называет «Wiwimacher»». Все же: «он не был запуган, не мучается ощущением вины и поэтому простодушно рассказывает о своих умственных процессах».[17]

Согласно Фрейду, мальчик, который, как этот *маленький Герберт,* воспитывался ориентированными на психоанализ родителями, должен был с большой вероятностью развиться в неневротическую личность. Какой контраст с несчастным *маленьким Гансом,* который – по словам Фрейда – казался прямо-таки «образцом испорченности».[18] Действительно его мать однажды, когда ему было три с половиной года, произнесла угрозу кастрации; и когда рождение младшей сестры задало ему «большую загадку», «откуда появляются дети», отец рассказал ему «ложь об аисте» (стр. 112), после чего ему не удалось получить более подробное объяснение об этих вещах. Не в последнюю очередь «вследствие беспомощности, вытекающей из инфантильности сексуальных теорий» (стр. 113), в нем незадолго до его пятого дня рождения развивается фобия на животных. Естественно, *маленький Ганс* должен был, по представлениям Фрейда, своим воспитанием быть предопределенным к тому, чтобы в своей более поздней жизни стать жертвой невротических расстройств.

Но давайте остановимся здесь на короткое время! Эрнест Джонс мимоходом упоминает в своей знаменитой биографии Фрейда (т. II, стр. 308), что в случае *«Ганса»* и *«Герберта»* речь идет об одном и том же ребенке, только сообщение о первом было написано еще перед началом фобии животных (однако перед событиями, которые Фрейд позже рассматривал как патогенные), а о втором – уже после того. Да, Фрейд даже предполагал – впоследствии, что *Герберт/Ганс* как раз *из-за* своего «просвещенного» воспитания сильнее страдал от развития фобии:

«...так как его воспитывали возможно бережнее, без строгостей и с возможно малым принуждением, то и его страх проявился более открыто. У этого страха не было мотивов нечистой совести и страха перед наказанием, которые, наверное, обыкновенно оказывают влияние на уменьшение его». (стр. 119)

Эта двуликость способа аргументации Фрейда делает проверку его гипотез практически невозможной.

Если мы обратим теперь наше внимание на историю случая *маленького Ганса* (1909b), то, к счастью, в нашем распоряжении есть критическое обсуждение этой истории вместе с альтернативной интерпретацией профессоров Джозефа Вольпе и Стэнли Рахмана.[19]

Я проследовал за их проливающей свет на этот случай дискуссией вплоть до подробностей, так как она очень хорошо иллюстрирует нелогичные элементы в образовании теорий Фрейда и в то же время указывает на значение и рациональность предложенных ими самими гипотез. Вот краткий «текст» анализа:

Маленький Ганс был сыном одного состоящего с Фрейдом в тесном контакте стойкого поклонника психоаналитических идей. В начале января 1908 года Фрейд получил сообщение от отца, что *у Ганса* якобы «возникло нервное расстройство», очевидные симптомы которого состояли в «страхе идти на улицу», так как там его «укусит лошадь», а также в «дурном настроении по вечерам».

При этом отец *Ганса* предполагал, что «сексуальное возбуждение, вызванное нежностью матери, вероятно, является причиной нервного расстройства, но вызывающего повода я указать не в состоянии. Боязнь, что его на улице укусит лошадь, быть может, связана с тем, что он был где-нибудь испуган видом большого пениса». (стр. 26)

Первые признаки заболевания появились 7 января того же года, когда няня вывела *Ганса,* как обычно, погулять в городском парке. Он начал плакать и хотел «приласкаться» к своей матери. Когда его привели домой, он никак не хотел говорить, почему он отказался гулять дальше. На следующий день после первоначального колебания и плача он вышел на улицу со своей матерью; на обратном пути он набрался смелости и исповедовался матери: *«Я боялся, что меня укусит лошадь».* (Курсив в оригинале) Как и днем раньше, вечером *Ганса* охватил страх, и он снова захотел ласки мамы. Согласно сообщению отца, он со слезами, наконец, сказал: «Я знаю, завтра я должен опять пойти гулять», – и позже: «Лошадь придет в комнату». (стр. 27) Когда мать спрашивает его о том, трогает ли он «рукой Wiwimacher» (пенис), мальчик отвечает: «Да, каждый вечер, когда я в кровати». На следующий день, 9 января, «его перед послеобеденным сном предупреждают не трогать рукой Wiwimacher». (стр. 27)

В этом месте читателя может поразить то, что в основе последующего анализа Фрейда не лежали какие-либо собранные им самим клинические данные; ско-

рее он полагался исключительно на регулярные письменные сообщения отца, который, однако, неоднократно советовался с Фрейдом о фобии *Ганса*. За время всего анализа Фрейд видел маленького мальчика только один единственный раз – поистине странный способ осуществления лечения! Тем более удивительно, что, очевидно, только немногие аналитики нашли эту процедуру предосудительной.

Как бы то ни было, Фрейд дал толкование поведения *Ганса* и договорился с его отцом,

«...чтобы тот сказал мальчику, что история с лошадьми – это глупость и больше ничего. На самом деле он болен оттого, что слишком нежен с матерью и хочет, чтобы она брала его к себе в кровать. Он теперь боится лошадей потому, что его так заинтересовал Wiwimacher у лошадей».

Далее Фрейд предложил отцу,

«взяться за сексуальное просвещение Ганса» и сказать малышу, «что у матери и у всех других женщин, … Wiwimacher'а вообще не имеется». (стр. 30)

Впоследствии отец отметил обострения и спады развития фобии, причем состояние *Ганса* отчетливо ухудшалось, в частности, после удаления миндалин. После того, как он отдохнул физически, снова происходят беседы между ним и его отцом. Отец думает, что страх мальчика должен иметь какое-то отношение с привычкой мастурбировать. Также он находит повод еще раз объяснить сыну, что «девочки и женщины не имеют совсем Wiwmiacher'а». Вообще, он пытается убедить малыша *Ганса* в психосексуальном происхождении его «глупости».

Из-за недостатка места мы перескочим через последующие подробности и придем к 30 марта, когда Фрейд принимает отца и сына для короткой консультации и должен услышать,

«что страх Ганса перед лошадьми, несмотря на все разъяснения, не уменьшился».

Ганс объясняет, что его

«больше всего смущает то, что лошади имеют над глазами и нечто черное у их рта».

Намекая на предполагаемое символическое значение, Фрейд спрашивает малыша,

«… не носят ли его лошади очков? Он отрицает это. Носит ли его отец очки? Это он опять отрицает, даже вопреки очевидности. Не называет ли он «черным у рта» усы? Затем я объясняю ему, что он чувствует страх перед отцом, потому что он так любит мать». (стр. 41)

Естественно, он указывает *Гансу* на то, что его страх в этом отношении совершенно не обоснован.

Вскоре после этого Ганс снова рассказывает своему отцу, что он больше всего боится лошадей, у которых «есть что-то черное у рта» (стр. 46), но также и того, что «лошади упадут во время поворота» (стр. 44 и далее), и что его особенно беспокоят тяжелые возы, которых тянут большие ломовые лошади. Кроме того, на дальнейшие вопросы отца он сообщает, что он видел, как «однажды в омнибусе упала лошадь» (стр. 47) – инцидент, который позже подтверждается его матерью. Кстати, похоже, что «что-то черное у рта» было «ремнем, который ломовые лошади носят поперек головы». (стр. 47) Что касается фобии, то она появилась непосредственно после того несчастного случая. (стр. 47)

Все время отец пытался навязывать *маленькому Гансу* психоаналитические представления, которые тот, однако, большей частью отвергал, хотя он иногда считал себя вынужденным соглашаться просто ради мира в семье. Между тем не существует доказательств того, что интерпретации, которые достались его случаю, помогли каким-либо способом, и в действительности также не проявляется какая-либо связь между временами, когда его состояние было лучше, и теми, в которых он, очевидно, приобретал «постижение» («инсайт») в своей болезни. То, что он, однако, уже скоро снова стал здоров, можно было при относительно легкой степени развития фобических страхов ожидать с самого начала.

Вот и вся краткая история болезни, которую, впрочем, каждый, кто интересуется манерой, в которой Фрейд опрашивал своих пациентов, должен был бы прочесть полностью – лучше всего, естественно, вместе с упомянутой критикой Вольпе и Рахмана.

Если мы теперь спросим себя, что вообще можно сказать об этом случае, то мы должны сначала констатировать, что данный материал был выбран для анализа, без сомнения, потому что самое большое внимание было уделено тем фактам, которые могли быть связаны с психоаналитической теорией, в то время как другие в соответствии с тенденцией игнорировались. Как сообщал сам Фрейд, отец и мать ребенка принадлежали к его «ближайшим приверженцам» (стр. 14), и нужно предположить, что *Ганса* постоянно побуждали прямо или косвенно

производить данные, которые были важны для психоаналитического понимания.

Во-вторых, сообщение отца, очевидно, очень ненадежно, так как его интерпретации вовсе не подкреплены фактическими событиями или словами, которыми *Ганс* их описывает. Во всяком случае, в описании содержится несколько искажений, из-за чего его нужно было читать с большой осторожностью.

Также нельзя полагаться и на свидетельства *Ганса*. Не только потому, что он в последние недели своего заболевания много раз рассказывал разную ложь; он давал также много бессвязных и иногда даже противоречивых сведений. Прежде всего, однако, *Гансу* снова и снова приписывались представления и чувства, которые в действительности следует приписать его отцу, который вкладывал эти слова в его уста. Фрейд сам соглашается с этим, даже если он пытается скрыть сам этот факт как таковой:

«Конечно, при анализе приходилось говорить Гансу много такого, что он сам не умел сказать; внушать ему мысли, которые у него еще не успели появиться; приходилось направлять его внимание в сторону, желательную для отца. Все это ослабляет доказательную силу анализа; но так поступают при всех психоанализах. Психоанализ не есть научное, свободное от тенденциозности исследование, а терапевтический прием, он сам по себе ничего не хочет доказать, а только кое-что изменить». (стр. 91)

Стало быть, Фрейд, кажется, соглашается со своими многочисленными критиками, которые тоже полагают, что «психоанализ – это не свободное от тенденциозности исследование» и что внушения (суггестии) играют в нем значительную роль, вследствие чего его доказательная сила уменьшается практически до нуля. Но вернемся к интерпретации Фрейдом фобии *Ганса*, которая сводилась к тому, что его эдиповы конфликты представляют исходную точку невротического расстройства. Об этом он пишет:

«У Ганса это – стремления, которые уже раньше были подавлены и которые, насколько мы знаем, никогда не могли проявиться свободно: враждебноревнивые чувства к отцу и садистские, соответствующие предчувствию коитуса, влечения к матери. В этих ранних торможениях лежит, быть может, предрасположение для появившейся позднее болезни. Эти агрессивные склонности не нашли у Ганса никакого выхода, и как только они в период лишения и повышенного сексуального возбуждения, получив поддержку, собирались проявиться наружу, вспыхнула борьба, которую мы называем «фобией»». (стр. 116)

Это, естественно, соответствует знакомому представлению об эдиповом комплексе, согласно которому *Ганс* больше всего хотел бы, чтобы его отец, которого он должен был ненавидеть просто как соперника, исчез, и чтобы потом он сам в сексуальном акте овладел матерью.

Для подтверждения Фрейд приводит следующее: «При помощи другого как бы случайно последовавшего симптоматического поступка он допускает, что желал смерти отца: он опрокидывает лошадь, с которой играл, в тот момент, когда отец говорит об этом желании смерти». (стр. 110; см. также стр. 79)

Поэтому Фрейд также заявляет без обиняков:

«Он [Ганс] действительно маленький Эдип, который хотел бы «устранить» отца, чтобы остаться самому с красивой матерью, спать с ней». (стр. 96)

Основывающееся на эдиповом конфликте «предрасположение для появившейся позднее болезни» (стр. 116) образует, согласно точке зрения Фрейда, базис для «превращения сексуального возбуждения в страх». (стр. 114)

Но какое отношение все это имеет к лошадям? Ну, в ходе единственной консультации в присутствии *Ганса* Фрейд «нашел этот момент подходящим, чтобы сообщить ему существенно важную предпосылку в его бессознательных побуждениях; его страх перед отцом вследствие ревнивых и враждебных желаний по отношению к нему».

По его оценке, это было решающим шагом для анализа, так как он комментирует:

«Этим я отчасти истолковал ему страх перед лошадьми, а именно, что лошадь – это отец, перед которым он испытывает страх с достаточным основанием».

Фрейд добавляет пояснение, что

«...что-то черное у рта и у глаз» потому навевало на Ганса страх, что речь шла об «усах и очках как преимуществе взрослого», и что таким образом страх, казалось, был непосредственно «перенесен на лошадей с отца». (стр. 105)

Наконец, Фрейд объясняет элемент агорафобии в страхах *Ганса* следующими словами:

«Цель и содержание фобии – это далеко идущее ограничение свободы движения и, таким образом, мощная реакция против неясных двигательных импуль-

сов, которые особенно склонны быть направленными на мать... Фобия лошади – все-таки препятствие выйти на улицу и может служить средством остаться дома у любимой матери. Здесь победила его нежность к матери: любящий цепляется вследствие своей фобии за любимый объект, но он, конечно, заботится и о том, чтобы не оказаться в опасности. В этих обоих влияниях обнаруживается настоящая природа невротического заболевания». (стр. 116 и далее).

А теперь перейдем к критике истории этого случая! Вольпе и Рахман пишут по-настоящему решительно:

«Мы утверждаем, что оценка Фрейдом данного случая не подтверждена данными, ни в деталях, ни, в общем. Он рассматривает в качестве доказанных следующие главные моменты:

1. Ганс сексуально вожделел свою мать,

2. он ненавидел и боялся своего отца и желал его убить,

3. его сексуальные возбуждения и страсть к его матери превратились в страх,

4. его страх перед лошадями был символом его страха перед отцом,

5. намерением болезни было оставаться рядом со своей матерью, и, наконец,

6. его фобия исчезла, так как он преодолел свой эдипов комплекс.

Давайте проверим каждый из этих пунктов в отдельности:

1. Ни разу никто не пытался оспаривать тот факт, что Ганс получал успокоение от своей матери, и что ее присутствие доставляло ему удовольствие. Но ниоткуда не следует доказательство его желания владеть ею сексуально. Фрейд говорит об инстинктивных предчувствиях [предчувствиям, соответствующим импульсу коитуса (стр. 116)] как о факте, хотя доказательств их наличия не существует...

2. Гансу, который не выражал ни страх, ни ненависть по отношению к отцу, Фрейд говорил, что у того есть эти чувства. При более поздних поводах Ганс отрицал такие чувства, когда его отец спрашивал об этом. Самое большее, он сказал «да» в ответ на одно высказывание этого вида, которое сделал отец. Это простое подтверждение, которое было достигнуто после значительного давления со стороны отца и Фрейда, принимается как истинное состояние вещей, а все отрицание маленького Ганса игнорируется. «Симптоматический акт», спо-

ткнуться об игрушечную лошадку, [«симптоматическое действие», при котором он перевернул игрушечную лошадь (стр. 110)], принимается как еще одно доказательство агрессии мальчика против своего отца. В основе этих интерпретированных фактов [этого «толкования»] лежат три предположения – во-первых, что лошадь представляет отца, во-вторых, что спотыкание о лошадку [падение с ног] не является случайностью, и в-третьих, что это действие показывает желание устранить то, что символизируется лошадью, а именно отца.

Ганс настойчиво отрицает связь между лошадью и своим отцом. Он говорит, что боится лошадей. Что-то таинственное черное вокруг пасти [«рта»] лошадей и какая-то штука на их глазах позже были идентифицированы отцом [Ганса (стр. 47)] как толстые ремни упряжи и шоры. Это открытие подрывает утверждение (Фрейда), что речь шла якобы о транспонированных усах и очках. Нет никакого другого доказательства, что лошади изображают отца маленького Ганса. Предположение, что падение при спотыкании об игрушечную лошадь, внушено каким-то неосознанным мотивом и поэтому важно, является, как и подавляющее большинство похожих примеров, спорным моментом...

Так как ничто не говорит в пользу подтверждения первых обоих предположений, на которые опирался Фрейд при интерпретации этого симптоматического действия, третье предположение (что это действие показывает желание смерти отца) несостоятельно, и не нужно повторять, что нет никакого независимого доказательства того, что мальчик боялся или ненавидел своего отца.

3. Третье утверждение Фрейда состоит в том, что сексуальное возбуждение и вожделение его матери превратились у Ганса в страх. Это утверждение базируется на объяснении, что это, конечно, должно было происходить так: «Обыкновенно так и бывает, как в теории, что тот же предмет, который раньше вызывал высокое наслаждение, сегодня делается объектом фобии». (стр. 54). Однако, такое превращение, несомненно, не заметно на основе имеющихся фактов. Как уже было сказано выше, нет никаких доказательств того, что Ганс жаждал своей матери сексуально. Нет также никаких доказательств изменения его отношения к ней в сравнении со временем перед появлением фобии. Если даже и есть какое-то доказательство того, что лошадь в определенной мере была раньше для него объектом «сильного желания», то представление о том, что объекты фобий вообще должны были раньше быть предметами сильного желания, преимущественно опровергается результатами экспериментов.

4. Утверждение, что фобия лошадей у маленького Ганса символизирует его страх перед отцом, уже критиковалось. Предполагаемая связь между отцом и лошадью не подтверждается и, похоже, она появилась из [странного] отказа

отца поверить в то, что Ганс подразумевал под чем-то черным вокруг рта лошадей их сбрую (стр. 41).

5. Пятое утверждение гласит, что целью фобии маленького Ганса было его желание оставаться рядом со своей матерью. Несмотря на сомнительное представление, что невротические расстройства возникают из-за связи с какой-то целью [появляются в связи с определенным намерением], эта интерпретация не согласуется с тем фактом, что Ганс страдал от страха также тогда, когда он гулял *со своей матерью*.

6. Наконец, сообщается, что фобия исчезла вследствие разрешения эдиповых конфликтов маленького Ганса. Как мы попытались показать, нет достаточных доказательств того, что эдипов комплекс вообще существовал у Ганса. Кроме того, утверждение о том, что этот предполагаемый комплекс разрешился, основывается на единственной беседе между Гансом и его отцом (см. выше). Эта беседа дает убедительное доказательство [пример] того, что сам Фрейд говорит о Гансе: «Конечно, при анализе приходилось говорить Гансу много такого, что он сам не умел сказать; внушать ему мысли, которые у него еще не успели появиться; приходилось направлять его внимание в сторону, желательную для отца». (стр. 91)

Итак, нет [также] никакого удовлетворительного доказательства того, что постижение («инсайт»), на которое беспрерывно обращают внимание мальчика, имело хоть какую-то терапевтическую ценность. Указание на факты случая показывает только случайные соответствия между интерпретациями и изменениями фобических реакций ребенка...

...Тем не менее, Фрейд основывает свои заключения целиком и полностью на дедукциях этой теории. Более позднее улучшение состояния маленького Ганса, кажется, произошло спокойно и постепенно, и абсолютно независимо от влияния этих интерпретаций. В общем, Фрейд устанавливает эти взаимосвязи совершенно недопустимым с точки зрения науки способом: если разъяснения и толкования, которые достаются Гансу, влекут за собой улучшение его поведения, то они автоматически принимаются как правильные. Если же они не влекут за собой улучшения, то нам сообщают, что пациент не принял их, а не то, что они были неправильны. По поводу неудач таких ранних разъяснений Фрейд замечает, что терапевтический аспект не является главной целью анализа, и отвлекает этим внимание от проблемы [(...и противоречит более раннему высказыванию, согласно которому психоанализ – это терапевтический процесс, а не научное исследование!)]. И далее он утверждает, что за улучшение состояния

нужно благодарить толкование, даже в том случае, если оно было ошибочным, как, например, интерпретация с усами».[20]

Но как объяснила бы теперь современная психология фобию *Ганса*? Мы уже упоминали в предыдущей главе об экспериментах Дж. Б. Уотсона с *маленьким Альбертом,* которые показали, что фобические страхи могли производиться простым процессом кондиционирования, и они сохранялись долгое время. Поэтому также можно было предположить, что инцидент, который Фрейд рассматривал только как просто повод для возникновения фобии лошадей у *маленького Ганса*, а именно то мгновение, когда большая конная повозка попала в аварию, и упряжная лошадь погибла, был фактически причиной всего расстройства. Действительно *Ганс* вспоминал точно о той ситуации и о последовавшим за нею страхе:

«Нет, я получил ее позже. Когда лошадь в мебельном фургоне опрокинулась, я так сильно испугался! Потом уже, когда я пошел, я получил свою глупость».

И отец добавил:

«Моя жена подтверждает все это, а также и то, что непосредственно за этим появился страх». (стр. 47 и далее).

Кроме того, отец смог вспомнить еще два других неприятных события, которые *Ганс* испытал с лошадями, прежде чем появилась фобия. Вероятно, эти опыты в связи с лошадьми сенсибилизировали его или, другими словами, он был уже частично кондиционирован на страх перед лошадями. Вольпе и Рахман приводят следующие аргументы:

«Совсем как маленький Альберт (из классической демонстрации Уотсона, Уотсон и Рэйнер, 1920) реагировал со страхом не только на первоначально кондиционирующий [кондиционированный, условный и обусловленный] раздражитель, белую крысу, но и на другие похожие раздражители, как меха, вату и так далее, так и Ганс реагировал с боязнью на лошадей, на омнибусы и мебельные фургоны, которые тянут лошади, и на признаки, которые принадлежат к лошадям, как шоры и ремни [конская сбруя]. Он на самом деле демонстрировал страх перед рядом обобщенных раздражителей. В аварию, которая вызвала фобию, были вовлечены две лошади, которые тянули омнибус, и Ганс говорил, что он больше боится больших возов и карет, фургонов для перевозки мебели или омнибусов, чем маленьких повозок. Как и следовало ожидать, фобический раздражитель воздействовал на Ганса тем более тревожно, чем более тесно он был связан с первоначальным инцидентом и наоборот. Более того, последним при-

знаком его фобии перед ее исчезновением был его страх перед большим мебельным фургоном или омнибусом. Существует достаточно много экспериментальных доказательств того, что, если реакции на обобщенные раздражители устранены, то реакции на другие раздражители в континууме уменьшаются тем меньше, чем больше они подобны первоначальному условному (кондиционирующему) [кондиционированному] раздражителю.

Выздоровление маленького Ганса от его фобии можно объяснить кондиционирующими причинами [принципами выработки условных рефлексов], которые можно толковать разными способами, но фактический механизм, который возымел действие, определить нельзя, так как отец ребенка не занимался информацией, которая представляла бы для нас интерес. Известно, что особенно у детей многие фобии стихают и исчезают в течение нескольких недель или месяцев. Причина этого, кажется, состоит в том, что в нормальном течении жизни обобщенные фобические раздражители приводят к таким реакциям страха, которые достаточно слабы, чтобы их могли затормозить другие эмоциональные реакции, которые одновременно возникают [в индивидууме]. Возможно, этот процесс и привел к настоящему выздоровлению маленького Ганса. При этом толкования могли быть несущественны или даже оттянули выздоровление, так как они добавили к уже наличествующей угрозе новые угрозы и создали новые страхи помимо уже существовавших страхов. Но так как Ганс, похоже, не был особенно испуган и сбит с толку ими, то, вероятно, что эта терапия оказала эффективную помощь, потому что ребенку снова и снова демонстрировались фобические раздражители в различных эмоциональных взаимоотношениях, что тормозило страх и вследствие этого уменьшило его привычную силу. *Постепенное* выздоровление маленького Ганса соответствует такому объяснению (Вольпе, 1958)».[21]

Может, вероятно, показаться необдуманным захотеть заново интерпретировать детскую фобию, которая была так давно. Однако, факты сочетаются друг с другом удивительно хорошо, и, по меньшей мере, здесь нам предоставляется альтернативная теория, которая могла бы показаться многим людям более убедительной, чем та, которую первоначально развивал Фрейд. Что здесь нам все же определенно необходимо, это предоставление доказательств, которые позволили бы нам сделать различие между этими альтернативными объяснениями – причем не столько в отношении самой истории *маленького Ганса,* сколько в отношении тех случаев, которые представлены нам в настоящее время, и для лечения которых нужно выбрать методы, которые основываются либо на типе теорий Фрейда, либо на теории Вольпе. Но мы уже обсуждали этот вопрос в предыдущей главе, и поэтому здесь мы только процитируем выводы, к которым пришли Вольпе и Рахман на основании своего исследования истории случая *ма-*

ленького Ганса. При этом они направляют свое внимание, прежде всего, на мнимые доказательства, которые тот анализ представляет собой для теорий Фрейда:

«Самый важный вывод, который можно сделать из нашей перепроверки случая маленького Ганса, состоит в том, что ничего не говорит в пользу непосредственного доказательства психоаналитических тезисов. Мы проверили рассказ Фрейда в поисках приемлемого научного доказательства и ничего не нашли... Фрейд был полностью убежден, что в случае с маленьким Гансом ему удалось непосредственное подтверждение его теории, так как он в конце статьи говорит, что вытащил на свет (стр. 120) комплексы из раннего детства, которые скрывались за фобией [«инфантильные комплексы, которые открывались за фобией Ганса» (стр. 122)].

Кажется ясным, что Фрейд, хотя он и намеревался подходить к делу по-научному, был удивительно наивным в том, что касается необходимости научных доказательств. Комплексы из раннего детства как раз и не были вытащены на свет в случае маленького Ганса, они были только предположены гипотетически.

Примечательно, что бесчисленные психоаналитики проявляли свое особенное почтение к случаю маленького Ганса, не смущаясь при этом его очевидной непригодностью. Мы не хотим искать здесь объяснения этого, а укажем только на одну, вероятно, важную для этого причину – на негласную веру психоаналитиков в то, что Фрейд владел чем-то вроде не знавшего ошибок озарения, которое освобождало его от обязанности придерживаться правил, возложенных на простых смертных. Например, Гловер (1952) говорит о других аналитиках, которые взяли на себя смелость обращаться с материалом тем же способом, как это делал Фрейд [что значит: подвергать его лишь легкой ревизии («a touch of revision»)]: «Без сомнения, если бы кто-то формата Фрейда появился в нашей среде, за ним... эти привилегии признали бы добровольно». [И далее:] «Признавать за кем-то такую привилегию вообще, это значит оскорблять дух науки».[22]

Вот таковы существенные детали о теории развития детей, которую защищал Фрейд, а также о ее доказательствах, в особенности об истории случая *маленького Ганса,* которую он использовал, чтобы обнародовать свои представления о детском психоанализе. Данный результат исследования печален, ведь он показывает полное отсутствие у Фрейда подлинно научной позиции. Он наивно полагается на толкования самого спекулятивного вида, пренебрегает надежными фактами, полученными из наблюдений и других источников, даже просто не

обращает внимания на них, не учитывает альтернативные теории, и, наконец, по-мессиански верит в свою собственную непогрешимость. Все это соединяется у него с открытым презрением к своим критикам. При таких предпосылках было бы очень необычно, если бы его результаты обладали ценностью научного познания. Поэтому также понятно, что мы даже еще сегодня, спустя семьдесят пять лет после того, как фобия этого «пятилетнего мальчика» была проанализирована Фрейдом, не приблизились к цели получить настоящие доказательства его теории об эдиповом комплексе, страхах кастрации и инфантильной сексуальности.

Хотя многие психоаналитические термины и понятия проникли в сознание общественности и очень часто используются – особенно литераторами и другими людьми без научного образования – для того, чтобы нашпиговать ими свои книги или свои беседы; все же, в настоящее время среди психологов, которые требуют доказательства для конкретных утверждений, осталось только немного тех, кто верит в правильность идей Фрейда. Причины такого скепсиса могли бы стать понятными при чтении этой главы.

В заключение мы можем только лишь выразить наше удивление тем, что эти недоказанные спекуляции нашли столь широкое одобрение у психиатров и психоаналитиков, что Фрейд умудрился убедить очень умных людей в убедительности своих аргументов, и что его методы нашли такое всеобщее применение при лечении невротических и других расстройств. Объяснить, как все это было возможно, пусть будет задачей истории науки. Я, со своей стороны, не могу предложить решения для этого поистине чудесного развития. Но мне кажется, что в этом процессе сыграла роль не столько научная сила убеждения, сколько что-то вроде религиозного обращения в новую веру, которое основывалось на доверии и вере вместо фактов и экспериментов, и опиралось больше на внушение и пропаганду, чем на предоставление доказательств и проверку. Однако остается вопрос: Неужели на самом деле нет никаких экспериментальных доказательств в пользу представления о человеке у Фрейда? Мы попытаемся дать на это ответ в следующих двух главах.

----

[1] S. Freud (1900a) *Die Traumdeutung*, GW II/III; Studienausgabe Bd. II, стр. 574f.

[2] F. Cioffi (1970) «Freud and the Idea of a Pseudo-Science», in: M. R. Borger/F. Cioffi (Hrsg.) *Explanations in the BehaviouralSciences*, Cambridge: Cambridge University Press (оттуда также последующие цитаты).

[3] Взятые из F. Cioffi (1970) цитаты Фрейды были специально переведены обратно с английского языка; соответствующие немецкие оригинальные пассажи звучат следующим

образом: «... Übersetzung [des] Unbewußten im Seelenleben der Kranken in ein Bewußtes» (1905a), GW V; StA E, стр. 106; «... daß die Psychoanalyse diese [Gedächtnislücke ausgefüllt... hat» (1913j), GW VIII; FB 6016, стр. 121; «Die Herrschaft des Traumes über das Kindheitsmaterial, welches bekanntlich zum größten Teil in die Lücken der bewußten Wahrnehmungsfähigkeit fällt...» (1900a), GW II/ III; StA II, стр. 43; «... eine ganze Reihe von Träumen..., in welchen der... Reiz und ein Stück des Trauminhalts so weit übereinstimmen, daß der Reiz als Traumquelle erkannt werden konnte» (1900a), там же стр. 49.

[4] S. Freud (1905d) *Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie,* GW V; Studienausgabe Bd. V, стр. 99[2] (Zusatz 1910).

[5] S. Freud (1909b) *Analyse der Phobie eines fünfjährigen Knaben,* GW VII; Studienausgabe Bd. VIII, стр. 13f.

[6] S. Freud(1908c) *Über infantile Sexualtheorien,* GW VII; Studienausgabe Bd. V, стр. 178.

[7] S. Freud (1925a) *Die Widerstände gegen die Psychoanalyse,* GW XIV; цитируется по *Selbstdarstellung: Schriften zur Geschichte der Psychoanalyse,* Fischer Taschenbuch 6096, стр. 232.

[8] S. Freud (1914d) «Zur Geschichte der psychoanalytischen Bewegung», GW X; цитируется по *Selbstdarstellung.*l.c., стр. 154.

[9] C. W. Valentine (1942) *The Psychology of Early Childhood,* London: Methuen (оттуда номера страниц последующей цитаты).

[10] S. Freud (1916/17) *13. Vorlesung zur Einführung in die Psychoanalyse* u.d.T. «Archaische Züge und Infantilismus des Traumes», GW XI; Studienausgabe Bd.

I, стр. 208f.

[11] S. Freud (1905d) *Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie,* Vorwort zur vierten Auflage (1920), GW V; Studienausgabe V, стр. 46.

[12] S. Freud (1918) *«Aus der Geschichte einer infantilen Neurose»,* GW XII, Studienausgabe VIII, стр. 135[2] (оттуда также последующая цитата).

[13] S. Freud: *Two Short Accounts of Psychoanalysis,* p. 48 u. 71 (переведено с английского).

[14] S. Freud (1923a) *Psychoanalyse*» und *Libidotheorie,* GW XIII.

[15] S. Freud (1906a) *Meine Ansichten über die Rolle der Sexualität in der Ätiologie der Neurosen,* GW V; Studienausgabe V, стр. 154. (оттуда также следующая цитата).

[16] S. Freud (1925e) *Die Widerstände gegen die Psychoanalyse,* GW XIV; Fischer Taschenbuch 6096, стр. 232.

[17] S. Freud (1907c) *Zur sexuellen Aufklärung der Kinder,* GW VII, Studienausgabe V,S. 164.

[18] S. Freud (1909b) *Analyse der Phobie eines fünfjährigen Knaben,* GW VII; Studienausgabe VIII, стр. 21 (оттуда также последующие номера страниц).

[19] J. Wolpe/S. Rachman (1960/dt. 1979) «Psychoanalytic Evidence: A Critique Based on Freud's Case of Little Hans», dt.: «Psychoanalytischer «Beweis»: Eine Kritik anhand von

Freuds «Fall des Kleinen Hans», in: Eysenck/Wilson (1979) *Experimentelle Studien...*, стр. 379ff.

[20] J. Wolpe/S. Rachman (dt. 1979) «Psychoanalytischer «Beweis»: Eine Kritik anhand von Freuds «Fall des Kleinen Hans», in: Eysenck/Wilson: *Experimentelle Studien.*указ. соч., стр. 393-397 (вставки в угловых скобках по англ. оригиналу 1960 или по S. Freud 1909b, Studienausgabe, Bd. VIII).

[21] J. Wolpe/S. Rachman (dt. 1979), указ. соч., стр. 398f. (вставки в угловых скобках по англ. оригиналу).

[22] J. Wolpe/S. Rachman (dt. 1979), указ. соч., стр. 400f. (вставки в угловых скобках по англ. оригиналу).

[23] J. Marmor (1968), *Modern Psychoanalysis. New Directions and Perspectives*, New York: Basic Books.

ПЯТАЯ ГЛАВА

Толкование Фрейдом сновидений и психопатология обыденной жизни

«История учит нас, что... новые истины обычно рождаются как ереси и умирают как предрассудки».

Томас Генри Гексли

В сознании дилетанта теории Фрейда о снах и так близко родственных им ошибках кажутся лишь второстепенными в сравнении с психоанализом как методом лечения. Но сам Фрейд считал своим самым важным произведением именно *Толкование снов*, ведь он настойчиво подчеркивал:

«Толкование же сновидений есть Царская дорога к познанию бессознательного в душевной жизни».[1]

Сновидение было моделью, по которой Фрейд конструировал свою теорию неврозов, причем он применял перенятую от сэра Фрэнсиса Гальтона технику свободных ассоциаций как связующее звено. Но свою исходную точку он нашел в отдельных элементах сна, или также в неумышленных ошибках, в забвении и обманах чувств, которые появлялись в бодрствующем состоянии, и о которых он несколько позже должен был написать свою *Психопатологию обыденной жизни*. Он был убежден, что эти ассоциации должны были привести обратно к бессознательным движущим силам, которые вызывали сновидение или ошибку.

Что касается снов как таковых, то Фрейд делает строгое различие между очевидным явным содержанием сновидения и скрытым, латентным содержанием сновидения [так называемыми мыслями сновидения]. Он пишет об этом:

«Мысли сновидения понятны нам без дальнейших пояснений, как только мы их узнаем. Содержание составлено как бы иероглифами, отдельные знаки которых должны быть переведены на язык мыслей. Мы, несомненно, впадаем в заблуждение, если захотим читать эти знаки по их очевидному значению, а не по их внутреннему смыслу. Представим себе, что перед нами ребус: дом, на крыше которого лодка, потом отдельные буквы, затем бегущий человек, вместо головы которого нарисован апостроф, и пр. На первый взгляд нам хочется назвать бессмысленной и эту картину, и ее отдельные элементы.

Лодку не ставят на крышу дома, а человек без головы не может бегать; кроме того, человек на картинке выше дома, а если вся она должна изображать ландшафт, то при чем же тут буквы, которых мы не видим в природе.

Правильное рассмотрение ребуса получается лишь в том случае, если мы не предъявим таких требований ко всему целому и к его отдельным частям, а постараемся заменить каждый его элемент слогом или словом, находящимся в каком-либо взаимоотношении с изображенным предметом. Слова, получаемые при этом, уже не абсурдны, а могут в своем соединении воплощать прекраснейшее и глубокомысленнейшее изречение. Таким ребусом является и сновидение, и наши предшественники в области толкования последнего впадали в ошибку, рассматривая этот ребус в виде композиции рисовальщика. В качестве таковой он вполне естественно казался абсурдным, лишенным всякого смысла». (стр. 280 и дальше).

Настоящее сновидение производится – как сказано – работой сновидения, которая превращает латентное значение в явный текст сновидения. Так возникает такое характерное для снов искажение. Фрейд считает их работой «цензора» [также «цензурной инстанции»], который хочет защитить видящего сон человека от восприятия вытесненных и сверх того бессознательных инфантильных желаний, которые стремятся выразиться в сновидении, и который посредством символических и других преобразований делает их непонятными.

Как представил Г. Б. Гибсон в своей книге о «Сне, сновидениях и психическом здоровье»,[2] теорию снов Фрейда можно передать четырьмя тезисами. Первый тезис гласит, что сновидения служат цели оберегать сон. Он понимает сон как таковой как состояние бессознательности, которое нужно защищать от раздражителей восприятия, способных обычно разбудить спящего. Они могут прихо-

дить либо снаружи, например, мешающий шум, внезапный свет, влияние жары либо воздействие холода и многое другое, или изнутри, как, например, следы воспоминания и неудовлетворенные побуждения, т.е. потребности. Однако здесь Фрейд, несомненно, не утверждал ничего слишком нового; ведь гипотезы этого вида были привычны в девятнадцатом столетии, задолго до того, как Фрейд представил свои идеи общественности. И, тем не менее, какими бы разумными ни представлялись такие основные предположения (которые сам Фрейд рассматривал в качестве аксиом) на первый взгляд, но на самом деле очень сомнительно, протекают ли сновидения действительно в состоянии бессознательности. Впрочем, также неизвестно, действуют ли они действительно в качестве «хранителя сна» – мы еще вернемся к этому.

Перейдем ко второму высказыванию. Как уже в теориях его предшественников, и в психоаналитической теории Фрейда центральное место тоже занимает тезис, что человеческая культура наложила многочисленные ограничения на выражение сексуальных и агрессивных импульсов. Между тем Фрейд утверждает, что контроль этих подавляемых или вытесненных желаний во время сна более или менее ослаблен. Но так как их неприкрытое появление шокировало бы просыпающегося спящего, должны существовать различные защитные механизмы, которые искажают шокирующее в латентном материале и делают явное сновидение настолько безвредным, что оно может пройти цензора и позволяет видящему сон человеку и дальше спокойно спать. Указанная цензурная инстанция отвечает, по мнению Фрейда, также за наши ошибочные действия, это значит, что она производит уже упомянутую «психопатологию обыденной жизни», которую мы исследуем в последней части этой главы. Фрейд описывает этот процесс следующими словами:

«Этот продукт, сновидение, должен прежде всего быть устранен от влияния цензуры; с этой целью деятельность сновидения пользуется смещением психической интенсивности вплоть до полной переоценки всех психических ценностей». (стр. 486)

Любое сновидение – и любой элемент каждого сна – представляет, по мнению Фрейда, какое-то желание, хотя и не обычное сознательное желание, как желание в повседневной жизни.

Иными словами:

«Сновидение представляет собою скрытое) осуществление (подавленного, вытесненного) желания». (стр. 175)

И это подавление (вытеснение) восходит вплоть до самого раннего детства видящего сны человека.

Третий тезис говорит о том, что материал, из которого соединены сны, в значительной степени состоит из сохранившихся в памяти событий прошедшего дня, следов дневных впечатлений – так называемых «дневных остатков». Согласно точке зрения Фрейда, такие остатки прошедшего дня могут оперировать как помеха сна и возбудитель сновидений; они – мыслительные процессы, которые получили аффективный заряд в течение дня и частично противились общему уменьшению энергии во время сна. Их можно обнаружить, если проследить явное содержание сна до латентных, скрытых мыслей сновидения. Тем не менее, дневные остатки – это не само сновидение, они также не могут образовывать сновидение, так как у них отсутствует самая существенная составная часть сновидения. Строго говоря, они – только психический материал, который использует работа сновидения, точно так же, как сенсорные и соматические раздражители, которые либо появляются случайно, либо производятся при экспериментальных условиях, дают соматический материал работы сновидения. Приписывать им основное участие в образовании сна, означало бы просто повторить под новой личиной ошибку времен до появления психоанализа, в которой сны объяснялись посредством гипотетических болей в желудке или восприимчивости кожи к давлению.

Дневные остатки – это для Фрейда лишь элементы, которые используются для образования сновидения, в то время как сами сны повествуют о совсем других вещах. Все эти различные, сами по себе безвредные и тривиальные события, которые происходят днем или вызываются цепью ассоциаций из прошлого, появляются в явном содержании сна вовсе не потому, что мы особенно занимались ими незадолго до этого, а потому что они служат подходящей маскировкой для вещей, которые *действительно* интересуют нас, а это – согласно интерпретации Фрейда – именно «сексуальный материал» и соответствующие сны. В действительности он говорит, что «на первый взгляд невинные сновидения дают выражения грубым эротическим желаниям». (стр. 388). Хотя он соглашается с тем, что вытесненные желания могут относиться также к ненависти, зависти и агрессии, все же, он рассматривает сексуальные мотивы в качестве значительно более важных.

Четвертый тезис звучит, что сон, в том виде, в каком видевший его человек вспоминает его по прошествии довольно долгого времени или как он о нем рассказывает, наконец, аналитику, подвергался «вторичной обработке». Это, несомненно, правда; сны, о которых рассказывают сразу после пробуждения, заметно отличаются по содержанию от сообщений о сновидениях, сделанных по

памяти спустя одну или две недели. Более новые исследования убедительно подтвердили, что учение или память вовсе не пассивный, а активный процесс; он изменяет, искажает и обрабатывает подлежащее сохранению содержание таким способом, что оно вписывается в заранее подготовленные схемы.

По этой причине современные (как, однако, и еще дофрейдовские) исследователи снов настаивают на том, что сновидения нужно записывать непосредственно после пробуждения; только таким путем можно сократить влияние той вторичной обработки до минимума. По Фрейду, эта вторичная обработка как раз и происходит скорее всего, «когда ни на минуту не засыпающая цензура чувствует себя обманутой допущенным ею сновидением». (стр. 470).

Другими словами, если сон, которой мы помним, все еще кажется цензуре предосудительным, он тщательно изменяется процессом воспоминания, чтобы он казался менее предосудительным для нашего «Сверх-Я», или – наоборот – легче принимаемым.

Мы должны в этой связи подумать о том, что Фрейд никогда не позволял своим пациентам записывать свои сны сразу после пробуждения, да и он сам тоже не следовал этому мудрому совету. Поэтому мы в работах Фрейда никогда не имеем дело со сновидениями как таковыми, а только с чисто мысленными конструкциями, при которых определенное содержание сна с помощью работы памяти изменялось вплоть до неузнаваемости. К странностям *Толкования сновидений* принадлежит то, что Фрейд все это хоть и знал, однако не стал делать выводы из этого своего собственного знания. Другое, что мы отметили уже в первой главе, – это тот факт, что все представленные Фрейдом в его книге в качестве примеров и доказательств его гипотез сны на самом деле представляют их точную противоположность; ни одно из этих сновидений не основывается на желаниях, которые зарождаются из вытеснения в детстве, и таким образом выбранные им сны годятся, в конечном счете, только для того, чтобы опровергнуть его теорию.

Что касается названной так Фрейдом работы сновидения, то она использует четыре обширные техники маскировки (искажения), а именно сгущение, смещение, драматизация (превращение в зрительные образы, отношение к изобразительности) и символика.

Сгущение – это процесс, в результате которого явное содержание сновидения представляет только сокращение латентного содержания сновидения:

«Сновидение скудно, бедно и лаконично по сравнению с объемом и богатством мыслей». (стр. 282)

Рассмотрим в качестве примера сон, который интерпретировал и опубликовал Э. Фринк, американский психоаналитик. Молодой женщине приснилось, что она гуляла с подругой по Пятой Авеню в Нью-Йорке. Когда они проходили мимо витрины шляпного магазина, она остановилась на мгновение, чтобы посмотреть на шляпы. Как она вспоминала, она, наконец, вошла и купила одну из шляп. Вот и весь текст сновидения. Анализ же произвел следующий материал. Присутствие подруги во сне напомнило видевшей сон о том, что она накануне действительно спускалась по Пятой Авеню с ней; однако, она не купила шляпу. Ее муж в тот день был болен и лежал в постели. И хотя она знала, что его болезнь не была серьезной, она была очень обеспокоена и не могла избавиться от представления, что ее муж мог бы умереть. На неожиданный звонок ее подруги ее муж заметил, что прогулка принесет ей пользу. Кроме того, эта женщина вспомнила о том, что по пути она говорила об одном мужчине, которого она знала перед своим браком и предположительно любила. На вопрос подруги, почему же она не вышла за него замуж, эта молодая женщина рассмеялась и сообщила, что они никогда и не говорили о браке. При этом она добавила, что его финансовое и социальное положение настолько превосходило ее собственное, что для нее было бы просто абсурдом мечтать о чем-то в этом роде. Когда аналитик попросил ее, чтобы она дала свои ассоциации для покупки шляпы во сне, она сказала, что она очень любовалась шляпой в витрине того магазина, и что она очень хотела бы купить ее, но это было немыслимо из-за бедности ее мужа. Совершенно очевидно, что сон выполнил ее желание, так как во сне она смогла купить шляпу. Затем, однако, женщина внезапно вспомнила, что шляпа, которую она купила во сне, была черной: шляпа для траура! Интерпретация аналитика была теперь следующей. Днем перед этим сном пациентка беспокоилась, что ее муж может умереть. Ночью ей снится, что она покупает траурную шляпу; она этим исполняет для себя фантазию смерти. В реальной жизни бедность ее мужа мешает ей в том, чтобы она купила (такую) шляпу; если она может теперь сделать это во сне, то это предполагает, что у нее есть богатый супруг. Эти ассоциации ведут к богатому мужчине, которого она любила, как было признано, и дальше к представлению, что, если бы она была его женой, она могла бы покупать себе столько шляп, сколько ей захочется. Из этого у аналитика следует уверенный вывод, что молодой женщине опостылел ее муж; то, что ее страх увидеть, как он умирает – это только компенсация – защитная реакция, противоречащая ее реальному желанию, чтобы он умер; то, что она хочет выйти замуж за некогда любимого друга и владеть достаточным количеством денег, чтобы удовлетворять все свои желания.

Может быть интересным то, что она приняла правильность интерпретации ее сновидения, после того как аналитик познакомил ее с сокрытыми там (латентными) мыслями, и что она сообщила ему еще несколько подтверждающих подробностей. Самая важная из них касалась того факта, что она уже *после* своего замужества узнала, что тот другой мужчина, в которого она была влюблена, тоже любил ее. Это открытие, естественно, позволило ее чувству к нему вспыхнуть снова, после чего она сожалела о своем опрометчивом браке, так как теперь ей казалось, что ей нужно было бы подождать только немного дольше, чтобы обрести лучшую судьбу для себя.

Ну вот, это сновидение иллюстрирует «работу сгущения» в том отношении, что большое количество различных представлений сжимается в очень короткий и довольно неинтересный текст сна, т.е. уплотняется, «сгущается». Этот сон неоднократно упоминали в психоаналитической литературе для обоснования позиции Фрейда, хотя трудно понять, как это, собственно, могло происходить. Сновидение это не содержит вытесненные детские желания; в реальности большинство желаний эта женщина полностью осознавала. Она знает, что она все еще любит мужчину, за которого хотела бы выйти замуж; она понимает, что она сожалеет о своем браке, а также то, что она бедна и очень хотела бы быть богатой. И при чем же здесь толкование снов по Фрейду? Естественно, словесная ассоциация может помочь нам объяснять сны, но значение как раз этого сновидения абсолютно отличается от того вида латентных мыслей сновидений, который Фрейд постулирует в своем учении о снах. Вследствие этого единственный вывод, который мы можем извлечь из психоаналитической интерпретации данного сновидения, гласит, что теория Фрейда ошибочна. Удивительно, что такой вывод не приходит на ум профессиональным психоаналитикам.

Смещение обозначает процесс, в котором аффективный заряд энергии (катексис) отводится от его настоящего объекта и направляется на второстепенный объект. Другими словами, аффект (эмоция или также чувство), который в действительности должен был быть направлен на какой-то определенный объект сна, оказывается направленным не на него, а на какой-то другой объект. Рассмотрим также здесь пример сновидения, которое демонстрирует смещение (в понимании Фрейда). Одной девушке снилось, что она была вместе с кем-то, личность которого казалась очень неопределенной, которому она, однако, чувствовала себя каким-то образом обязанной. Чтобы продемонстрировать свою благодарность, она дарит ему свой гребень. Это и было все (явное) содержание сна. Чтобы понять его, нужно было разузнать кое-что более конкретное *об* условиях жизни пациентки. Она была еврейкой, руки которой годом раньше просил один протестант. Хотя она отвечала на его чувства взаимностью, но разное вероисповедание обоих помешало помолвке. В день до этого сновидения у

нее был сильный спор с ее матерью, и когда она пошла спать, ее посетила мысль, что и для нее, и для ее семьи было бы лучше, если бы она покинула родной дом. Когда она засыпала, она размышляла о средствах и способах, как она могла бы содержать себя сама, не прося деньги у родителей.

Когда ее просят перечислить ассоциации к слову «гребень», ей в голову приходит один оборот речи, который говорят люди, когда кто-то хочет воспользоваться гребнем или щеткой другого человека: «Не делай этого, приплод перемешается». Это указывает на то, что этот «кто-то» во сне, личность которого остается неопределенной, это ее бывший жених. Когда она дарит ему свой гребень, то этим она обнаруживает свое желание, чтобы «приплод перемешался», что не может означать ничего другого, кроме того, что она хочет выйти за него замуж и родить от него детей. В ее сне гребень должен заменить «почти жениха» – иначе в нем нет смысла; ибо только с помощью такой работы смещения он может быть центральным предметом ее чувств.

Снова мы можем констатировать, что эта кажущаяся чрезвычайно разумной интерпретация сна не только вовсе не подтверждает гипотезу Фрейда, но даже скорее противоречит ей. Здесь нет никаких вытесненных желаний, не говоря уже об инфантильных желаниях; пациентка прекрасно осознает свои чувства к бывшему другу, и она также знает почему. Трудно понять, почему цензура должна была иметь что-то против прямого сна, который содержит эти совершенно осознанные факты. Также мы еще раз видим, что метод свободных ассоциаций Гальтона является ценным в том отношении, что он ведет к рациональной интерпретации кажущегося бессмысленным сновидения, но на этом и всё. Во всяком случае, достигнутая интерпретация противоречит сущности теории Фрейда.

Драматизация (изображаемость, превращение в зрительные образы) – это выражение, которое должно обозначать факт, что сновидение происходит большей частью «в зрительных образах». Понятийное мышление заменяется подобным фильму иллюстрированным изображением. Этот процесс очевиден и известен каждому видевшему сны человеку слишком хорошо, чтобы приводить здесь в пример какое-то сновидение и его анализ. Однако мы вернемся к этому вопросу, когда будем пересказывать теорию о снах Холла, так как в ней драматический элемент играет важнейшую роль. Названное Фрейдом «отношением к изобразительности» (ср. главу VI.D. «Толкования сновидений») оно со многих точек зрения похоже на символизм, к которому мы обратимся ниже.

Символика (символическое изображение) из всех механизмов сновидений больше всего связывается с именем Фрейда. Тем не менее, несмотря на извест-

ность так называемых символов Фрейда, нельзя сказать, что они были очень оригинальны – даже во времена публикации «*Толкования сновидений*». Да ведь они даже еще с доисторических времен представляют собой основной инструмент толкователей снов. Нам нужно лишь вспомнить об упомянутом в Библии сне фараона о семи тучных и семи тощих коровах, которых Иосиф толковал как символы семи предстоящих лет изобилия и семи лет голода. Однако нигде так не видна абсурдность чествования Фрейда за якобы новое открытие, как в случае символического изображения сексуальных объектов и действий. (Что, впрочем, не могло удержать приверженцев Фрейда от того, чтобы поддерживать миф, будто бы это он открыл эту символику). Особенно отчетливо это видно в случае той символики, которая устанавливает связь острых и заостренных на конце предметов с мужскими гениталиями, а круглых предметов и сосудов – с женскими половыми органами. При этом как раз эти символы были известны уже много тысяч лет не только писателям, философам, поэтам и психологам, но и даже необразованным людям. В вульгарной латыни мужской половой орган обозначался, к примеру, как «mentula» или «verpa», но эти выражения считались неприличными, и поэтому вместо них использовали самые различные метафоры (впрочем, они очень похожи на те, которые есть в древнегреческом языке). Так Дж. Н. Адамс в своей книге о «латинской сексуальной лексике» подчеркивал следующее:

«Никакие предметы не приравниваются к пенису легче, чем острые инструменты, и это вероятно, что наш язык прямо-таки кишит метафорами из этой полной чувств (romantic) области».[3]

В латыни, например, можно найти следующие символические выражения для описания пениса: «virga» (прут), «vectis» (столб), «hasta» (пика, копье), «rutabulum» (грабли, крюк), «terminus» (пограничный знак, межевой, пограничный столб), «temo» (столб), «vomer» (плуг), «clavus» (румпель = на языке моряков). Адамс дает еще много других примеров, не забыв указать на то, что

«говорящий на латыни человек при слове *змея* (обозначающем змею) всегда также думал о его фаллическом значении».

Значит, даже здесь Фрейд не сказал ничего нового.

Что касается женских половых органов, то вульгарный пандан к слову «mentula», а именно «cunnus», едва ли использовался, кроме как в граффити и эпиграммах. Зато существовало – как указывает Адамс – множество метафор:

«Большое количество метафор пашни, сада, луга и т.д., которые обозначают женские половые наружные органы (на латыни, как и на других языках), частично связано с внешним видом этого органа, частично со связью, которую можно установить между плодородием пашни и плодовитостью женщины. Эти метафоры дополняют образные выражения сева и пахоты, которые использовались для мужской роли в половом сношении».

Любой, кто знаком с древнегреческой и римской литературой или средневековыми спектаклями и текстами, не может иметь даже самого незначительного сомнения в огромном распространении сексуальной символики, как и в том факте, что она была известна практически каждому. Представить себе хотя бы на минутку, что эту символику первым открыл Фрейд, было бы так же абсурдно, как и предположить, что ее наличие во снах было открыто им. Потому что у нее есть, само собой разумеется, длинная история, которую можно проследить назад в прошлое вплоть до времен появления письменности. Не применение символов во снах является новшеством в анализе снов у Фрейда, а то *особенное* применение, которое он приписывает им, а также та интерпретация, которую у него получает цель символики. Здесь, как и в других местах, можно снова с полным основанием сказать: «То, что ново в этих теориях, не истинно, а то, что истинно, не ново».

Естественно, символы появляются во снах, но это не символы «по Фрейду», что бы ни говорило это слово. Вот, вкратце, и все о «толковании сновидений» Фрейда! Лежащая в основе его теория, без сомнения, не настолько оригинальна, как он это утверждает; исторические исследования многих авторов установили большое число философов и психологов, которые были предшественниками Фрейда и пришли к удивительно похожим взглядам. Хотя библиография *Толкования сновидений* также содержала примерно 80 источников, все же, большая часть их не упомянута в самом тексте, и когда Фрейд ссылается на них, то упоминает их только кратко, причем он едва ли отдает должное их значению. В общем и целом, есть 134 книги и статьи о снах, которые были опубликованы перед первым изданием этого произведения, и которые Фрейд не рассматривает специально – в том числе, в более поздних изданиях, но которые, несмотря на это, представлены в списках литературы различных изданий [ср. в немецком издании (издательство «Фишер», 1961) в целом примерно 257 названий до 1900 года].

Наряду с этим в труде Фрейда есть еще много странных вещей, которые за прошедшее с тех пор время уже были разоблачены. Особенно компетентная критика содержится в уже процитированной книге Гибсона о «сне, сновидениях и психическом здоровье», из которой мы кратко перескажем некоторые момен-

ты. Первого вопроса мы уже касались, а именно того, что Фрейд не учитывал в надлежащей степени влияние вторичной обработки на текст сновидений и поэтому не побуждал своих пациентов записывать сны сразу же после пробуждения. И хотя некоторые из его предшественников полностью следовали этой мере предосторожности, Фрейд, очевидно, считал такую научную точность ненужной. Во всяком случае, следующее резюме его представлений не допускает никакой другой интерпретации:

«В научных работах о снах, которые получили новый толчок вопреки отклонению ими толкования сновидений психоанализом, снова и снова встречается совершенно излишняя тщательность, которая уделяется точному консервированию текста сновидения. Оно признается необходимым, чтобы сохранить текст от искажений и дополнений, которые обычно возникают в следующие за пробуждением часы. Даже многие психоаналитики, кажется, не полагаются достаточно последовательно на знание об условиях образования сновидения, когда они дают своим пациентам указание записывать сон сразу после пробуждения. Для лечения эта инструкция излишня; и пациенты слишком охотно пользуются этим, чтобы прервать свою дремоту и показать усердное послушание, даже если это не послужило никакой разумной цели». (Переведено с английского языка)

Фрейд, без сомнения, не только не беспокоился об искажениях, которые память совершает со сном, когда пациент, наконец, рассказывает его аналитику, эти искажения даже были полностью к его выгоде. Пациент, который приходил в его кабинет только спустя часы, даже дни, после того, как у него было определенное сновидение, просто не мог не дать описание, которое вследствие вторичной обработки за прошедшее с того момента время бодрствования значительно отклонялось от его первоначального воспоминания. Но еще более отчетливо то, что пациент, который познакомился с принципами метода толкования Фрейда, мог осознанно или неосознанно так преобразовывать свой сон, чтобы приспособить его к теории Фрейда. Сегодня большинство психоаналитиков признает, что на сны пациентов сильно влияют теории соответствующего аналитика; так пациенты фрейдистов видят сны в символах Фрейда, пациенты юнгианцев – в символах Юнга и так далее. Пациент инструктируется и учится, какой вид снов и символов нравится его аналитику, и с помощью как раз такой вторичной обработки он склоняется к тому, что соглашается с интерпретацией.

Это все едва ли можно оспаривать, так как сами психоаналитики часто соглашались с тем, что об описанном феномене можно говорить со значительной уверенностью. В качестве примера мы можем еще раз привести слова знаменитого американского аналитика Джадда Мармора, которые мы уже использовали

в более ранней связи, но они настолько важны, что их повторение кажется оправданным. Следующая цитата происходит из 1962 года:

«В зависимости от точки зрения аналитика пациенты каждой школы, кажется, производят точно тот вид феноменологических данных, который подтверждает теории и интерпретации их аналитика! Таким образом, каждая теория склоняется к тому, чтобы доказывать свою собственную правильность. Фрейдисты обычно обнаружат материал об эдиповом комплексе и страхе кастрации, сторонники Юнга – материал об архетипах, последователи Ранка – о страхе разлуки, сторонники Адлера о мужском стремлении и чувствах неполноценности, представители школы Хорни об идеализированных образах, последователи Салливана – о нарушенных человеческих отношениях, и так далее».

Это очень примечательное признание со стороны убежденного психоаналитика, который теперь действительно не делает никакой тайны из крайней субъективности толкования и из влияния внушаемости пациента на его сны и свободные ассоциации.

Как подчеркивает Гибсон, эксперименты показали, насколько значительно сны, которые люди вспоминают в настоящий момент пробуждения, могут быть изменены, если о них рассказывают психоаналитику позже. Пациентов будили ночью, когда электрофизиологические *измерения REM* (быстрое движение глаз: Rapid Eye Movement) показывали фазу сновидения, и они должны были немедленно рассказать под протокол, что именно им как раз снилось. Записи этих снов затем позже сравнивались с описаниями, которые пациенты давали психоаналитику на следующий день. Оказалось, что определенные сны сообщались ночью исследователю, но не психоаналитику; и наоборот, психоаналитику «пересказывались» сновидения, которые, однако, имели лишь слабое отношение к тому, что тот же человек вспомнил сразу после того, как его разбудили. Но больше того: различия были не случайной природы; о тех снах, от которых пациенты могли ожидать, что они вызовут отрицательную реакцию у аналитика, они как раз ему и не рассказывали. Из чего можно сделать вывод, что материал, которым занимались толкования Фрейда, в любом случае был не *снами* его пациентов, а их – частично сознательными, частично бессознательными – обработками, которые сохранили только подходящие для анализа элементы сновидений.

Фрейд оправдывал такой подход следующими словами:

«То, что сновидение искажается воспоминанием, мы сочли правильным, но, по нашему мнению, это не служит отрицательным показателем, так как является

лишь последней явной стадией процесса искажения, действующего с самого начала образования сновидения». (стр. 561)

Значение этого аргумента состоит в том, что он относится непосредственно к психоаналитической теории. Цензура якобы должна маскировать скрытый (латентный) сон, чтобы сохранить пациента от пробуждения и вместе с тем, так сказать, не заставить его краснеть. Но деятельность памяти, которая искажает сон во время бодрствования, не является субъектом той цензуры сновидения. Поэтому любая информация, которую сновидение могло бы передавать через действия цензуры, должна скрываться вторичной обработкой, что, в свою очередь, означает, что мы вообще не знаем, как мы можем когда-либо практически проверить теорию Фрейда. Факт вторичной обработки объясняет также один интересный признак проанализированных и описанных Фрейдом сновидений, который отличает их от других снов, которые он записывал до и после написания *Толкования сновидений*. В этом смысле философ Людвиг Витгенштейн однажды заметил, что Фрейд в подавляющем большинстве случаев давал такую интерпретацию, которую мы не могли бы назвать иначе, чем сексуальной. Интересно, однако, что среди всех этих сообщений о сновидениях нет ни одного примера настоящего сексуального сна. А ведь такие сны так же обычны, как дождь.

Гибсон цитирует многих авторов, а именно как ранних, так и новых, которые могут подтвердить все эти высказывания; впрочем, большинство читателей и сами могут свидетельствовать об этом. Один из самых известных среди современных собирателей снов, Кэлвин С. Холл, пишет, что «в нашей коллекции хватает снов, в которых происходят самые безвкусные и самые бесстыдные вещи. Человек во сне убивает мать и отца. Он занимается во сне сексом с членами своей семьи. Он насилует, грабит, пытает и разрушает. Он совершает все виды непристойностей и извращений. И он делает это часто без угрызений совести и с большой радостью».[4]

Это резко контрастирует со снами у Фрейда, которые – как подчеркивает Гибсон – представляются довольно «скучными и искусственными». Без сомнения, Фрейд сам отбирал эти сны, и этот выбор едва ли нужно приписывать «цензору» Фрейда, а куда больше сознательному отказу его пациентов – венских буржуа – говорить о таких непристойных и порнографических вещах. Но если нам могут прямо сниться все эти вещи, которые, по мнению Фрейда, должен был бы «не пропускать» тот самый цензор, то какова же тогда его настоящая функция? И есть ли хоть какая-то причина предполагать, что этот «цензор» действительно существует?

Гибсон говорит об этом:

«Абсолютно ясно... почему Фрейд должен был тем или иным способом дать понять своим пациентам, что сообщения о снах, которые те давали ему, должны быть довольно скучны и искусственны... Потому что если бы они не были такими, то казалось бы очевидным, что они не были подвергнуты цензуре в процессе работы сновидения, что, со своей стороны, лишило бы теорию ее силы. Это вовсе не значит, что Фрейд умышленно направлял своих пациентов на то, что они могли говорить ему, и что нет. Процесс этот был более тонкой природы... Утверждать – как это делает Фрейд – что цензор является частью бессознательного и также активен в то время, когда мозг крепко спит, противоречит всем известным фактам...

(Поэтому) важно знать, почему пациенты Фрейда только неохотно и с колебаниями рассказывали ему неприкрашенную правду о своих снах и подвергали их вместо этого обширной вторичной обработке, прежде чем они рассказывали их вслух. Мы уже указали выше на то, что сны, в которых появлялись грубые сексуальные сцены, незамаскированная ненависть и предосудительные обороты речи, требовали определенной «очистки» из соображений приличия. И если бы пациенты рассказали их Фрейду в первоначальном виде, то они в действительности бросили бы вызов правильности его теории сновидений и вместе с тем поставили бы под сомнение всю его компетенцию. Было бы гораздо легче хорошо представить себя в глазах аналитика, если, так сказать, упаковать сны и позволить уже ему снова распаковывать их. Если пациент в каком-то пошлом сне, например, «совокуплялся с проституткой», то этот дословный текст в течение дня, в котором происходила вторичная обработка, мог измениться в том смысле, что видевший сон, мол, только ткнул во сне тростью во фруктовый торт, что он затем и рассказал психоаналитику в его кабинете как свое сновидение... Это серьезный вопрос, что ни Фрейд, ни его приверженцы не заняли, как следовало бы, определенную позицию относительно этой проблемы. Пациенты могли быстро выучить правила игры и вести себя соответствующим образом, *осознанно* подвергая цензуре сны, которые были еще абсолютно не подвергнуты цензуре, когда они им снились».

Еще стоит упомянуть другой момент. Дэвид Фоулкс цитирует в своей книге о «длительном изучении детских снов» ряд исследовательских работ, которые показали следующее:

«Против клинических [полученных при лечении] снов направлено еще одно предубеждение, которое выходит за методическую проблему проведения их выборочных проверок. Как для взрослых..., так и для детей... может показаться,

что более обеспокоенным людям также снятся более тревожные сны. То есть, на основании снов клинических пациентов – как бы они ни были собраны – нельзя делать обобщение о снах не отобранной («нормальной») популяции».[5]

К этому комментарий Гибсона:

«Если действительно существует некий цензор, наблюдающий за материалом, которому позволено проявиться в явном содержании сновидения, точно так же, как объединение телезрителей госпожи Уайтхаус пытается следить за содержанием программ телевидения, тогда это должен быть очень непоследовательный, даже сумасшедший цензор. Он допускает смешение материала, который должен был скорее причисляться к самой мерзкой «грязи» видеоотрасли, с другим, который вполне годился бы для детской телепередачи, а также со многим, что просто скучно и незначительно». (см. указ. соч.)

Кроме того, «цензор» позволяет, что такая грязь появляется во снах людей, которые меньше всего способны выносить такой материал, а именно невротиков и других психически больных.

Есть ли действительно какое-либо доказательство того, что мы нуждаемся в «цензоре», который оберегает наш сон? Если исходить из широкомасштабных исследований сновидений, то кажется, что люди, когда им снится особенно оживленный, яркий сон эротического, непристойного или порнографического содержания, или, когда их сон переполнен неконтролируемым и чрезмерным насилием, то тогда эти люди как раз и не просыпаются. Если нам может сниться, что мы насилуем наших матерей и убиваем наших отцов, и при этом не просыпаемся, тогда пользу от такого цензора действительно нужно поставить под большой вопрос. Как *Иокаста* говорила *Эдипу:* «...Ведь до тебя уж многим людям [молодым мужчинам] снилось, что с матерью они – на ложе брачном...» (перевод Доннера, цитируется по *Толкованию сновидений,* StA II, стр. 268) Зачем тогда нужно было в одном сне воспользоваться утонченным «переодеванием», а в другом сне посчитать эту «маскировку» излишней?

Вот и все, что касается внутренних противоречий теории Фрейда, а также его совершенно очевидных ошибок и ложных интерпретаций в ходе ее применения. Теперь нам хотелось бы задать простой вопрос, каким способом можно было бы доказать такую теорию. *Одним* методом было бы, естественно, связать эту теорию с психоаналитической терапией, и в соответствии с этим толкования конкретных снов предполагаются как ответ на проблему, которая вызывает невроз пациента, тогда как одновременно такое полученное постижение (инсайт) избавляет пациента от его симптомов. Действительно Фрейд исходил первона-

чально из таких соображений, и если бы это функционировало предполагаемым способом, то это было бы в известном смысле доказательством в его пользу, даже если это «доказательство» и оставалось бы за рамками требований настоящей науки. Но произошло иначе: Фрейд и его приверженцы должны были признать, что пациенты в результате того, что им были представлены интерпретации их снов, не только часто не вылечивались, но и даже в случае получившихся «излечений» не существовало никакой временной связи с полученным в результате толкований снов «инсайтом». Вследствие этого результаты лечения должны рассматриваться в качестве прямого опровержения теорий Фрейда.

Но не могли ли бы мы, однако, по крайней мере, предположить в принятии пациентами толкований сновидений Фрейда подтверждение психоанализа? Ответ должен звучать недвусмысленно: «нет». С одной стороны, пациент вообще находится в плохом положении, чтобы спорить с аналитиком. Он потратил много времени и денег на лечение, и если он не соглашается с аналитиком, то это выдает его недовольство или вообще недостаточную лояльность. Кроме того, пациент этим показывает, что он считает, что зря потратил свое время и деньги. С другой стороны, у Фрейда была одна очень хитрая уловка, чтобы справляться с отклоняющимися представлениями. Если пациент соглашался с его интерпретациями, то он утверждал, что они однозначно правильны. Если же пациент, напротив, не соглашался, то он утверждал, что причина этого кроется в «сопротивлении» анализу, которому такое толкование именно потому-то и показалось неприемлемым, *что* оно правильно; поэтому отсутствие согласия точно так же должно было свидетельствовать о правильности теории. Конечно, при таком подходе нет возможности опровергнуть теорию – поистине, благоприятный статус для научной теории, можно было бы подумать. В действительности происходит как раз наоборот; если теория не может быть опровергнута наблюдаемым фактом, то она – как снова и снова подчеркивал Карл Поппер – вообще не является научной теорией.

Однако существуют экспериментальные методы в исследовании сновидений, которые в действительности способствуют созданию приемлемых теорий. В качестве примера я хотел бы привести исследования советского ученого Александра Лурии, которыми он занимался в начале двадцатых годов в СССР. Как свидетельствует название одной из его книг, он изучал «природу человеческих конфликтов», причем он применял технику словесной ассоциации в экспериментальных ситуациях, в том числе также при исследовании снов. Он с полным основанием критиковал то обстоятельство, что обычный метод анализа сновидений запрягал лошадь позади телеги. Если мы на минутку попробуем исходить из фрейдовского различения между скрытым (латентным) и явным сновидением, то мы увидим, как психоаналитики, так же, как и другие толкователи снов,

начинают с явного сна, чтобы оттуда попытаться добраться до значения, смысла латентного сновидения. Однако этот смысл ведь по определению неизвестен, и, следовательно, невозможно доказать или опровергнуть правильность интерпретации. Если мы хотим правильный научный анализ, то мы должны были бы начинать – по мнению Лурии – с известного латентного сна и уже потом узнавать, как он изменяется, чтобы он смог стать явным сном.

Чтобы осуществить это, Лурия искусно использовал гипноз. Он гипнотизировал людей, которых он исследовал, позволял им в их фантазии пережить какое-то очень травматическое событие и давал им затем [постгипнотическое] поручение, чтобы им приснилось это переживание. Но они должны были забыть все о гипнозе, во всяком случае, если это касалось сознательного воспоминания. Легко поддающиеся гипнозу люди вполне могут следовать таким инструкциям, и Лурия смог таким образом собрать значительное количество сновидений в их явном виде, о которых он уже знал – вследствие его предыдущих указаний – их латентное сновидение, это значит, то содержание, которое было преобразовано работой сновидения.

Когда я был еще студентом, меня поразила работа Лурии. К несчастью, ей помешала охватившая также сферу науки жестокая цензура времен Сталина; сам Лурия с тех пор работал в области нейропсихологии и так никогда и не вернулся снова к своим многообещающим ранним психологическим экспериментам. Я, со своей стороны, попытался повторить некоторые из его экспериментов, и пришел к точно таким же результатам, которые он представил в своей книге. Давайте возьмем только один отдельный пример из этой работы. Объекту исследований, молодой студентке, ученый дал [под гипнозом] примерно следующие указания: «Вы испытаете что-то очень неприятное. Я теперь опишу вам это переживание, и вам покажется, как будто бы это произошло в действительности – со всеми относящимися к этому эмоциями. Когда я разбужу вас в конце этого переживания, вы забудете все об этом, но когда вы пойдете спать, у вас будет яркий сон об этом переживании. Итак, вы поздно вечером после вечеринки у сокурсников идете в одиночку домой, и вы идете через кладбище. Вы слышите шаги за собой, и, когда поворачиваетесь, то видите, что какой-то мужчина следует за вами. Вы начинаете бежать, но он настигает вас, бросает вас на землю и насилует. Затем он убегает. Вы очень испуганы и растеряны, и плететесь домой, где вы рассказываете все вашим родителям».

Рассказанное впоследствии сновидение действительно обычно точно копирует внушенную историю в ее контурах, но почти всегда заменяет изнасилование каким-то символом. Так мужчина, который насилует девушку, может заменяться во сне на мужчину, держащего нож, которым он угрожает девушке или наносит

ей удар; в другом описании он может силой отнимать у девушки сумочку. Такие символические изображения, которые знали уже древние греки и римляне, довольно отчетливо появляются во снах, но, разумеется, они отнюдь не доказательство действия фрейдовских механизмов, в особенности вытесненных инфантильных желаний, не говоря уже о каком-либо исполнении желаний. Наверное, было бы уже слишком даже представить себе, что видевшая такой сон женщина действительно испытывает желание быть изнасилованной! Как уже было сказано, большое несчастье, что Лурии помешали продолжить эту работу, и что только немногие другие психологи снова занялись ею. Несомненно, можно было бы многое узнать о природе сновидений, если бы эти исследования продолжились.

Теперь мы увидели, что психоаналитическая теория Фрейда о толковании снов ни нова, ни правильна – но существует ли какая-то другая, лучшая теория сновидений, которая могла бы занять место теории Фрейда? В последнее время был проведен ряд экспериментальных исследований, которые занимаются, в частности, вышеупомянутым *сном REM (быстрым сном)* и тенденцией сновидений появляться в сочетании с этим типом сна. Как бы интересны ни были такие эксперименты, они лишь мало говорят нам, собственно, о значении сновидения. С моей точки зрения, лучшей альтернативой теории Фрейда – и намного превосходящей ее – является теория Кэлвина С. Холла, который описал свою работу в уже упомянутой книге о смысле или значении сновидений. Холл собрал больше сообщений о снах, чем какой-либо другой исследователь в этой области когда-либо сделал это, и его выводящиеся из этого гипотезы как практичны, так и убедительны. Естественно, я не могу утверждать, что они непременно должны быть правильны. Ввиду нехватки строгих экспериментальных исследований, которые, впрочем, в этой области очень тяжелы, едва ли можно на это претендовать. Все-таки эта теория объясняет большинство, если не все знаменательные признаки сновидения, и она делает это, не опираясь при этом на таинственные или мифологические сущности вроде тех «цензоров» у Фрейда.

Полезный вклад в методологию интерпретации сновидений Холл сделал тем, что он рекомендовал анализ *серии сновидений* одного человека, вместо того, чтобы полагаться на анализ отдельного сна. Он обосновывал это предложение таким образом:

«Нужно пробовать различные комбинации, связывать одно сновидение с другим, до тех пор, пока все сны не будут связаны друг с другом, и не появится рациональный образ видящего сон человека. При этом методе, который мы называем методом серии сновидений, интерпретация каждого сна – это что-то

вроде погони, которая заканчивается только тогда, когда она сходится с предоставленным другими снами толкованием».

Холл дает многочисленные примеры того, как интерпретация облегчается одновременным рассмотрением нескольких снов, но детальное описание этого метода слишком далеко увело бы нас от нашего пути.

Основное нововведение в теории Холла – это его взгляд на символизм. Он считает, что во снах есть символы, и что они исполняют необходимую функцию, только речь при этом не идет, как в теории Фрейда, о функции «маскировки»; скорее символы служат для того*, чтобы выражать* что-то, а не чтобы что-то *скрывать.* Видеть сон – так он думает – это форма мышления, и мышление состоит в формулировании понятий или идей, или представлений (conceptions or ideas). Когда человек видит сон, эти понятия или идеи превращаются в картины, образы, которые являются конкретными олицетворениями мыслей этого человека. Они представляют видимое выражение того, что само по себе является невидимым, а именно понятий, представлений, мыслей и тому подобного.

Далее он придерживается взгляда, что настоящая исходная точка каждого идеального символа – это не предмет или событие, а всегда представление (idea) в душе видящего сон человека. Для примера он указывает на многообразные возможности символизировать мужской пенис. Это может происходить в виде пистолета или винтовки, или ножа, чем символизируются агрессивные сексуальные мысли. Однако он может появиться также как отвертка или пистолет, который вставляют в отверстие бензобака машины; это означало бы механическое представление полового сношения (ср. *screwing* = что у американцев означает *совокупляться)*. Или пенис может быть представлен увядшим цветком или сломанной кочергой, что иллюстрировало бы представление сексуальной импотенции.

Другой пример, который дает Холл, касается разнообразных видов, в которых человеку может сниться его мать. Если человек хочет выразить чувство, что его мать – это заботящееся и оберегающее лицо, ему может сниться корова; если он видит свою мать больше как отдаленную и авторитарную личность, она может появиться в его сне как королева. Другими словами, сон символизирует не только соответствующее лицо или событие (как имя существительное в предложении), а добавляет также описание (имя прилагательное) – «агрессивное», «заботливое» и т.д. Эта символика используется для того, чтобы лаконичным и сжатым языком выражать сложные и трудно поддающиеся пониманию мысли.

Для иллюстрации возьмем один пример сна из книги Холла. Он рассказывает о молодой женщине, которой снилось, что она в ее первый свадебный день захотела повторить церемонию бракосочетания со своим мужем, однако, вопреки судорожному поиску больше никак не могла найти свое свадебное платье; когда она, наконец, все же, нашла его, оно было грязным и порванным. Со слезами разочарования в глазах она схватила его и поспешила к церкви, где ее муж спросил ее, зачем же она принесла платье. Она была смущена и сконфужена, и чувствовала себя чужой и одинокой.

Холл полагает, что состояние ее свадебного платья символизировало во сне ее взгляд на брак. Другие сны подкрепляли эту интерпретацию. Ей снилась лишь недавно вышедшая замуж молодая женщина, которая жила в разводе, что указывало на то, что она и сама играла с мыслью развестись. В другом сне ей было трудно добраться домой к своему мужу, потому что она заблудилась, упала на тротуаре, потеряла время из-за опоздавшего поезда и вообще не доехала до цели. Этот сон позволял предположить, что она стремилась найти причины, чтобы ей не нужно было возвращаться домой. В следующем сновидении у нее на кольце, которое дарят при помолвке, отсутствовал бриллиант, что выдавало тайную надежду, что вместе с тем ее неудачный брак мог стать недействительным. Наконец, ей приснилось, что подруга, которая как раз вышла замуж, получила массу бесполезных свадебных подарков; это могло только означать, что она в душе приравнивала брак ко всему этому бесполезному хламу. Холл делает вывод:

«Определенно эти сны сообщали о том, что эта женщина не была счастлива в ее браке, и это подтверждает предположение, что разорванное и грязное свадебное платье – это конкретное олицетворение этого представления».

Итак, функция снов, по мнению Холла, состоит в том, чтобы раскрывать, а не скрывать то, что происходит в душе человека:

«Сны могут казаться загадочными, так как они содержат символы, но эти символы – это не что иное, как наглядные, визуальные метафоры, и, как и у вербальных метафор бодрствующей жизни, у них есть цель прояснять мышление, вместо того, чтобы затемнять его».

Наша психика постоянно активна, она размышляет над проблемами, пытается находить решения, она полна опасений о том и этом, и постоянно занимается прошлым, настоящим и будущим. Видеть сон – это просто продолжение мышления другими средствами, можно сказать, посредством наглядных изображений и символизмов. Наши мысли, наши заботы, наши страхи, наши попытки решать

проблемы, все переносятся на язык образов, и продолжает сознательную умственную работу в течение определенных периодов сна. Сновидения вполне могут представлять и исполнения желаний, все же, это большей частью совершенно осознанные желания – а не вытесненные детские желания. Кроме того, сны могут представлять страхи или решения проблем, или еще что-то другое, что происходит также в бодрствующем мышлении. Как мы видим, теория Холла гораздо лучше учитывает факты, чем это делает теория Фрейда, и при этом она не сталкивается со всеми теми трудностями, которые повсюду преследуют психоаналитическое толкование снов. В настоящее время лучшей теории не существует, и я думаю, что пока следовало бы принять ее и использовать как основу для последующих экспериментов и наблюдений.

Толкование снов, которым мы до сих пор занимались в этой главе, тесно связано у Фрейда с другим анализом психических феноменов, а именно интерпретацией *ошибок,* т.е. ошибок в языке (например, оговорок, описок, неправильного чтения) или ошибок в повседневном поведении (ошибочные действия и симптоматические или случайные действия, вроде тех, когда человек достает не то, что хотел, забывает, что он намеревался сделать, что-то случайно упускает или не замечает и пр.). Здесь Фрейд пользуется техникой свободных ассоциаций Гальтона, и старается приписывать явные свидетельства психической активности гипотетически предполагаемым вытесненным желаниям. В категорию ошибок включается как временное забывание собственных имен, так и ошибочное вспоминание, т.е. замена имени, которое пытается вспомнить человек, другим, неправильным. Фрейд самоуверенно заявил, что в особенности ошибки при разговоре *всегда* вызываются вытеснением, другими словами, что мотив ошибок в речи всегда нужно искать в бессознательном материале. В своей книге *Психопатология обыденной жизни*[6] он приводит многочисленные примеры, чтобы убедить читателей в правильности его утверждений. Как ему это удается, можно показать с помощью двух цитат.

Первая относится к профессору анатомии, который объясняет во время своей демонстрации:

«В случае женских половых органов вопреки многим *искушениям*, простите, *попыткам*...» (стр. 73)

Второй пример цитирует невольную оговорку бывшего председателя австрийской палаты депутатов, который приветствовал пленум следующими словами:

«Уважаемое собрание! Я констатирую присутствие скольких-то господ депутатов и объявляю таким образом заседание *закрытым».* (стр. 57 [на основании статьи Мерингера 1900 года])

Интерпретация мешающего намерения в первом случае, пожалуй, само собой разумеется, в то время как Фрейд приводит комментарий Мерингера к второй цитате:

«В данном случае это можно скорее всего объяснить тем, что председателю хотелось бы иметь возможность действительно закрыть заседание, от которого можно было ожидать мало хорошего; эта сторонняя мысль – что бывает часто – прорвалась хотя бы частично, и в результате получилось «закрытый» вместо «открытый» – прямая противоположность тому, что предполагалось сказать».

Сам Фрейд еще добавляет:

«Не во всех случаях обмолвок по контрасту так легко показать, как в примере с председателем, вероятность того, что обмолвка произошла вследствие своего рода протеста, который заявляется в глубине души против высказывавшего предложения». (стр. 57)

Итак, Фрейд, кажется, предполагает – все равно, по каким именно причинам, что ошибка соответствует фактическому намерению председателя! Все же, мы должны спросить себя: Не могло ли это быть просто немотивированной обмолвкой, Lapsus linguae?

Будучи молодым студентом, я заинтересовался *Психопатологией обыденной жизни* Фрейда, и особенно его интерпретацией часто случающегося ошибочного действия, а именно, когда человек по ошибке достает не тот ключ. В одном из своих примеров он цитирует одного человека [доктора Ганса Закса], который «часто» вынимал неправильный ключ, чтобы открыть дверь [обычно своего бюро]. Согласно его [Фрейда] интерпретации, это выдавало желание быть в том доме, дверь которого как раз и можно было открыть этим ключом [т.е. в его собственном доме]. Мне тогда показалось, что к чисто психологическому объяснению можно было бы прийти также и не пользуясь в этой связи предположением о вытесненных или [бес]сознательных намерениях. Личный эксперимент должен был разъяснить мне это. Тогда я хранил свои собственные ключи в кожаном чехле, где они лежали параллельно друг к другу и были укреплены на металлических кольцах на находящейся наверху тоже металлической поперечной планке. И вот результаты экспериментальной психологии для случайного выбора не того ключа сделали очевидными две главных причины. Первая каса-

ется *сходства* данных ключей; если оба принадлежат к одному и тому же типу изготовления, то это сходство может, естественно, легко привести к путанице. Если речь, напротив, идет в случае одного ключа о маленьком современном и в другом об очень большом, старомодном железном ключе, то путаница могла бы быть почти невозможна. Второй принцип – это *расположение* (близость); лежащие рядом ключи легче можно перепутать, чем удаленные друг от друга.

Прежде чем я стал рассеянным профессором, я был рассеянным студентом, и часто я находил самого себя перед дверью с неправильным ключом в руке. Я выработал привычку запоминать более детальные обстоятельства: я тщательно отмечал ключ, который я должен был бы использовать, так же, как и тот, который я хотел использовать в действительности. Оказалось не так и трудно вывести «градиент близости», потому что для определения близости или удаления двух ключей я должен был только посчитать ключи, находившиеся между ними. Начав с двух непосредственно соседствующих ключей, между ними было последовательно ни одного, потом один, два, три или больше ключей, другими словами, это был точный масштаб, с которым я мог описывать фактическое расстояние между перепутанными ключами. Но что касалось степени сходства между отдельными ключами, то я попросил оценить его своих коллег, которые не были проинформированы о цели эксперимента.

Я продолжал эксперимент в течение многих лет, и я испытал буквально тысячи ситуаций, в которых встречались подобные ошибки. С другой стороны, я обнаружил при этом очень ясную линейную связь между количеством совершенных ошибок, с одной стороны, и сходством ключей, с другой. Чем более похожими были ключи, тем большим было и число ошибок. Кроме того, существовала линейная связь между количеством ошибок и расстоянием между отдельными ключами в связке. Когда я скомбинировал теперь обе причины, то я смог учесть практически все совершенные ошибки. Два современных и близко лежащих рядом ключа вызывали больше всего ошибок, в то время как между современным ключом (Yale key) на одной стороне связки и большим старомодным металлическим ключом на другой стороне никогда не доходило до путаницы.

Я не хочу расхваливать этот мой опыт как эксперимент, который опровергает теорию Фрейда; чтобы сделать это, без сомнения, понадобилось бы больше участников эксперимента, больше проверок и более точная обработка статистики. Кроме того, я не был в том счастливом положении, которым наслаждались пациенты Фрейда, у коих, по-видимому, было несколько любовниц в различных частях Вены, так что они могли путать ключи к их квартирам с ключами от их собственного дома и тем самым выражать желание предпочесть быть у одной из любовниц, чем у собственной жены! То, на что я хочу намекнуть вместе с этим,

это просто, что существует ясное альтернативное объяснение для определенных видов ошибочных действий, и что любая попытка заняться этой проблемой по-научному должна была бы учитывать и такие альтернативы. Фрейд никогда не делал этого, хотя упомянутые принципы были очень хорошо известны и в его время.

Точно такое же возражение было выдвинуто по вопросу ошибок в речи, хотя в этом случае с гораздо более сильной экспериментальной поддержкой. Так в опубликованной Викторией Фромкин книге «Ошибки в языке: обмолвки, описки, ошибки слуха и руки»[7] показано, что масса языковых ошибок приходится на два больших класса. Первый класс охватывает ошибки, в которых заменяющее слово в звуковой *форме* похоже на имевшееся в виду слово, например, как в следующих [адаптированных] примерах: «показание» вместо «наказания», «конфессия» вместо «концессии», «пороги» вместо «дороги». Второй класс состоит из ошибок, в которых замещающее слово родственно в ассоциативном или семантическом *смысле* или *значении* с замененным словом, как иллюстрируют следующие оговорки: «Не обожги палец» вместо «... рот»; «Я знаю его тещу» вместо «... его тестя»; «маленький японский ресторан» вместо «... китайский ресторан». Все, кроме двух, ошибочные замены слов, указанные Фрейдом, могут на основе их сходства с задуманным словом быть распределены в один или в другой класс. Если мы станем приводить еще больше подробностей из книги Фромкин, это заведет нас слишком далеко. Уверен, что оба класса ошибок очень похожи на те, которые я использовал в моем анализе выбора неправильного ключа. С общей психологической точки зрения они также абсолютно понятны, так что вовсе не нужно прибегать к сложным психоаналитическим толкованиям в духе механизма вытеснения.

Если речь идет о вопросе доступа к памяти, то понятие «привычка» (habit) определенно так же важно, как «стимул» (motivation), тем более, что у привычки есть гораздо лучшая экспериментальная основа. Действительно я в свое время совершал при выборе подходящего ключа больше ошибок с недавно приобретенными ключами, чем с другими, которыми я владел уже довольно долгое время. В последнем случае, естественно, бесчисленные повторения привели к привычному нахождению правильного места, в то время как место более новых ключей из-за недостаточной привычки еще не было установлено так твердо. Подобным образом можно доказать, что слова, которые кто-то часто использует, доступны гораздо легче, нежели те, которые относительно новы или до сих пор использовались лишь редко. Нет сомнений в том, что кроме упомянутых выше принципов сначала должен был быть исключен фактор привычки как причины, прежде чем мы могли бы принять во внимание интерпретацию ошибок с помощью (внутренних) стимулов или похожих мотивационных концепций.

Кстати, совершенно неправильно рассматривать Фрейда как первого исследователя, который заинтересовался такими ошибками как оговорки, описки и т.д. и собрал о них обширный материал. Первый большой психолингвистический анализ таких ошибок посредством сбора более чем 8000 примеров ошибок был опубликован в Вене Мерингером и Майером под названием *Обмолвки и очитки (*ошибки при чтении) в 1895 году – за шесть лет до книги Фрейда. Но и у этих исследователей были другие предшественники – несколько работ появились даже за девять лет до этого – что доказывает существование живого интереса в те времена к таким вещам.

В дискуссии между Мерингером и Фрейдом обе стороны заняли крайние позиции [ср. у Фрейда, указ. соч., стр. 52 и дальше]. Фрейд утверждал, что все языковые ошибки, кроме как, вероятно, некоторые из простейших случаев предвосхищения (пролепсиса, антиципации) и упорствования (персеверации), могут быть объяснены его теорией бессознательного и сведены к механизму вытеснения в качестве причины. Противоположная позиция Мерингера оставляла причины такого рода полностью без внимания. Сегодня мы можем сразу сказать, что существующий доказательный материал не в состоянии подкрепить точку зрения Фрейда; однако и точка зрения Мерингера тоже не может считаться полностью подтвержденной ввиду трудности полного опровержения возможности обусловленных стимулом или мотивацией ошибок.

В одной главе сборника Фромкин Эллис и Мотли проанализировали 51 ошибочное образование замещающих слов из общего числа 94 представленных в *Психопатологии обыденной жизни* Фрейда речевых ошибок. Они приходят к выводу, что

«ошибочные замещения слов, которые Фрейд привлек в качестве доказательства этой теории противоречивых намерений, ни в формальном, ни в структурном отношении не отклоняются от ошибок, проанализированных психолингвистами».

Вследствие этого для их объяснения вообще не требуется предполагать нелингвистические механизмы.

Чтобы сравнить соответствующее влияние мотивационных и лингвистических факторов друг с другом, было проведено несколько интересных экспериментов. Один из них обрабатывал так называемые *«спунеризмы»* (*«Spoonerisms»)*, т.е. легендарные оговорки преподобного доктора Уильяма Арчибальда Спунера, священника и профессора, который жил в 1844-1930 годах и был с 1903 по 1924 год ректором Нью-колледжа в Оксфорде. Названные его именем оговорки

были случайными перестановками начальных букв двух или большего количества слов, в таком виде, чтобы также появившиеся в качестве замены слова имели в итоге смысл, например: «You have *hi*ssed the *my*stery lectures» вместо «You have *mi*ssed the *hi*story lectures». Спунер был в свое время известен тем, что он часто делал такие подмены начальных звуков при разговоре (и, по-видимому, также при письме), все же, большинство знаменитых *спунеризмов* придумано, вероятно, другими людьми.

Майкл Т. Мотли применял теперь вышеупомянутые факторы, чтобы вызвать невольные *спунеризмы* в экспериментальных ситуациях. В одном из этих экспериментов он показывал его испытуемым лицам два бессмысленных самих по себе слова, которые они должны были громко произносить. Он сформировал три подопытные группы, каждая из которых подвергалась соответственно другой ситуации. Пробные условия одной группы предусматривали проверку произведенного возможным электрошоком когнитивного изменения установки. К участникам эксперимента прикреплялись (ненастоящие) электроды, которые демонстративно соединялись с электрическим таймером. При этом им говорили, что он мог вызвать не слишком болезненный электрошок с нерегулярными интервалами, и что они в ходе теста могли бы воспринимать такие удары током или также нет (конечно, на самом деле никакого электрошока не было!). Этим процессом руководил экспериментатор-мужчина. У второй группы когнитивная установка должна была исследоваться в ориентированной на секс ситуации. С этой целью тестовые задания были поставлены привлекательной сотрудницей, которая не только красиво выглядела, но и была очень вызывающе одета и вела себя соблазнительно. (Студенты психологии всегда находят возможность для развлечения!) Эта чрезвычайно заряженная сексом процедура происходила без участия электрических аппаратов. В третьей группе нейтральный контрольный тест проводился также при отсутствии аппаратуры электрошока, на этот раз, однако, его вел (индифферентный) руководитель эксперимента, мужчина. Как вы видите, отдельные планы эксперимента соответствовали цели оценить обусловленные ситуацией факторы мотивации относительно электрошока, секса или нейтрального обращения в их сравнении друг с другом.

В тесте теперь участникам эксперимента представлялись пары слов, которые могли путем простой замены начальных звуков дать в итоге имеющие смысл слова, причем их значение принадлежало либо области электричества, либо области сексуальности. Примеры первого (шокирующего) типа были, например, *shad bock*, что можно было транспонировать в *bad shock*, или также *vany molts*, из чего можно было образовать словосочетание *many volts*. Для второго (по другим причинам шокирующего) типа бессмысленные слова звучали, к примеру, *goxi furl*, что могло напомнить о *foxy girl*, или *lood gegs*, в которых можно было

угадать *good legs*. [Немецких студентов психологии соответствующим образом можно было бы попросить обработать слова вроде *dreißer Haht* или *zeiler Stahn*. Один из упомянутых в «Психопатологии обыденной жизни» (указ. соч., стр. 77) примеров Майера говорит ошибочно о «методе Фрейера-Брейда», вместо «Брейера-Фрейда». (Русским примером, пожалуй, в «сексуальной» ситуации могло бы стать «тлёвая кёлка» вместо «клёвой тёлки». – прим. перев.)]

Каждой целевой группе пар слов предшествовали три слова интерференции (т.е. влияющие на реакцию пары слов), которые должны были создать звуковое предубеждение к ожидаемым *спунеризмам*. Например, целевой паре *bine foddy* с ожидаемой заменой начальных звуков на *fine body*, предпосылали интерферирующие группы *fire bobby*, *five bogies*, и т. д., вследствие чего внушалось, что первое слово должно было начинаться с *f* и второе с *b*. Результатом было то, что (ошибочные) замены звуков у тех целевых слов, ожидаемое ошибочное произношение которых подходило к соответствующей определенной ситуации – условиям эксперимента – когнитивной установке, встречались чаще, чем те, ошибочное произношение которых не имело ничего общего с данной ситуацией. Иными словами, «заряженный сексом» эксперимент произвел больше ошибок, ориентированных на секс, чем ошибок, ориентированных на электричество, а «заряженный электричеством» эксперимент вызвал большее количество ошибок, относящихся к электричеству, чем других. Наконец, нейтральная процедура – как контроль – привела к одинаковому количеству ошибок одного или другого вида.

Мотли увидел в этом доказательство теории Фрейда, но ведь здесь, естественно, об этом вообще не может быть и речи. Здесь как раз с полным основанием можно сомневаться в том, что эти ситуации обладали мотивационным характером, они могли бы, все же, так же хорошо определяться только различными привычками и ассоциативными путями. Гораздо хуже, однако, что теория Фрейда исходит из того, что мотивирующие факторы – это *бессознательные (,) вытесненные инфантильные желания;* тогда как даже Мотли не смог бы утверждать, что аффекты или эмоции, вызванные предупреждением, что участники, возможно, скоро получат удар электрошоком, или видом вызывающе одетой красивой девушки, бессознательны. Эксперимент сам по себе не безынтересен, но он несущественен в отношении психоаналитических гипотез. И то же самое нужно сказать, разумеется, обо всех других описанных в психологической литературе подобных экспериментах. Ни один из них не представляет собой настоящий тест для теории Фрейда.

Но давайте обратимся еще к одному из характерных для выбора Фрейда примеров Lapsus linguae – оговорки, обмолвки. Речь идет о случае (одновременного

забывания и неправильного вспоминания), который многие из его приверженцев, а также критики снова и снова расхваливают как примечательный, а также весьма внушительный пример толкования «оговорок по Фрейду». Детальный анализ этого случая представил Себастьяно Тимпанаро, известный итальянский лингвист, в своей одноименной книге.[8]

Это блестяще и с большой компетентностью написанное описание можно лишь порекомендовать каждому заинтересованному читателю в качестве дополнительной литературы; к сожалению, мы здесь едва ли сможем дать больше, чем лишь маленькое представление о его весьма показательном ходе мысли.

Начнем сразу с сообщения Фрейда (указ. соч., стр. 19 и на следующих страницах). В одной поездке на поезде Фрейд разговорился с молодым земляком, австрийским евреем, который жаловался на угнетенное социальное положение евреев в Австро-Венгрии. В своей страстной речи молодой человек захотел процитировать стих Вергилия, в котором покинутая *Дидона* завещает грядущим поколениям отмщение Энею, прежде чем она лишает себя жизни: «Exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor» («Да восстанет из наших костей некий мститель!»). По причинам, которые немедленно будут рассмотрены, это проклятие трудно поддается переводу, но в нем имелось в виду что-то вроде: «Пусть кто-то восстанет из моих костей как мститель» или «Восстань же из моих костей, о, мститель, кем бы ты ни был». Вместо этого молодой еврей по ошибке произнес: «Exoriare(e) ex nostris ossibus ultor!». То есть, он упустил слово «aliquis» и переставил местами слова «nostris ex». Когда молодой человек, знавший, кем является его собеседник, и, очевидно, читавший некоторые из его книг, попросил Фрейда проанализировать причины своей оговорки, Фрейд попытался проанализировать ее психоаналитическим методом. Воспользовавшись методом свободных ассоциаций Гальтона [это, конечно, не expressis verbis], Фрейд просит у своего испытуемого соблюдения следующего правила:

«Я должен вас только попросить сообщить мне откровенно, не критикуя, все, что вам придет в голову, лишь только вы без какого-либо определенного намерения сосредоточите свое внимание на позабытом слове». (стр. 19)

После этого молодой человек начинает с ассоциаций на забытое слово *«aliquis»* и приходит к последовательности *«реликвии, ликвидация, жидкость, флюид».* Затем следует святой *«Симон Триентский»* – ребенок-мученик из пятнадцатого столетия, убийство которого было приписано евреям, и хранившиеся в Триенте реликвии которого этот молодой еврей осматривал не так давно. Следующим шагом получается ряд святых, в том числе *Святой Январий,* свернувшаяся кровь которого хранится «в склянке в одной церкви в Неаполе» (стр. 20), и «которая

в определенный праздник чудесным образом становится вновь жидкой». Волнение, которое схватывает суеверный неаполитанский народ, если этот процесс разжижения замедляется, выражается (якобы) в живописных поруганиях и угрозах в адрес святого. [Собеседник Фрейда сообщает тому об исторической сцене, в которой чудо замедлилось во время оккупации города французами. Тогда командующий генерал – или, может быть, это был сам Гарибальди? – отвел в сторону священника и, весьма выразительным жестом указывая на выстроенных на улице солдат, сказал, что он *надеется*, что чудо вскоре совершится. И так это и произошло. (стр. 20)] Наконец, беседа доходит до определенного беспокойства, в котором Фрейд видит причину того, что молодой человек забыл слово. Молодой человек сознается: «Теперь мне действительно пришло нечто в голову... Но это слишком интимно для того, чтобы я мог рассказать... К тому же я не вижу никакой связи и никакой надобности рассказывать об этом».

Далее следует такой диалог:

«О связи уже я позабочусь. Я, конечно, не могу заставить вас рассказывать мне неприятные для вас вещи; но тогда уже и вы не требуйте от меня, чтобы я вам объяснил, каким образом, вы забыли слово «aliquis».

«В самом деле? Вы так думаете? Ну так я внезапно подумал об одной даме, от которой я могу получить известие, очень неприятное для нас обоих».

«О том, что у нее не наступило месячное нездоровье?»

Эта дама, кстати, была «итальянкой, в обществе которой он также посетил Неаполь». Молодой человек пребывал «в боязливом ожидании» ежедневно получить подтверждение его наихудших опасений. (стр. 21) Фрейд находит в этом контексте также ассоциативный смысл другого имени в «ряду святых и отцов церкви», а именно имени *Святого Августина,* который был упомянут после *Святого Симона*. *Святой Августин* и *Святой Януарий* – и тот, и другой «календарные святые» (месяцы август и январь), это значит, что их имена должны были для молодого человека, который боялся стать отцом, образовать прямо-таки цепочку страха (причем для Фрейда кажется неважным то, что эти два месяца лежат слишком близко друг к другу, чтобы они могли, по крайней мере, представлять фатальные девять месяцев). Далее Фрейд связывает детоубийство *Святого Симона Триентского* с искушением детоубийства или аборта как эквивалента его. На сомнения молодого человека в правильности интерпретации он отвечает следующими уверенными словами:

«Можно ли это объяснить случайностью, я предоставлю судить вам самим. Должен только вам сказать, что всякий аналогичный случай, подвергнутый анализу, приведет вас к столь же замечательным «случайностям»». (стр. 21)

Фрейд утверждает не что иное, как следующее: Молодой еврей обеспокоен тем, что он мог сделать беременной свою итальянскую возлюбленную; вытесненная тревога проявляется в форме вербальной ошибки, когда он хочет цитировать Вергилия. Цепь ассоциаций, которая начинается с забытого слова, ведет к представлениям, которые содержат маленьких детей, жидкости, календарные месяцы, детоубийство и многое подобное, что, на взгляд Фрейда, связано, несомненно, с отсутствием месячных у молодой итальянки. Но по-прежнему остается неясным, почему какая-то из этих мыслей, которые вращаются вокруг реальных опасений молодого человека, должна пониматься в каком-либо смысле как «вытесненная». Они у него отнюдь не бессознательны, скорее они-то как раз и находятся в центре его сознания. Разумеется, с этим возражением едва ли можно отвергнуть гипотезу, что свободные ассоциации в связи с ошибкой ведут к комплексным или тревожным представлениям. Только вот – может ли все это доказать общую теорию Фрейда – или, по меньшей мере, подкрепить ее?

Прежде чем мы подвергнем теперь анализ Фрейда окончательной критике, давайте еще посмотрим, что может ответить Тимпанаро, эксперт-лингвист, на поставленный им перед собой вопрос «Какое объяснение мы можем найти для этой двойной ошибки?». Сначала он указывает на давно известный феномен банализации, а именно на тот факт, что слова и выражения, которые являются устаревшими, высокопарными или стилистически необычными и которые поэтому относительно далеки от языково-культурной традиции говорящего, по тенденции заменяются на более простые и более обычные выражения. Подобным образом кто-то, кто захотел бы открыть доступ современности к полученному по традиции литературному наследию, также будет беспокоиться о том, чтобы «перевести» старинные слова и предложения в современные формы выражения. Далее, процитированный молодым спутником Фрейда стих Вергилия необычно драматично построен, так как второе лицо единственного числа [императив] «exoriare» появляется в нем одновременно с неопределенным местоимением «aliquis»: *Дидона* использует для будущего мстителя фамильярную форму обращения, так сказать, «ты», как будто бы она уже видела его стоящим перед собой, в то время как она тут же с «aliquis» («кем бы ты ни был» [в формулировке перевода Шпитценбергера]) выражает его неопределенное тождество. Таким образом, приговор Дидоны – это в то же время предсказание – очень неопределенное, какими обычно и бывают такие предсказания («Придет – раньше или позже – кто-то, кто отомстит за меня») – и имплицитное возвещение о бо-

лее позднем Ганнибале, том мстителе, кого Вергилий определенно имел в виду, когда он писал эти слова.

Такая конструкция, собственно, не переводима на немецкий язык – язык Фрейда и его молодого друга (и на английский язык тоже) – во всяком случае, не переводима дословно. Тимпанаро определенно подчеркивает эту трудность:

«Чем-то нужно пожертвовать: либо хотят выразить характер таинственно неопределенного пророчества, что означает, передать *«Exoriare»* в третьем лице единственного числа – вместо второго лица – («...пусть же придет мститель»), либо предпочитают сохранить непосредственность и непосредственно взывающую (призывающую) силу второго лица единственного числа, что означает, что надо как-то модифицировать *«aliquis»*, если даже не подавить его совсем («Прибудь, о, мститель, кем бы ты ни был»)».

Переводчики Вергилия в немецком языке выбирали, как подчеркивает Тимпанаро, обычно одну или другую возможность. И вероятно, что молодой австриец, для которого слова *Дидоны* были, без сомнения, немногим большим, чем далеким воспоминанием из гимназических времен, неосознанно ориентировался на то, чтобы банализировать текст, это значит, привести его в соответствие со своим личным словарным запасом. Бессознательное исключение «aliquis» сходится с этой тенденцией; остаток предложения легко можно перевести на немецкий язык, также без того, чтобы перегружать при этом порядок слов. Эта тенденция поддерживается тем фактом, что первоначальный вариант Вергилия необычен не только с точки зрения немца, но и в контексте латинского языка. Это обстоятельство легко могло склонить молодого человека, который приобрел лишь скромные знания (латыни), к тому, чтобы он «восстановил» грамматический порядок так, как он выучил его в школе. Тимпанаро, конечно, вдается в еще гораздо большие подробности, чем мы можем сделать это здесь, но уже и так может быть очевидно, что он с полным основанием вводит феномен банализации для спора с объяснением Фрейдом той ошибки молодого еврея. Как, однако, обстоят дела с цепью ассоциаций?

Ну, для этого у Тимпанаро тоже есть чрезвычайно ясное решение. Он указывает на одно предположение Фрейда, для которого вообще нет опоры. Фрейд думал, что тревога молодого человека об отсутствии месячных у его возлюбленной вызвала ошибку, и что цепь ассоциаций представила доказательство этого. Тем не менее, точно так же возможно, что *любая* цепь ассоциаций, которая исходит от какого-то произвольно выбранного слова, как раз ведет к тому, что занимает самое высшее положение в душе «пациента» (или, скажем, страдающего). Это происходит потому, что его мысли всегда склоняются к тому, чтобы возвра-

щаться к этой приоритетной для него теме. Тимпанаро дает ряд примеров, которые показывают, как легко можно придумать цепи ассоциаций к тревогам и заботам молодого еврея, достаточно только взять любое место из цитаты Вергилия в качестве исходной точки. Он также констатирует, что эти цепи ассоциаций ничуть не более гротескные и туманные, чем те, которые Фрейд применяет как свидетельство. Кроме того, он указывает на то, что Фрейд в действительности вовсе не позволял своему собеседнику ассоциировать свободно, а очень осторожно направлял своими репликами его цепь ассоциаций в приемлемом для него направлении, которым молодой человек и должен был, в конечном счете, следовать. В этом отношении так называемые «свободные ассоциации», похоже, подверглись влиянию частично со стороны суггестивных примечаний Фрейда, частично, под воздействием знаний молодого еврея о Фрейде и его теориях. К этому еще добавляется его интерес к сексуальным вопросам, так что его ассоциации могли бы пойти в указанном направлении в любом случае – и неважно, из какой именно исходной точки они начались бы. Вместе с тем мы возвращаемся к решающему вопросу. Если бы мы могли начать с любого слова и пришли бы, несмотря на это, через цепь ассоциаций к одному и тому же результату, то теория Фрейда, без сомнения, абсолютно ошибочна. Вследствие этого это был бы необходимый и, кроме того, ясный контрольный эксперимент. Тем не менее, Фрейд и его приверженцы никогда не пытались подвергнуть свои утверждения такому тесту.

Когда я во время войны служил психологом в *Mill Hill Emergency Hospital* (больница неотложной помощи в Лондоне), я применял этот эксперимент на большом количестве пациентов, которые попали в больницу с невротическими или легкими психотическими расстройствами. Я просил их, чтобы они рассказывали свои сны, и затем просил их называть свои свободные ассоциации с различными элементами сновидений. При этом я обнаружил – как еще раньше Гальтон и Фрейд, что при этом методе в действительности можно было очень быстро добраться до определенных забот и страхов, которые сильно беспокоили пациентов, хотя эти заботы были у них, как правило, совершенно осознанными и вовсе не указывали на вытесненные детские желания. Но я предпринял также контрольный эксперимент. При этом я исходил из тех же снов – скажем, из снов *господина Джонса* и *господина Смита* – которые я раньше проанализировал во фрейдовской манере, только теперь я просил *господина Джонса* дать свободные ассоциации к элементам из сна *господина Смита* и наоборот. Результат был однозначен: цепи ассоциаций заканчивались точно теми же «комплексами», если ассоциации исходили из снов другого, как будто люди цепляли их к своим собственным снам! Другими словами, цепь ассоциаций определяется «комплексом», но не исходной точкой. Это полностью опрокидывает теорию Фрейда, и нужно только удивляться тому, почему психоаналитики не взяли себе на воору-

жение эту максимально простую экспериментальную методику в качестве теста для ценности объяснения их учения.

Я не хочу вместе с тем утверждать, что рассматриваемая здесь гипотеза обязательно и однозначно правильна. Я только говорю, что она в связи с принципом банализации представляет собой очень сильную и важную альтернативу точке зрения Фрейда, и что в науке обязательно требуется экспериментально проверять также и альтернативные подходы. У психоаналитиков нет права утверждать о правильности своих представлений, пока не проведены в достаточном числе и с достаточной основательностью эмпирические исследования, которые тем или другим способом дадут убедительные результаты. Наличествующих свидетельств, без сомнения, недостаточно, чтобы «доказать» теорию Фрейда, они, кажется, противоречат ей со многих точек зрения. Не только существуют пригодные и экспериментально вполне подтвержденные альтернативы, но, более того, также можно увидеть, что и в большинстве указанных Фрейдом случаев «комплекс» вообще не является бессознательным или вытесненным. Молодой еврей в вышеупомянутой истории полностью понимал то, чего он должен был опасаться, и, естественно, он должен был также постоянно помнить об этом. В этом отношении мотивационные факторы вполне могли воздействовать (если мы считаем банализацию слишком простым объяснением его ошибки), но и тогда, несомненно, это не были бы мотивы по Фрейду. Внимательные читатели *Психопатологии обыденной жизни* заметят, что это справедливо почти для каждого примера. Поэтому также здесь – как и в случае его книги о «Толковании снов» – можно сказать, что случаи, приведенные им в качестве доказательств, могут, в принципе, только ослабить его точку зрения.

Мы не можем не прийти к выводу, что широкое признание теорий Фрейда о снах и ошибках не основывается на рациональном и критическом чтении его произведений; так как в действительности там нельзя обнаружить ни одного настоящего доказательства правильности его идей. Хотя он преподносит нам впечатляющие и интересные интерпретации, все же, они абсолютно несущественны для его намерения, потому что они противоречат – если принимать их как объяснение – его собственным теориям. Заметьте, теории *поддаются проверке*, и можно только надеяться, что очень скоро начнутся подходящие долгосрочные исследования, в которых эффективность теории Фрейда будет подвергнута сравнению с другими теориями. До тех пор, пока этого не произошло, теории Фрейда ни в коем случае не могут считаться доказанными или даже только вероятными. Подавляющее большинство свидетельств говорит в пользу альтернативных взглядов, которые, кроме того, гораздо больше согласуются со здравым смыслом. Кстати, это просто абсурдно говорить об «оговорках по Фрейду» или «символам по Фрейду». Как символика, так и интерпретация не-

умышленных ошибок были известны задолго до того, как Фрейд сформулировал свои теории, и то же самое касается методики ассоциаций, с помощью которой он стремился обосновывать свои тезисы. Чем бы ни были сновидения, оговорки или описки, они, несомненно, не являются «Царской дорогой к познанию бессознательного в душевной жизни». В самом благоприятном случае они могут быть иногда мотивированы осознанно протекающими мыслями, которые, со своей стороны, «заряжены» сильными аффектами или эмоциями. В действительности имеется некоторое количество доказательств этого; но для «бессознательных» и «вытесненных» желаний во фрейдовском «уравнении мотивов», напротив, вообще нет доказательств, даже в его собственных примерах.

В последние годы была выдвинута новая гипотеза, которая бросает абсолютно иной свет на то забытое слово «aliquis». (Неприятная) история начинается с «разоблачения», что у Фрейда была тайная любовная связь с *Минной Бернайс,* сестрой его жены. Как очень хорошо известно, любовная жизнь Фрейда была большей частью цепью разочарований, которая началась с воздержания во время его четырехлетних ухаживаний за *Мартой Бернайс* и продолжалась в ограничениях, которые ему приходилось соблюдать на протяжении первых девяти лет их брака, когда она большую часть времени была беременной, кроме того, часто болела, и не была таким образом доступна для ее мужа в сексуальном отношении. Наконец – после ее шестой беременности – пара приняла решение если вовсе не прекратить сексуальные отношения в семье, то хотя бы значительно их ограничить, так как супруги решили, что не хотят больше родов и детей.

Теперь возникло предположение, что растущий интерес Фрейда к сексуальной сублимации, к эдипову соперничеству и зависти к пенису был в очень большой степени вызван его личной биографией. В годы ранних «открытий» он, кажется, в своих снах страдал от прямо-таки жутких страхов того, что его кастрируют, что его лишат сексуальных прав на его жену, и что его дети изувечат его половые органы. И как раз в это время Фрейд начал завязывать связь со своей *золовкой* – так, во всяком случае, сообщал об этом К. Г. Юнг, бывший (более молодой) друг Фрейда и позже его соперник. Это обнародовал, в свою очередь, ученик Юнга, американец Джон Биллински, раскрывший, что Юнг при первом посещении им *Фрейда* в Вене встретился с *Минной*, которая исповедовалась Юнгу, что она чувствовала себя виноватой из-за своей любовной связи с Фрейдом. Биллински цитирует Юнга, который, мол, узнал от нее, что Фрейд любил ее, и что их отношения действительно были очень интимными. Он – Юнг – был якобы шокирован этим открытием, и даже в более поздние годы он еще помнил о душевных муках, которые он, по его словам, перенес в то время. (Эта реакция

Юнга кажется нам, однако, поразительной, ибо он сам, как известно, отнюдь не был противником внебрачных отношений.)

Вся эта история, наверное, едва ли представляла бы интерес (кроме как для жадных сплетников), если бы несколько лет назад два писателя, Оливер Джилли и Питер Суолес, не пришли к мысли, что *молодой еврей* в анализе слова «aliquis» был вовсе не случайным попутчиком Фрейда, а – им самим! Авторы полагают, что Фрейд и *Минна* вместе поехали в августе 1900 года в Италию, она уступила там его ухаживаниям и забеременела. Однако основное свидетельство этого подозрения якобы состоит в том самом толковании «aliquis». По мнению Джилли и Суолеса, не кто иной, как сам Фрейд был очень обеспокоен тем, что *Минна* могла бы передать ему очень плохое сообщение; так что вовсе не итальянская дама ждала наступления месячных, а собственная *золовка Фрейда.*

Но и это еще далеко не все подозрительные обстоятельства, которые Суолес находит для подкрепления этого предположения. Есть выделяющиеся сходства между *молодым человеком* в этой истории и персоной Фрейда: оба были евреями, оба испытывали постоянное разочарование вследствие антисемитизма в Австро-Венгерской монархии, и оба были очень честолюбивы. Кроме того, *молодой человек*, очевидно, был знаком с некоторыми из психологических публикаций Фрейда, даже с относительно недоступными работами о бессознательном забывании. Больше еще, он мог цитировать из *Энея*, так же, как Фрейд, и он, кажется, знал других авторов, которых ценил Фрейд, как мы знаем. Он осматривал церковь в *Триенто* и видел хранившиеся там реликвии *Святого Симона*, которые как раз Фрейд видел раньше с *Минной*. И в беседе он даже использовал для замены слова «воплощения» метафору «новые издания», которую сам Фрейд несколько раз уже использовал в своих работах. В конце своей статьи Суолес уверенно вызывает на спор всех тех, кто все еще предпочитал бы стоять на той точке зрения, которую – как он думает – отныне нужно рассматривать в качестве *эксцентрической*, а именно, что нужно доверять высказываниям Фрейда. Они должны были бы привести реальное доказательство того, что «молодой человек» существовал где-нибудь еще, кроме как в фантазии Фрейда.

Если бы эта история была правдива, это в действительности придало бы интерпретации этой вербальной ошибки совершенно новый аспект, и якобы чудесное выявление «скрытого» комплекса в другом человеке стало бы еще гораздо более понятным, не в последнюю очередь с учетом собственных сознательных страхов Фрейда. Но правдоподобна ли такая интерпретация? Послушаем Аллана Элмса, который принял «вызов» Суолеса и после тщательной перепроверки доказательств задал несколько очень критических вопросов, которые делают это предположение в целом весьма маловероятным. Итог его поисков показал, что

этот молодой человек существовал на самом деле и находился в указанном месте и в указанное время. Суолес якобы даже упомянул его имя, но не принял всерьез возможность того, что он и мог бы быть тем самым *молодым человеком*. Имя его было Александр Фрейд, и был он младшим братом Зигмунда.

В обширном материале, который Элмс представляет в защиту своего противоположного мнения, прежде всего, примечательно то, что *Александр Фрейд* был известным бабником, что он знал публикации Фрейда (даже не очень доступные), только недавно путешествовал за границу, столкнулся с Фрейдом в указанное время и в остальном подходил к описанию. Само собой разумеется, любой вывод, к которому можно прийти сегодня – спустя так много времени после этого происшествия, не может быть основан ни на чем ином, кроме как на предположении. Возможные внебрачные романы Фрейда, по существу, не очень интересны, разве только в том плане, что они показывают его теорию в особенном свете. Все-таки Суолес и Джилли решаются утверждать, что существенные компоненты сексуальных теорий Фрейда можно понять, только опираясь на эту предполагаемую любовную связь с *Минной*. Для Джилли ясно, что представление Фрейда об инцесте окрашено, если даже не полностью вдохновлено как раз сексуальными отношениями с сестрой его жены, Минной Бернайс, и Суолес находит корень всей теории эдипова комплекса Фрейда «кровосмешенческой» любовной связи.

Ну, даже если человек, о котором идет речь в истории, был Александр Фрейд, а не сам автор, мы все еще должны были бы рассматривать весь анализ «aliquis» как нуждающийся в новой интерпретации. Фрейд был, без сомнения, знаком с жизненными обстоятельствами *Александра*, гораздо больше, чем это могло бы произойти при случайном знакомстве в поезде. И вследствие этого его мысли почти неизбежно исходили бы из известного факта, что *Александр* славился как любитель женщин, и как бы естественная интерпретация должна тогда была принимать во внимание возможность того, что его *Inamorata* ждала месячных и опасалась, что они не наступят.

Чтобы покончить с этой довольно туманной любовной интрижкой, я хочу еще привести заключительный комментарий Элмса, который, по-моему, действительно разумным способом подводит итоги всей этой бури в стакане воды: Фрейд представил довод, что *бессознательное* желание кровосмешения заблокировано бессознательными табу, так что эдиповы эмоции выражаются большей частью не в настоящей кровосмешенческой связи с членом семьи, а в фантазии, неврозе и сублимированном поведении. В 1900 году Фрейда гораздо больше интересовали фантазии об инцесте, чем сам инцест. Он мог фантазировать о Минне, но до сих пор не всплыло ни одно надежное свидетельство, что он дей-

ствительно когда-нибудь осуществил такие фантазии. Во всяком случае, ему не была нужна Минна, чтобы стать особенно чувствительным к вопросам вожделения инцеста. У него всегда была его мать!

Вероятно, мне надо было бы включить этот эпизод в главу о «Фрейде как человеке», все же, он показался мне важнее для представленного здесь (само)анализа ошибки по Фрейду. Все-таки я хотел бы напомнить об уже установленном в той первой главе тезисе, что события в личной жизни Фрейда очень важны для развития психоанализа, и неважно, были ли они стимулированы любовной связью с *Минной* или же его фантазиями о своей любимой *матери.*

----

[1] S. Freud (1900a) *Die Traumdeutung*, GW II/III; Studienausgabe II, стр. 577 (оттуда также взяты все номера страниц для «Толкования сновидений», если не указано иное).

[2] H.B. Gibson (im Druck) *Sleep, Dreaming and Mental Health.*

[3] J. N. Adams (1982) *The Latin Sexual Vocabulary*, London: Duckworth.

[4] C. S. Hall (1953) *The Meaning of Dreams*, New York: Harper.

[5] D. Foulkes(1982) *Children's Dreams: Longitudinal Studies*, New York: Wiley.

[6] S. Freud (1901b), GW IV; Fischer Taschenbuch Nr. 68 (оттуда также последующая цитата).

[7] V. Fromkin (1980) *Errors in Linguistic Performance: Slips of the Tongue,' Ear, Pen, and Hand*, London: Academic Press.

[8] S. Timpanaro (1976) *The Freudian Slip: Psychoanalysis and Textual Criticism*, London: N.L.B. (Orig.: ital. 1974); (оттуда также последующие цитаты).

ШЕСТАЯ ГЛАВА

Экспериментальное исследование теорий Фрейда

«Склонись робко перед фактом, словно малое дитя, будь готов оставить любое мнение, любой предрассудок, покорно следуй за природой к любой пропасти – иначе ничего не узнаешь и ничему не научишься».

Томас Генри Гексли

В предшествующих главах мы увидели, что Фрейд с успехом отказывался использовать два важных, а также надежных научных метода, чтобы с их помощью проверить свою теорию. Он возражал, с одной стороны, против применения клинических опытов – с использованием как экспериментальных групп, так и контрольных групп – посредством которых можно было бы оценить эффективность психоаналитической терапии, хотя он обосновывал научную ценность своих теорий, все же, как раз тем, что его терапии были успешны. С другой стороны, он отказывался признавать важность подробных и квалифицированных наблюдений за детьми для подтверждения своих психосексуальных теорий развития. Но существует еще третий метод, который применяют ученые, чтобы подкрепить свои теории, а именно экспериментальный. При этом экспериментатор варьирует одно единственное отдельное условие, которое, как он предполагает, является существенным для данного феномена, и наблюдает, какое воздействие оказывает измененная ситуация на феномен как таковой, это значит – техническими словами – он манипулирует независимой переменной величиной и исследует ее влияние на зависимую переменную величину. Но как же Фрейд относился к этому, вероятно, самому логичному и самому убедительному научному методу?

Мы точно знаем, что думал Фрейд об этом, а именно – из ставшей известной его почтовой открытки Солу Розенцвейгу от 28 февраля 1934 года. Розенцвейг сообщил Фрейду о своих попытках подтвердить фрейдовскую концепцию вытеснения экспериментальным путем. Ответ из Вены звучал следующим образом:

«Я с интересом принял к сведению ваши экспериментальные работы по проверке психоаналитических утверждений. Я не могу оценить эти подтверждения очень высоко, так как изобилие надежных наблюдений, на которых основываются эти утверждения, делает их независимыми от экспериментальной проверки. В любом случае, она не может навредить».[1]

Ничто не могло бы раскрыть ненаучный характер мышления Фрейда более отчетливо, чем этот снисходительный ответ на почтовой открытке заинтересованному исследователю-экспериментатору. Без сомнения, в глазах Фрейда для проверки его гипотез вообще не требовались какие-то эксперименты. И на самом деле также проведенные эксперименты, очевидно, ничуть не повлияли на него и на психоанализ. Никакая другая дисциплина, которая смогла привлечь к себе внимание мира, не отказывалась когда-либо так ясно и решительно от экспериментальной проверки своих утверждений – даже спекуляции астрологии или френологии можно было исследовать эмпирически – хотя и с отрицательным результатом.

Естественно, всегда есть проблемы при проведении экспериментов, если в них участвуют люди в качестве экспериментального материала и, кроме того, если проверяемые гипотезы основываются на неопределенных данных. Прежде всего, этические соображения запрещают вызывать сильные эмоциональные реакции у наших подопытных субъектов. Но в принципе эксперименты с людьми или над людьми не являются невозможными, даже если в отдельных случаях их тяжело планировать и проводить, и они требуют большого умения и упорства. Это особенно относится к экспериментальному исследованию теорий Фрейда, которые как раз имеют дело с «аффектами» (т.е. эмоциями). Такие реакции очень сложно контролировать как раз при искусственных условиях. Лабораторная ситуация вызывает в подавляющем большинстве проходящих тесты людей неуверенность, и этот факт часто сталкивается (взаимодействует, смешивается – «interferiert») с ожидаемыми руководителем эксперимента нормальными реакциями на экспериментальные раздражители.

Тем не менее – и вопреки отклонению Фрейдом экспериментальных исследований – в этой сфере уже была выполнена масса работы, обзор которой замечательно представляет Пол Клайн в своей книге под названием «Факт и вымысел во фрейдистской теории» *(Fact and Fantasy in Freudian Theory*, 1972). Что касается опубликованных мною и Гленном Уилсоном (и уже неоднократно упомянутых) *Экспериментальных исследований психоанализа Зигмунда Фрейда* (немецкое издание вышло в 1979 году), то они содержат исследования, которые должны были подкрепить теории Фрейда, и которые, тем не менее – как подтверждено – полны методологических и статистических ошибок и ложных выводов. И это не говоря уже о том, что они не привлекают альтернативные теории к объяснению своих результатов, что, впрочем, типично для большей части этой литературы. В этой главе мы можем бросить только очень беглый взгляд на некоторые из самых интересных и наиболее достойных упоминания исследований, причем мы пытались, прежде всего, справиться с трудностями, которые присущи экспериментальному подходу.

В действительности некоторые из применяемых психологами и психоаналитиками процедур настолько странны, что их, собственно, вообще нельзя назвать экспериментальными. Возьмем, например, «эксперименты» Джеральда С. Блюма с так называемыми «картинками Блэкки», *«Blacky pictures»*. Эти картинки входят в комплект из двенадцати рисунков, на которых представлены сцены из жизни собачьей семьи, у которых есть специальная связь с психоаналитической теорией. Семья состоит из четырех собак: родителей, Блэкки (который может быть мужского или женского пола, в зависимости от пола лица, которое проходит тест), и Типпи, брата или сестры Блэкки. Испытываемых лиц просят придумать маленькую историю о том, что происходит, по их мнению, на каждой из отдельных картинок, и эта история также кое-что сообщает о чувствах каждого объекта на картинке. Экспериментатор оценивает затем спонтанные рассказы по тому критерию, возникает ли у проходящего тест человека определенное беспокойство или нет, принимая во внимание тематически критические сферы. Дополнительно ему задаются несколько вопросов о картинках. Также он должен отсортировать картины по принципу, нравятся ли они ему или не нравятся, и, наконец, он должен выбрать из них ту, которая понравилась ему больше всего, и ту, которая больше всего не понравилась. Эти два выбора должны быть симптоматическими для эмоциональных расстройств или беспокойства. Например, на одном рисунке изображен пес Блэкки, который смотрит, как совокупляются его родители; это рассматривается как индикатор в качестве интенсивности эдипова комплекса. Равным образом картинка, на которой Блэкки лижет свои половые органы, считается индикатором чувств вины из-за мастурбации. Если Блэкки видит, что родители ласкают Типпи, то это считается индикатором для соперничества между братьями и сестрами. На другой картинке Блэкки оказывается свидетелем того, как Типпи, очевидно, прямо сейчас отрезают хвост; это должно быть индикатором страха кастрации у мужчин и зависти к пенису у женщин, которые проходят эксперимент! И так далее.

Клайн разобрал большое количество экспериментов с этими картинками и пришел к следуемому выводу:

«В ходе большинства исследований выявилось, что у них не было существенной связи с теорией. Только два исследования кажутся действительно релевантными... одно из них дало подкрепление теории (об анальном характере), другое не дало такого подкрепления (об оральном характере)».[2]

В двух упомянутых Клайном исследованиях была протестирована гипотеза Фрейда о том, что дети в своем развитии могут проходить различные (оральные, анальные, генитальные) стадии (фазы) и при этом оставаться фиксированными на одной из них, что ведет затем к образованию определенного типа характера.

Так называемый анальный характер якобы обладает такими компонентами как аккуратность, бережливость и упрямство или своенравие [З. Фрейд 1905d, дополнение в 1920 и 1908b; 1917c также «скупость, педантичность и упрямство»] и порождается вытесненной анальной эротикой. Напротив, [К. Абрахам, 1921] так называемый оральный характер определяется нетерпеливостью и враждебностью, или также словоохотливостью и щедростью. Очевидно, люди с анальным характером реагируют на *картинки Блэкки* так, как от них ожидается, в то время как люди с оральным характером реагируют не так, как от них ожидают в соответствии с их типом. При самом благоприятном истолковании экспериментов у нас был бы нерешенный результат, все же, мы должны, кроме того, задать еще и вопрос, нет ли для якобы положительного исхода первого эксперимента также альтернативных объяснений.

Так уже последовало – согласен, что достаточно грубое – высказывание, что те «анальные» *картинки Блэкки* были не чем иным, как грубым индикатором отношения к «испражняющимся собакам». Из-за этого также нужно ожидать, что интровертный тип личности (похожий в своем поведении на так называемый анальный тип) на основе своей предрасположенности к тому, чтобы легко демонстрировать брезгливость и отвращение, реагирует на такие картинки иначе, чем экстравертный тип. Это чрезвычайно ясное альтернативное объяснение, которое, однако, к сожалению, не было принято во внимание экспериментаторами. В целом, во всяком случае, положительные результаты едва ли достаточно важны, чтобы проявлять очень большое доверие к ценности такой методики и, соответственно, к утверждениям о якобы доказательстве ею гипотез Фрейда. Другие так называемые «проекционные» методики – т.е. тесты, в которых тестируемому лицу показывают картинки или чернильные кляксы, и он соответственно должен придумать историю к каждому изображению, причем он якобы «проецирует» свои представления на появляющиеся на картинках или чернильных кляксах фигуры или образы, также использовались для исследования эдипова комплекса и комплекса кастрации. Клайн, который кратко упоминает их все, находит их явно неубедительными, исключая, вероятно, исследование, в котором посредством *картинок Блэкки* израильские мальчики из кибуцев сравнивались с теми, кто не воспитывался в кибуце.

Гипотезы звучали так, что у выросших в кибуце детей есть менее сильный эдипов комплекс, чем у детей, которые вырастали в нормальной семье, и что среди детей из кибуца меньшее количество идентифицирует себя со своим отцом, чем среди других детей. Эти гипотезы были – хотя и на основе довольно маленьких выборочных проверок – подтверждены. Но следует задать вопрос, подкрепляют ли эти результаты в действительности теорию Фрейда. В кибуце о детях заботятся воспитательницы; дети там живут в общности и видят своих

родителей каждый день лишь в течение короткого времени (обычно вечером). Собственно, такая воспитательная система в любом случае должна была бы вызвать наблюдаемые различия. Чем меньше ребенок видит родителей, тем слабее будет его эмоциональная привязанность к ним. Да и вообще это не должно иметь ничего общего с эдиповыми побуждениями, это скорее может быть вполне естественно интерпретировано в соответствии просто со здравым смыслом. В этом отношении нельзя не сделать вывод, что эксперименты с *картинками Блэкки* – которые все-таки представляют собой наиболее часто цитируемую группу эмпирических исследований для подтверждения теорий Фрейда – и сделанные на их основе заключения для подтверждения теоретических основных предположений – обладают очень сомнительной ценностью. Во всяком случае, интерпретации лишь малонадежны, а также ответы или реакции исследуемых субъектов варьируются от случая к случаю. Наихудшее, однако, состоит в том, что якобы положительные результаты экспериментов в большинстве случаев допускают намного более разумное и общепонятное объяснение и вообще не требуют прибегать к гипотезам Фрейда. Клайн, который подробно обсуждает результаты исследования всех тех авторов, которые использовали *картинки Блэкки*, приходит, в общем и целом, к столь же пессимистичной оценке.

Психосексуальная теория Фрейда, которая играет важнейшую роль в его творчестве, содержит три основные предпосылки. Первая говорит о том, что у взрослых есть определенные характерные особенности характера (мы называем их сегодня синдромами личности), которые можно измерить и, таким образом, подтвердить. Во-вторых, он исходит из того, что эти «характеры» связаны с процедурами воспитания в раннем детстве. Третий тезис, согласно которому у детей можно наблюдать прегенитальную эротику, уже рассматривался в одной из предшествующих глав, и мы не будем здесь повторяться.

Рассматривая индивидуальное развитие человека, Фрейд различает по существу три фазы; он пишет об этом следующее:

«Сексуальная жизнь начинается не с пубертатного периода, а вскоре после рождения, причём с довольно отчётливыми признаками... Сексуальная жизнь охватывает функцию получения наслаждения из телесных зон, которые лишь впоследствии ставятся на службу продолжению рода».[3]

Этот сексуальный инстинкт проявляется уже у грудного ребенка в районе рта, из-за чего Фрейд говорит об *оральной фазе* развития. На третьем году жизни с начала так называемой *анальной фазы* задний проход появляется как самая важная эрогенная зона. Далее следует *фаллическая фаза* в возрасте примерно четырех лет; отныне внешние половые органы (точнее: пенис и клитор) явля-

ются решающими источниками вызывающих наслаждение ощущений. Как последняя фаза сексуального развития во время полового созревания начинается *генитальная фаза*, которая одновременно обобщает все более ранние стадии детской сексуальной организации и подчиняет их взрослой сексуальной цели получения наслаждения из репродуктивной функции.

Фрейд полагает, что эта детская сексуальность имеет решающее значение для индивидуального развития характера и что, в особенности, ее вытеснение приводит к определенным особенностям взрослой личности, как например, к уже упомянутой триаде бережливости, аккуратности и упрямства, которая якобы выводится из анальной эротики. Об этом Фрейд пишет:

«Постоянные характерные черты – это либо неизменные продолжения первоначальных инстинктов, их сублимации, либо образования реакции против них».[4]

В этом смысле, например, поцелуи продолжают оральную эротику, аккуратность считается образованием реакции против анальной эротики, и как ее сублимация рассматривается бережливость. Разные методы выращивания детей, прежде всего, относительно срока и вида кормления грудью и прекращения кормления грудью должны якобы отвечать за появление тех готовых черт характера, которое мы узнаем у взрослого человека. Но где же доказательства?

Если вся эта видимость не обманывает, то определенные наблюдения указывают на то, что те характерные черты, которые, по мнению Фрейда, часто сходятся и тогда порождают в итоге особенный тип, действительно подходят друг к другу. Разумеется, это только одно необходимое, но отнюдь не достаточное условие для принятия его системы.

Возьмем, например, исследованную Фридой Голдман-Эйслер (1951)[5] противоположность орального пессимизма и орального оптимизма. Это исследование базировалось на выборе девятнадцати качеств, которые назывались авторами-психоаналитиками в связи с оральностью, а именно: оптимизм, пессимизм, экзокатексис (т.е. эмоциональная озабоченность внешними предметами и событиями), эндокатексис (т.е. соответствующая озабоченность внутренними представлениями и процессами), инстинкт заботы (потребность опекать), пассивность, социабельность (т.е. общительность), замкнутость, оральная агрессия, автономия, вина (чувство вины), зависимость, амбиция (амбициозность), импульсивность, рассудительность, (стремление к) изменениям, консерватизм, стремление к недостижимому (ср. стр. 58; там несколько другое описание). Сначала качества оценивались на 115 взрослых исследуемых субъектах и затем устанавливались их взаимосвязи. При этом выкристаллизовывалось остро очер-

ченное измерение, которое простиралось от орально-оптимистического полюса (с экзокатексисом, оптимизмом, потребностью опекать, амбицией, изменением) до орально-пессимистического полюса (с замкнутостью, эндокатексисом, пессимизмом, зависимостью, пассивностью). Таким образом, представления Фрейда об оральном характере казались хорошо подтвержденными.

Но если посмотреть на эти результаты несколько детальнее, а также на использованные для оценки Items (отдельные аспекты), то выявляется, что названное Голдман-Эйслер измерение «оральный оптимизм против орального пессимизма» в действительности, по меньшей мере, очень похоже на уже давно известное измерение личности, если даже вообще не идентично с ним, а именно «экстраверсия против интроверсии». Такие название качеств как экзокатексис и эндокатексис [«Kathexis» в англоязычном пространстве фактические означает то же самое, что «заряженность энергией» у Фрейда – «(Energie-)Besetzung»] – это всего лишь греческие переводы латинских выражений «экстраверсия» и «интроверсия» (по-немецки они звучали бы примерно как «Auswärtswendung» (обращенность наружу) и «Einwärtswendung» (обращенность вовнутрь)). Однако об экстравертах давно известно, что они оптимистичны, в то время как интроверты оказываются обычно пассивными и замкнутыми людьми. Эти и другие наблюдения восходят своими корнями еще к Гиппократу и древним грекам, и едва ли может поражать то, что Фрейд заметил те же самые отношения между определенными чертами характера. Да, в принципе, о всех типах характера, которые описал Фрейд, можно сказать, что они были издревле известны философам и психологам. Вследствие этого также их экспериментальное доказательство тоже абсолютно несущественно для рассматриваемой истинности или ошибочности теории Фрейда.

Напротив, без сомнения, важна этиологическая теория Фрейда, а именно то, что истоки этого совмещения качеств лежат в событиях или переживаниях раннего детства. Все же, это связывание в истории жизни взрослой личности с детством должно сегодня с самого начала – почти априори – считаться невероятной гипотезой, так как уже существуют сильные доказательства того, что соответствующие черты личности абсолютно обоснованы генетически, иными словами: они в большинстве своем являются унаследованными, а не приобретенными. Но вместе с тем значение влияний окружения в один момент было сокращено до минимума.

Но вероятно, еще более важно осуществленное современной поведенческой генетикой различение внутрисемейных и межсемейных детерминантов окружения. Под этим понимается следующее. Если мы хотим учитывать действующие *между* отдельными семьями факторы окружения, то мы должны концентриро-

ваться на таких вещах, как разный социально-экономический статус, различные образовательные учреждения, различный интеллектуальный уровень родителей, различные ценностные отношения, привычки и стили воспитания отца и матери вплоть до искоренения привычек, дрессировки чистоты и многого другого. То есть, мы исследуем только такие влияния окружения, которые не равны для всех семей.

В противоположность этому внутрисемейные детерминанты относятся к разным влияниям *в рамках одной и той же семьи*. Примером этого было бы, например, преимущество, которым один ребенок обязан занятиям с особенно хорошим учителем, в то время как его братьям и сестрам меньше повезло с выбором их учителей. Или же у одного ребенка случается тяжелая болезнь, в то время как другой ребенок из той же семьи остается здоровым. И вот в нескольких широкомасштабных исследованиях в США, в Великобритании и Скандинавии было однозначно подтверждено, что детерминанты окружения личности, которые остаются, если исключить генетические детерминанты, – это внутрисемейные, а не межсемейные факторы. Другими словами, нет доказательств существования гипостазированных Фрейдом воздействий разных семейных сред. Уже только по одним этим причинам мы не ожидали бы, что обнаружим какие-нибудь положительные свидетельства для определения тех столь часто появляющихся вместе черт характера детскими впечатлениями кормления и прекращения кормления грудью, воспитания чистоты и так далее.

Действительно в имеющихся у нас данных наблюдений только иногда обнаруживаются незначительные связи (кстати, не всегда в ожидаемом направлении), и даже там, где они появляются, обычно существует альтернативное объяснение, которое гораздо правдоподобнее, чем этиология по Фрейду. Так Голдман-Эйслер высчитала слабые корреляции между ранним прекращением кормления грудью и оральным пессимизмом и интерпретировала их в психоаналитическом духе. Но если принять во внимание снова и снова подтверждающееся значение генетических факторов, то не так же вероятно ли тогда, по меньшей мере, что интровертные, пассивные и замкнутые матери, как правило, также рожают интровертных, пассивных и замкнутых детей, и что такие матери раньше отучат своих детей от груди, чем оптимистичные и экстравертные матери? Итак, мы видим перед собой еще один случай, в котором объяснение условиями окружающей среды предпочитается корреляции черт характера между родителями и детьми, хотя, в принципе, нет ничего, что дало бы нам право так просто не замечать генетическую альтернативу объяснения.

Еще нужно было бы упомянуть, что исследование Голдман-Эйслер содержит много отдельных результатов, которые прямо противоречат предсказаниям Фрейда. Например, в одном месте автор замечает:

«Наши данные не подтверждают психоаналитическое утверждение, что оральная фрустрация, нетерпение и оральная агрессия неразделимы или находятся в связи друг с другом». (стр. 84)

На основе своего статистического анализа у нее не было никакого другого выбора, кроме как постулировать два независимых друг от друга фактора, чтобы объяснить все взаимоотношения между качествами характера, тогда как Фрейд довольствовался всего одним фактором.

Также Клайн, который в первом издании своей книги (1972) обобщил относящиеся к психосексуальным «синдромам личности» результаты, был вынужден сделать следующий вывод:

«Из значительного количества исследований, которые попытались установить связь методов выращивания детей с развитием личности, только два в незначительной степени подтверждают теорию Фрейда».[6]

Это, с одной стороны, только что рассмотренное исследование Голдман-Эйслер, а также одно исследование самого Клайна, в котором он использовал уже упомянутые *картинки Блэкки*.

Клайн гораздо добросовестнее, чем большинство других авторов в этой области; в частности, он также особенно четко проясняет, что психоаналитическая теория анальности сложнее, чем предполагали многие специалисты. Так он пишет:

«... к переменной величине окружения (воспитание чистоты) добавляется *конституционная* переменная величина (анальный импринтинг). [Эти конституционные генетические различия подробно обсуждаются в *Трех очерках о теории сексуальности* (Фрейд, 1905)]. Ясно указывается на то, что существуют индивидуальные различия в силе взаимодействующих интересов. В соответствии с этой твердо очерченной теорией анальный характер может развиться только тогда, если строгое воспитание чистоты (pottraining, приучение к горшку) наталкивается на ребенка с анальным импринтингом».[7]

Клайн признает, что генетические факторы при создании (если здесь вообще можно говорить о создании!) анального характера играют важную роль, причем

они взаимодействуют с переменными величинами окружения, как например, с дрессировкой чистоты. Он пришел к выводу, что высокие показатели (scores) на его анальной шкале (Ai3), как и на других подобных анкетах, примечательным образом соотносились со степенью расстройства (беспокойство, смущение), которое студенты демонстрировали при виде картинки, на которой *Блэкки* исполнял свою естественную нужду между будками своих родителей (собак). Корреляция с «обсессиями» (навязчивым состоянием) оставалась положительной при ответах на проблематичную *картинку Блэкки,* и совершенно все равно, классифицировались ли они теперь как «анально-экспульсивные» (ярко выраженные чувства мести или агрессии против родителей) или как «анально-ретентивные» (сокрытие нечистоплотности от родителей).

Трудно понять, как эти корреляции позволяют Клайну прийти к следующему заключению:

«Данное исследование подтверждает гипотезы Фрейда, которые касаются этиологии навязчивых черт характера и навязчивых симптомов». (указ. соч., стр. 120)

Действительно он в одном месте признает, что – в согласии с психоаналитической теорией -

«... анальный характер является результатом фиксации в ретентивной фазе», что, однако, «собственно говоря, вероятно, (должна) существовать отрицательная корреляция с экспульсивным показателем» (стр. 119)

Однако появившаяся положительная корреляция, кажется, не слишком беспокоит его, даже если ученому следовало бы обычно думать, что результаты исследований, которые прямо противостоят прогнозам или ожиданиям, запрещают утверждать, что результаты подтвердили гипотезу!

Клайн заверяет, впрочем, что его результаты должны были подкрепить теории Фрейда потому, что

«...нет никакой логической причины, чтобы связывать реакции на изображение исполняющей естественную нужду собаки с навязчивым поведением». (стр. 120)

Но если посмотреть на его анкету – особенно на анальную шкалу Ai3, то там находятся Items (вопросы), которые недвусмысленно относятся к комплексу «чистоты», например:

«2. Если Вы едите вне дома, хотите ли вы знать, как выглядит кухня? (Да/Нет)» или

«26. Считаете ли вы, что держать собаку в доме гигиенично? (Да/Нет)» (стр. 121 и дальше).

Но действительно ли это неразумно ожидать на такие вопросы ответы, которые обнаруживают связь с реакциями на картинку испражняющихся собак? Интерес к гигиене, чистоте, аккуратности и самоконтролю (установки, к которым неизбежно обращаются той специальной *картинкой Blacky*) стоят, без сомнения, в центре определенного анальной шкалой Клайна синдрома личности с навязчивыми симптомами, и для интерпретации его выводов как раз из-за содержательного пересечения не требуются объяснения по Фрейду. Наконец, Клайн всегда, кажется, исходил из того, что осознанная *картинка Блэкки* является масштабом для «анальной эротики». Мы, естественно, также согласимся с тем, что эта картинка должна иметь какое-то отношение к «анальной» части этого выражения Фрейда, все же, мы при всем желании не можем узнать причину, которая оправдывала бы предположение, что она в то же время «эротическая». Это слово относится в английском языке (языке Клайна) как раз к любви – особенно в сексуальном смысле; то, что Фрейд точно понимал под этим, не показано в статье Клайна отчетливо. Во всяком случае, автор, очевидно, не чувствует себя обязанным разъяснить, насколько эта *картинка Блэкки* может рассматриваться как «объективное измерение для анальной эротики». Короче говоря, работа Клайна – как и работа Голдман-Эйслер – не дает нам повода для предположения, что те факторы, которые в глазах Фрейда были настолько важны для развития характера или личности, обладают каким-либо этиологическим значением.

Разумеется, существуют и другие источники доказательств, которые обычно цитируются психоаналитиками, и которые на первый взгляд подкрепляют – уже представленную Фрейдом – точку зрения, что события в окружении ребенка в его раннем детстве определяют более позднее развитие его характера. Некоторые из самых знаменитых из них мы обсудим позднее в связи с влиянием Фрейда на антропологию и интерпретацию таких далеких от нас свидетельств чужих культур. Тогда мы увидим, что и эти доказательства в равной мере скудны и на самом деле ничем не могут помочь в обосновании психоаналитической теории.

В качестве следующего шага мы хотели бы рассмотреть такие исследования, которые можно было бы с несколько большим правом назвать «экспериментальными», а именно те, которые занимались проблемой вытеснения. По мне-

нию Фрейда, «...его сущность состоит только в отклонении и дальнейшем отталкивании сознательного».[8]

Вытеснение – это определенная форма обороны (так называемый «защитный механизм»), которая служит для того, чтобы сохранять субъект от нежелательных переживаний аффектов. Есть несколько исследований, которые иллюстрируют экспериментальное приближение к этой концепции. В одном из них использовались два примера сновидений по одной и той же теме: один – ряд последовательных эдиповых снов и второй ряд последовательных сновидений, который был похож на первый, но не имел эдипова содержания. Участникам эксперимента вслух зачитывалась либо одна, либо другая история, после чего они должны были передать содержание своими словами. Воспроизведение для эдиповой темы было примечательно хуже, в точности как это и прогнозировалось на основании теории Фрейда.

В другом исследовании участникам эксперимента был дан обширный тест словесных ассоциаций из ста слов, в котором на одно заданное экспериментатором слово-раздражитель нужно было отвечать соответственно только одним словом; одновременно производились различные физиологические измерения, включая измерение времени реакции. Исследователь показывал каждому тестируемому человеку десять слов с (ожидаемыми) нарушениями ассоциаций, такими как длительное время реакции, физиологические признаки аффекта (эмоции) и других, а также десять слов без такого мешающего свойства. Каждый участник должен был в дальнейшем научиться реагировать на представленное изображение с определенным словом. Во второй части эксперимента отдельные группы испытуемых лиц снова были собраны вместе после разных временных интервалов (пятнадцать минут, два дня, четыре дня, семь дней), и их просили в течение пяти минут назвать по памяти как можно больше выученных слов. Затем они должны были доучить данные пары «слово-изображение», если это было нужно.

Результат был противоречивым. С одной стороны, эмоциональные – заряженные аффектом – слова требовали для своего заучивания существенно больше попыток выучить их, чем нейтральные слова. Но, с другой стороны, не были обнаружены никакие различия в запоминании разнообразных слов. Первый из этих результатов, кажется, подтверждал теорию Фрейда, в то время как второй явно противоречил ей. Однако «поврежденные» («нарушенные»), т.е. вызывающие эмоциональную тревогу, слова вызывают гораздо большее разнообразие ассоциаций чем другие, эмоционально нейтральные слова, и так как этот фактор количества ассоциаций с качественно различными словами-раздражителями

не контролировался, то также о якобы положительных результатах исследования нельзя утверждать, что они подтверждают теорию вытеснения Фрейда.

Проводились и другие исследования, которые с использованием лучших экспериментальных методик показывают, что забывание ассоциаций связано с наполненностью слова-раздражителя чувством – как раз эмоциональностью. Клайн видит в этом ясное доказательство вытеснения по Фрейду. К несчастью (для Клайна!) мы знаем, однако, и альтернативные гипотезы, которые также учитывают данный феномен. Так, например, удалось экспериментальным путем подтвердить, что заучивание проходит две фазы. Первая соответствует так называемой оперативной, краткосрочной памяти, которая состоит из реверберирующих кругов нейронов в кортексе (коре головного мозга) и может сохранять информацию только на короткий период. Чтобы ею можно было воспользоваться позже, информация должна быть перемещена в долгосрочную память, которая состоит из химических энграмм (т.н. структурных следов памяти) в клетках. Этому процессу передачи, который называют консолидацией, содействует кортикальное возбуждение, т.е. активизация коры головного мозга. Теперь у нас есть сильные признаки того, что процесс консолидации не только требует времени, но и материал памяти в этой фазе не может быть «вызван», т.е. человек не может вспомнить об этом. Выдвинутая для объяснения этого явления теория уменьшения действия (action decrement) может помочь нам выйти из затруднительного положения при попытке объяснить результаты вроде вышеупомянутых. Так как известно, что «эмоциональные», порождающие аффект слова усиливают кортикальное возбуждение, то во время фазы консолидации неизбежно должно происходить уменьшение активности мозга (что тогда затрудняет заучивание). Тем самым у нас была бы альтернативная фрейдовской теория, которая не принимается во внимание авторами упомянутых экспериментов. В действительности эта теория обладает намного более надежной экспериментальной основой, чем теория Фрейда, и пока она также не опровергнута экспериментально, мы должны исходить из того, что исследования о вытеснении не дают нам однозначный ответ на вопрос Фрейда. Чтобы исключить, однако, интерпретацию в соответствии с теорией уменьшения действия, требуется, без сомнения, еще более тщательное планирование экспериментов.

Что снова и снова следует из проверки эмпирической и экспериментальной литературы, так это почти сплошное нежелание авторов учесть то, что их исследования и результаты нужно рассматривать с точки зрения (объективной) психологической теории и проверять, не могли ли соответствующие факты быть спрогнозированы так же хорошо или даже еще лучше каким-то из давно знакомых профессиональным психологам способов – а не во фрейдовском духе. Мы уже в связи со случаем *маленького Ганса* обратили внимание на эту позицию,

когда психоаналитики, вопреки тому факту, что описанные в этой истории события можно было бы просто объяснить с помощью теории кондиционирования (выработки условных рефлексов), никогда даже не пытались учесть эту модель, не говоря уже о том, чтобы разработать эмпирические тесты, которые могли бы сделать различие между обоими типами теорий. И ведь план таких экспериментов был бы для ученого в равной степени как полезным, так и рациональным занятием. Так как хотя и трудно разрабатывать решающие эксперименты и приходить к однозначным ответам, но простая интерпретация наличествующего материала исключительно посредством какой-то теории – и с одновременным пренебрежением каких-либо альтернативных объяснений – однозначно не соответствует лучшей научно-исследовательской традиции.

Мы хотели бы только кратко коснуться некоторых (подробно рассмотренных в упомянутых книгах Клайна, а также Айзенка и Уилсона) исследований, которые характеризуются как особенно хорошим планированием экспериментов, так и авторитетными выводами; в то же время будут обсуждены и альтернативные гипотезы объяснений.

Первое из этих исследований занимается сосанием большого пальца и специально исследует «связь между нутритивным (т.е. связанным с кормлением) опытом сосания в младенческом возрасте и не нутритивным опытом сосания в детстве».[9]

При этом проверялись различные гипотезы Фрейда, которые связывают сосание большого пальца с так называемой оральностью. Можно сразу сказать, что два самых важных утверждения подтвердить не удалось. Так степень достающегося грудному ребенку питания грудью не позволила сделать прогнозы о длительности или интенсивности сосания большого пальца в его более поздние годы. Также не было заметной корреляции между возрастом во время процесса переучивания от груди к соске и длительностью или весомостью более позднего сосания большого пальца. Этот вывод достаточно однозначно противоречит предположениям Фрейда. Напротив, есть два результата, которые можно интерпретировать в духе Фрейда, а именно: поздно отнятые от груди дети показывали более сильную реакцию на искоренение привычки, чем рано отнятые от груди дети, и младенцы с короткими временами кормления – все равно, из груди или бутылочки – позже сосали большой палец интенсивнее и дольше. Вопрос в том, можно ли действительно использовать этот вывод как подкрепление психоаналитической теории? Сначала отметим, что разделение детей на группу рано отнятых от груди и группу поздно отнятых от груди детей происходило не случайно. В этом отношении мы также не можем исключить возможность генетической связи между поведением родителей (или матерей) и поведением их детей. Не-

достаточное или излишнее кормление матерью как раз вполне может отражать особенность ее личности (как, например, общую эмоциональность или невротизм), которая проявляется также у ребенка, а именно как раз в виде интенсивного и продолжающегося долго сосания большого пальца. Кроме того, возможно, что поведение ребенка вообще сначала вызвало ту манеру, в которой с ним обращаются его родители. Например, тот результат, что поздно отнятые от груди дети показывали более сильную реакцию на искоренение этой привычки, мог следовать из того, что некоторым детям позволялось сосать из груди или бутылочки дольше, чем им это требовалось, как раз *потому, что они резко реагировали на искоренение этой привычки.* Равным образом можно было бы спросить, обязательно ли короткое время кормления грудью влечет за собой «недостаточное удовлетворение» (стр. 52), как это предполагает автор. Должны ли мы по-настоящему верить в то, что кормящая только короткое время мать действительно отнимает у ребенка бутылочку, прежде чем та пуста? Все же, вероятнее, что она забирает ее на основании определенных признаков, согласно которым ребенок уже достаточно сыт (например, когда ребенок выплевывает молоко). Большинство матерей очень хорошо знают, что дети всасывают их молоко с разной быстротой, и что они обычно также выпивают разный объем, пока не насытятся. Итак, время кормления предположительно определялось ребенком, по меньшей мере, в такой же сильной степени, как и матерью.

Что касается теперь связи между краткостью сеансов кормления и степенью сосания большого пальца в более позднем детстве – и здесь в отношении теории Фрейда об оральной эротике и появился единственный положительный результат, – то мы можем снова предположить вероятную генетическую связь между поведением матери и поведением ребенка, если мы даже больше не склоняемся к объяснению, что короткие сеансы кормления обусловлены скорее ребенком, чем матерью. Если бы мы, например, гипостазировали один общий «инстинкт сосания», который варьируется у разных индивидуумов – независимо от количества пищи, которое необходимо для утоления голода – тогда ребенок, который очень сильно сосет и вследствие быстрее достигнутого момента насыщения требует только короткого времени кормления, как правило, должен был бы одновременно быть ребенком, который демонстрирует более длительное и более интенсивное сосание большого пальца. Однако такой соответствующий альтернативной генетической теории прогноз полностью совпадает с фактическим состоянием дел.

Следующее возможное объяснение исходит из того, что в случае этих данных, все из которых были получены из воспоминаний матерей (даже если период между соответствующими событиями и интервью о них был ограничен шестью месяцами), нужно считаться с «подделками», искажениями, причину которых

следует искать во влиянии неконтролируемых мотивов на память. Если мы предположим в качестве фактора какой-то вид «социального принятия желаемого за действительное», который склоняет некоторых матерей больше, чем других, к тому, чтобы они импонировали исследователю, тогда та мать, которая сообщает о том, что ее ребенок лишь редко сосет большой палец, также сообщит, вероятно, что она обычно кормит своего грудного ребенка очень долго и терпеливо. Также это пояснение «Ad hoc» было оставлено автором исследования без внимания, хотя оно представляется – как и многие другие – намного более вероятным, чем первоначальная теория Фрейда.

Одна из областей, в которых психоанализ был особенно влиятелен, – это психосоматика. Следуя по пути Фрейда, предполагалось, что психосоматические расстройства являются отражением психических событий, которые связаны с инфантильной сексуальностью, эдиповым и другими комплексами. Одна из подпадающих под эту категорию болезней, это астма, о мнимых психических причинах в последнее время очень много писали. При этом большей частью ссылались на (фрейдистскую) предпосылку, что решающий психодинамический процесс у астматиков эквивалентен бессознательному страху потери матери, а приступ астмы – подавляемому крику. Другая попытка объяснения астмы ссылалась на роль обоняния, и одна пара исследователей защищала гипотезу, что астматический приступ представляет собой «средство физиологической защиты от активизации запахами нерешенных конфликтов детства».[10]

Авторы использовали два метода. Во-первых, они собирали информацию о видах запахов, которые вызывали приступы у астматиков; при этом они смогли показать, что 74% этих запахов попадали в класс «анальных дериватов». Во-вторых, они записывали свободные ассоциации астматиков, так же, как и здоровых людей (для контроля), анализ которых в итоге показал, что астматики проявляют более частую «блокировку ассоциаций», чем другие индивидуумы. И то, и другое должно было вместе послужить опорой для психодинамической теории, которая постулирует анальную этиологию астмы. Только на самом деле непонятно, как такие данные могли бы подтвердить такую гипотезу. Запахи, о которых астматики говорили, что они были связаны с их приступами, делились на три категории. Одна группа касалась определенных *пищевых продуктов* (ветчина, лук и чеснок), вторая должна была иметь дело с *«любовными романами»* (духи, весна, цветы) и третья соответствовала противоположности *«чистота* против *нечистоты»* (в том числе смрад мусора и всяких отвратительных вещей, дезинфицирующих средств, серы, дыма, краски, лошадей и т.д.). После того, как авторы представили эту классификацию, они внезапно совершают «логичный» прыжок, который будто гарантирует им, что психоаналитическую теорию можно посчитать подтвержденной этим. Они неожиданно называют эти

три класса запахов «оральными», «генитальными» и «анальными», и так как 74% (стандартизованных) запахов попадают в последний класс, то авторы утверждают, что это подтверждает теорию Фрейда о значении воспитания чистоты в раннем детстве и т.д. Им, похоже, не приходит на ум, что их «анальный» класс по количеству включенных в него запахов значительно шире, чем другие два класса вместе взятые. Кроме того, они не замечают, что 74% запахов, которые входят в этот класс, имеют ассоциации с грязью, а также просто гораздо неприятнее также и для большинства неастматиков, чем, например, запахи блюд или духов. Только два из 45 зачисленных в эту категорию запахов были «анальными» в буквальном смысле (т.е. у них был запах фекалий); какое отношение задний проход должен иметь к дыму, хлору, масляной краске или др., остается, все же, неясным.

Все исследование, в конце концов, сводится к тому, что те запахи, которые вызывали астматические приступы, обычно также те же самые, которые и здоровым людям кажутся неприятными. Теперь можно было ожидать, только уже на основе эволюционных принципов, что такие запахи должны вызывать биологическую реакцию антипатии, и так как симптомы астмы включают сужение дыхательных путей, было бы разумно понимать их в соответствии с (филогенетической) попыткой приспособления, согласно которой организм старается избегать запахов, которые особенно отвратительны человеку. Трудно понять, какое отношение имеет эта ситуация к «анальной фазе» или к «неразрешенным конфликтам детства»; скорее она, как представляется, полностью согласуется с физиологической теорией астматической гиперчувствительности (сверхчувствительности). И для теории Фрейда она, во всяком случае, полностью несущественна.

Что касается большего количества «заблокированных ассоциаций», то они могли бы возникнуть – по словам Фрейда – только в случае «анальных» запахов; в реальности, однако, соответствующее различие между группой астматиков и контрольной группой было найдено во всех трех категориях запахов. И даже если мы были бы готовы принять блокировку ассоциаций как действительный критерий для эмоциональности, то это ни в коем случае не объясняет того, что запахи, которые участвуют в возникновении астматического приступа, должны быть вообще более угрожающими для астматиков, чем для неастматиков, и поэтому вызывать более сильные эмоции, т.е. более сильный страх. Можно представить себе, что астматические симптомы довольно неприятны – так что же удивительного тогда, что пациент демонстрирует реакции страха, когда его обоняние чувствует что-то, что, по его прежнему опыту, может вызвать приступ?

Другое исследование занималось гипотезой, что орально-пассивные желания играют решающую роль при возникновении язвы желудка (Ulcus ventriculi).[11] Распределение по группам происходило здесь по различным признакам блюд, которые делают возможной дифференциацию орально-пассивного (сосущего) и орально-агрессивного (кусающего) удовлетворения. Согласно теории, нужно было бы ожидать, что орально-пассивные индивидуумы предпочитают первое, а орально-агрессивные индивидуумы – второе из следующих парных качеств блюд: *мягкое – жесткое; жидкое – твердое; сладкое – горькое; кислое – соленое; влажное – сухое; пресное – пряное; плотное – слабое; тяжелое (жирное) – легкое.* Чтобы теперь проверить психоаналитическую гипотезу, согласно которой фрустрация интенсивного желания орально-пассивного удовлетворения имеет большое значение для возникновения язвы желудка, авторы – с применением анкет о предпочтении блюд – сравнили 38 пациентов с язвой желудка с 62 пациентами без язвы желудка. При этом они обнаружили, что первая группа достигла более высоких «орально-пассивных» показателей, т.е., язвенники преимущественно выбирали «мягкое, жидкое, сладкое, кислое, пресное, плотное и тяжелое» питание. Теперь наш вопрос звучит так: могут ли эти результаты действительно подкрепить психоаналитическую гипотезу?

На самом деле это исследование доказало всего лишь то, что есть связь между язвой желудка и предпочтениями в еде. Это, естественно, мало говорит нам о направлении причины и следствия. Вероятно, привычки питания непосредственно участвуют в появлении язвы, в то время как химические субстанции, которые мы в форме питания вводим в наше тело, влияют на нашу биохимическую конституцию. Самым простым объяснением было бы, без сомнения, то, что «пассивные» блюда язвенные больные предпочитают потому, что они легче усваиваются и меньше раздражают желудок, чем «агрессивные» блюда. Напротив, такие соображения не могли бы иметь значения у пациентов контрольной группы, так как сообщенные диагнозы указывали на то, что многие из них могут классифицироваться как острые или травматические случаи, в то время как язвы желудка, как правило, хронические и конституционные. Такие болезни, как грыжа пищеводного отверстия диафрагмы или раны вследствие автомобильной катастрофы едва ли влияют на пациента в течение настолько длинного периода, что они смогут побудить его к изменению привычек питания. Напротив, язва желудка обычно развивается довольно медленно. И долгое время, которое проходит, прежде чем операция становится необходима, возможно, является достаточным для соответствующего изменения выбора блюд – будь то по собственной инициативе или по совету врача. Но также и эта гипотеза – это не единственная альтернатива психоаналитическому объяснению; можно было также подумать и о том, что язва желудка и пристрастия в питании отражают какую-то третью переменную величину, например, эмоциональную лабильность или склонность к

страху. Как бы то ни было – также это исследование, разумеется, оставляет широкий простор для альтернативных объяснений.

В качестве последнего примера эмпирического исследования психосоматических процессов болезни с психодинамической точки зрения мы еще раз вернемся к описанному Фрейдом *случаю Доры* (1905e), в котором он связал аппендицит с фантазиями родов. У *Доры* в возрасте семнадцати лет внезапно появились боли в животе, которые были диагностированы как аппендицит. Годом позже она проходила сеансы психоанализа у Фрейда. Он при этом узнал, что это заболевание возникло через девять месяцев после эпизода, когда она получила неуместное предложение от одного женатого мужчины. Тогда она ухаживала за детьми его и его жены и вследствие этой аферы лелеяла определенную надежду, что он женится на ней (после его развода с женой, на который *Дора* рассчитывала). И после этого Фрейд пришел к следующему решению ее проблемы:

«Мнимый аппендицит реализовал фантазию родов скромными средствами, которые находились в распоряжении пациентки, болей и кровотечений при месячных».[12]

Другие психоаналитики, как Стоддарт (1922) и Гроддек (1923) обобщили эту интерпретацию, и также позднее многие авторы снова подхватили ее, пока, наконец, Ицхар Эйлон не провел подробное исследование всего этого комплекса.[13]

Он последовал при этом за размышлениями Инмэна (1958,1962), согласно которым «в реальной жизни может произойти событие, которое дает повод для фантазий о родах и которое вызывает боли в правой яме подвздошной кости, приводящие к диагнозу острого аппендицита...

Следующая гипотетическая цепь становится очевидной: случай рождения (рождение ребенка, предстоящие роды или свадьба), фантазии о родах, боли в правой яме подвздошной кости, диагноз «острый аппендицит», аппендэктомия (операция по удалению аппендикса при аппендиците)». (стр. 325)

Эйлон сравнил группу пациентов, у которых была операция на слепой кишке, с другой группой хирургических пациентов (обе группы были относительно одинаковы по возрасту и полу), и нашел в первой группе значительно больше «событий рождения» в их недавнем прошлом. Эти события охватывали фактические роды, беременность у близких родственников и свадьбы, в которых принимал участие сам пациент. Несмотря на это, мы должны спросить себя, может ли этот результат действительно рассматриваться в качестве опоры для теории

Фрейда. Ответ, к сожалению, звучит: «нет»! Почему? Данная психоаналитическая гипотеза касалась ожидания того, что доля нормальных аппендиксов при аппендэктомии, последовавшей за событием рождения, должна была бы быть больше, чем при аппендэктомии, которая не следует за таким событием. Но это значило бы, что послеоперационное патологическое исследование удаленных слепых кишок должно было обнаружить больше предшествующих событий рождения в случаях псевдо-аппендицита, чем в случаях настоящего аппендицита. В действительности, однако, этот прогноз и был подтвержден результатами Эйлона.

Вторая протестированная Эйлоном гипотеза, которая должна рассматриваться в качестве довольно важной для теории Фрейда, звучала, что связь между событиями рождения и аппендицитом должна была быть особенно сильна у молодых женщин, так как они предположительно восприимчивее к фантазиям рождения, чем более старые женщины. В этом случае результаты проверки данного прогноза были прямо-таки противоположны. Единственное, что говорило в данном исследовании в пользу Фрейда, – это один достаточно периферический результат, а именно общая положительная корреляция между аппендэктомией и событиями рождения. Но даже здесь нужно заметить, что по критериям, которые Эйлон первоначально использовал для определения событий рождения, здесь не было никакой примечательной связи. И только после того, как «события рождения» были ограничены родством (причем «пять человек, которые психологически были наиболее близки исследуемому субъекту», выпали из учета [ср. стр. 330 и 333; в комментарии на стр. 348 ошибочно представлено]) и, кроме того, временная граница была расширена с одного месяца до «шести месяцев перед операцией или после операции», стало возможным достигнуть заметного различия в заявленном данной гипотезой направлении. Такая манипуляция данных после теста обычно признается в науке недопустимой, ведь она предоставляет изображению случайных корреляций, которые не имеют статистической значимости и также, естественно, не могут быть повторены, слишком широкий диапазон. Эти и многие другие причины делают невозможным принять результаты Эйлона как фактическую опору для вышеупомянутой психодинамической гипотезы.

Естественно, было еще много других эмпирических исследований, которые мы могли бы здесь обсудить, но читатель даже из уже представленного получит хорошее представление о виде проведенных психоаналитиками исследований, о виде психоаналитических доказательств, а также о виде критики, которую мы можем противопоставить их усилиям. Собственно, за прошедшее время любому экспериментирующему ученому, да, собственно, и просто любому ученому, должно было бы уже стать ясно, что свойственные большинству этих работ не-

достатки в приведении доказательств, применяемые странные и, без сомнения, ненадежные измерительные методы (как *картинки Блэкки*) и, не в последнюю очередь, нежелание учитывать альтернативные гипотезы, с самого начала ставят под сомнение претензии психоаналитиков на существенные свидетельства в этой области. Таким образом могло бы быть трудно, например, найти хотя бы одно исследование, которое обращает пусть даже самое незначительное внимание на влияние генетических факторов, хотя такие влияния оказались исключительно важными в области личности, психических заболеваний и невроза. Это тотальное пренебрежение научными правилами как при планировании и проведении экспериментов, так и при интерпретации их результатов свидетельствует о не вполне серьезном поиске истины. Почти в каждом случае, в котором исследователь утверждал о положительной связи, можно, по меньшей мере, выдвинуть для объяснения наблюдаемых феноменов генетическую гипотезу со столь же большой вероятностью, что и психодинамическую; и ввиду того факта, что мы знаем гораздо больше о генетике развития личности, чем о каких-нибудь других детерминантах, такое пренебрежение этим однозначно признанным в качестве причины фактором является как необъяснимым, так и непростительным.

Впрочем, генетические факторы – не единственные, которые упускаются психоаналитиками при интерпретации ими результатов их собственных исследований. Так мы сегодня, например, знаем очень много о взаимосвязи между памятью и обучением, с одной стороны, и эмоцией и кортикальным возбуждением, с другой стороны. Соответствующие факты были установлены тысячами лабораторных исследований и дают, без сомнения, достаточное объяснение большинства результатов, которые были сделаны в ходе вышеупомянутых исследований для поддержки представлений Фрейда. Тем не менее, среди соответствующих авторов нельзя найти ни одного, который хотя бы только упоминал бы эти подтвержденные современной экспериментальной психологией феномены и теории, не говоря уже о том, чтобы сопоставить их как альтернативное объяснение с психоаналитическими гипотезами. Мы видим, что, как ни крути, но эти «экспериментальные исследования» концепций Фрейда не имеют ничего общего с наукой, из-за чего мы также не видим причины принимать всерьез их «результаты».

Критики могут ворчать, почему мы вообще называем данные исследования «экспериментальными», если, все же, в действительности большинство исследований психоанализа являются, в лучшем случае, *эмпирическими* – они ведь все-таки почти полностью отказываются от манипуляции независимыми переменными величинами. Чисто формально, наверное, такое возражение в большинстве случаев правильно, даже если оно только семантической природы. Да-

вайте подумаем об астрономах. Разве не говорят они, например, об «эксперименте», когда они во время солнечного затмения наблюдают дифракцию лучей света удаленной неподвижной звезды из-за гравитационного поля Солнца? Но ведь астроном, конечно же, не манипулировал Луной и не размещал ее перед Солнцем! И то же самое справедливо для большей части экспериментальных исследований. Однако с точки зрения популярного изложения те естественнонаучные наблюдения похожи на настоящий эксперимент куда больше, чем простые заметки, которые обычно делал Фрейд и другие психоаналитики после или во время психоаналитического сеанса о своих «наблюдениях». Если мы использовали, тем не менее, выражение «экспериментальный» вместо более правильного «эмпирический» также для психоаналитических исследований, то причиной этого является просто определенное терминологическое удобство, и не более того.

Например, я интерпретирую доказательный материал, который приведен в книге Клайна, исходя из того, что он не дает какого-либо подтверждения какой-то специфически фрейдистской гипотезе. Это, очевидно, совершенно не совпадает с выводами самого Клайна, согласно которым «всякое общее отклонение теорий Фрейда прямо-таки вопиющим образом противоречит имеющимся доказательствам». В ответ на это я хотел бы сделать два замечания. Во-первых, Клайн не пытается найти альтернативные объяснения описываемых им результатов. Но мы уже выше упоминали этот упрек, так что не будем останавливаться на этом еще раз. Зато второй момент, хотя мы также уже о нем говорили, еще требует несколько более подробного рассмотрения. Речь идет о процитированном вердикте Эббингхауса, что, то, что у Фрейда истинно, то не ново, а то, что ново – не истинно. Само собой разумеется, в его учениях есть много правильного, но, все же, было бы ошибочно говорить, что он был в этом оригинален. Как мы увидели в нашей главе о сновидениях, конечно, правда, что сны связаны с вещами, которые играют определенную роль в бодрствующем сознании видящего сон человека, и в то же время, что они выражаются в символической форме. Но нельзя, однако, корректным образом приписывать эти идеи Фрейду, так как они были известны уже за две тысячи лет до него. Также мы видели, что понятие «бессознательного» много веков использовалось многочисленными философами и психологами, так что было бы абсурдом также здесь расхваливать Фрейда как «первооткрывателя бессознательного». Вообще мы должны быть в высшей степени осторожны, когда называем какую-либо теорию или понятие «фрейдовским» или «фрейдистским»; так как если мы рассмотрим историю духа, мы, вероятно, установим, что похожие идеи высказывались многими мыслителями еще до Фрейда. В его заслугу можно зачесть только то, что действительно было новым в его творчестве, однако, как раз это новое, как мы можем повторить с уверенностью, (в большинстве случаев) не истинно.

Как пример смеси из нового и истинного можно было бы взять его представления об «Оно», «Я» и «Сверх-Я» – о тех трех областях («провинциях»), которые он различает в психическом аппарате. Первую – «Оно» – Фрейд описывает следующими словами:

«Наиболее архаичную из психических провинций (инстанций) мы называем сферой *Оно*; содержанием её является всё, что нами унаследовано, присутствует с самого рождения и напрочь укоренено в нашей конституции. А это, прежде всего влечения, берущие своё происхождение в теле и находящие тут для себя проявления в неизвестных для нас формах».[14]

«Оно» повинуется названному так Фрейдом принципу удовольствия, и его психические процессы не подлежат логике и не являются сознательными.

Второй регион психики – «Я» – Фрейд определяет таким образом: «Новая психическая сфера, первоначально известная своей близостью к внешнему миру и предназначенная для восприятия раздражителей, в том числе и для защиты от их чрезмерного проникновения, со временем образует специфическую структуру, посредничающую между Оно и внешним миром. Эта область нашей психической жизни получила название *сфера Я*». (стр. 7)

«Вследствие изначально существующих взаимоотношений между восприятием посредством органов чувств и движением мышц сфера *Я* способна властвовать над произвольными движениями. Задачей *Я* является самоутверждение и реализует оно её, познавая раздражители, поступающие извне, накапливая приобретаемый опыт (память), избегая чрезмерных раздражителей (посредством бегства), идя навстречу умеренным по силе раздражителям (адаптация) и наконец, ради своих целей научаясь изменять внешний мир целесообразным способом (активность). А внутри самой психики сфера *Я* стремится добиться господства над притязаниями влечений, отвечая за то, будут ли они допускаться к удовлетворению непосредственно, или смещаться до подходящего времени и места, делая это посредством учёта открывающихся возможностей во внешнем мире, а то так и полностью подавляться. В своей деятельности *Я* руководствуется существующей в нём (или в него входящей) напряжённостью влечений. В принципе повышение такой напряжённости можно назвать *отвращением* (отсутствием наслаждения), а её снижение ощущается в качестве *наслаждения*. Но скорее всего ощущения наслаждения и отвращения определяются не абсолютной величиной напряжённости раздражителей, а чем-то, связанным с ритмом изменений напряжённости. Сфера *Я* стремится к наслаждениям и избегает отвращения. На предвидимое, ожидаемое повышение отвращения *Я* отвечает *сигналом в форме переживания тревоги*, а провоцирующий её фактор является *опасностью*, неза-

висимо от того, где находится его источник – вовне или внутри. Время от времени *Я* обрывает связи с внешним миром и уединяется в состояние сна, существенно меняя свою структуру».

«Я» в этом смысле является представителем принципа реальности, причем некоторые его действия сознательны, некоторые предсознательны, а другие – бессознательные.

Наконец, в третьей области – «Сверх-Я», Фрейд видит «наследника эдипова комплекса», так как оно прочувствует в душе обучение и наказания родителей и продолжает их функции. «Тонкости взаимоотношений между *Я* и *Сверх-Я* хорошо объясняются стилем взаимоотношений ребёнка со своими родителями. Естественно, что в воздействии родителей сказывается не только их индивидуальность, но и продолжающееся через них влияние традиций семьи, расы, народа, а также разделяемые ими нормы и требования соответствующей социальной среды. А в ходе индивидуального развития сфера *Сверх-Я* дополнительно вбирает в себя воздействие со стороны персон, продолжающих и замещающих родителей, например, воспитателей, звёзд, идеалов, превозносимых обществом. Можно заметить, что при всём своём фундаментальном различии сферы *Оно* и *Сверх-Я* имеют ту схожесть, что они репрезентируют воздействие прошлого: *Оно* – биологически унаследованного, а *Сверх-Я* – позаимствованного от значимых людей, в то время как *Я* определяется, главным образом, тем, что пережито самим индивидом, то есть случайным и актуальным».

«Сверх-Я» следит за «Я», дает ему указания, исправляет и грозит ему наказанием, так же, как родители, место которых оно заняло. Представление о «Сверх-Я» очень похоже на понятие совести в христианском мышлении. Соответствующим образом у Фрейда сказано:

«В результате длительного периода детства, когда подрастающий человек находится в зависимости от своих родителей, в сфере Я формируется особая инстанция, которая продолжает оказывать воздействия, схожие с их влиянием. Она получила название *Сверх-Я*. Поскольку Сверх-Я обособилось от Я и противопоставляет себя ему, эта инстанция является третьей властью, с которой Я вынуждено считаться». (стр. 8)

Несомненно, на «Я» лежит трудная задача, так как оно должно удовлетворять как инстинктивным претензиям «Оно», так и моральным ограничениям «Сверх-Я». Эта общая теория Фрейда встретила большое одобрение, и это, пожалуй, не в последнюю очередь потому, что она согласуется со здравым смыслом. Но в то же время она соответствует психологическому мышлению времен Платона. И в

действительности этот философ и государственный деятель предвосхитил схему Фрейда в своей знаменитой притче о двух конях, которые запряжены в колесницу, и возничем, который пытается держать их в узде. Потому что, как легко можно увидеть, возничий колесницы символизирует у Платона «Я»; плохой, своевольный и неудержимый конь – «Оно»; а благородный, добрый и послушный конь – «Сверх-Я».

Оба – Платон и Фрейд – используют басню как искусный прием, чтобы проиллюстрировать чрезвычайно разумную и общеизвестную характерную черту человеческого поведения. Я уже указывал на то, что человек – это биосоциальное существо, в котором наша биологическая природа требует удовлетворения таких инстинктивных потребностей как еда, питье, секс и так далее, в то время как наши действия одновременно подчиняются определенным социальным требованиям, которые вошли в нормы и законы, и передаются родителями, учителями и другими «посредниками» молодому поколению. Субъект, которого ведут или управляют эти оба вида импульсов, должен заключать компромиссы между ними. Все это правильно, и в том отношении, что это правильно, это, кажется, подтверждает истинность теории Фрейда. Все же, тут можно было бы возразить, что в этом нет ничего нового. Тогда как, с другой стороны, специфически фрейдовские идеи, как например, то, что «Сверх-Я» является наследником эдипова комплекса, не только невероятны, но и абсолютно не доказаны. Гораздо вероятнее, что выработка условных рефлексов по Павлову («кондиционирование») передает требования внешнего мира (от родителей, учителей, ровесников, полицейских, священников), а именно посредством вознаграждения и наказания, это значит – путем выработки кондиционированных (выработанных условных) реакций. Также эта альтернативная теория нигде не принимается во внимание в психоаналитической литературе, хотя она разрабатывалась в психологической лаборатории, и – как я пытался показать в моей книге о «Преступности и личности»[15] – многие данные говорят в ее пользу.

У Фрейда была способность к языкам и завидный талант рассказчика и литератора, и использованные им выражения – как например, «принцип удовольствия» или «принцип реальности» – делают так, что его версия того древнего образа мыслей кажется блистательной и новой, так что неудивительно, что она выглядит привлекательной для непосвященных. Но когда мы начинаем интересоваться вопросом оригинальности, новшества его учения, то у нас уже скоро начинают возникать сильные сомнения; ибо – как уже говорилось – его общее представление, вероятно, правильно, все же, то, что в этом представлении является собственно фрейдовским, почти с уверенностью ошибочно. И это справедливо – заметьте – не только в отдельном случае, но и для всего его творчества.

Большинство эмпирических работ о гипотезах Фрейда, в особенности о возникновении сновидений и их толковании, а также о психопатологии обыденной жизни, мы не сможем здесь рассмотреть, тем более что мы уже рассказывали об этом в отдельной главе. Как помните, мы там пришли к тем же самым выводам, что и здесь. Вероятно, нам следовало бы закончить эту главу цитатой Томаса Генри Гексли, который однажды пожаловался:

«Великая трагедия науки – уродливый факт способен погубить прекрасную гипотезу».

Заслуживает ли теория Фрейда того, чтобы ее называли «прекрасной», вполне можно подвергнуть сомнению. Но с уверенностью можно сказать, что он пытался спасти эту теорию от способных погубить ее безобразных фактов, облекая ее в такую форму, которая делает в высшей степени трудным проведение экспериментов, которые помогли бы определить ее истинность или ложность. Вследствие этого также спустя более восьмидесяти лет после публикации теорий Фрейда все еще нет никаких указаний на то, что их можно подкрепить соответствующими экспериментальными доказательствами, так же, как их нельзя подтвердить клиническими исследованиями, статистическими исследованиями или наблюдениями всякого рода. Это еще не доказывает, что эти теории ошибочны; так как, естественно, доказать ошибочность теории так же тяжело, как и доказать ее правильность. Все же, мы должны, как минимум, сомневаться в ее доказуемости – не говоря уже о ее значительности. Во всяком случае, к психоаналитикам в полной мере относится то, что однажды сказал другой великий ученый, а именно Майкл Фарадей: «Они судят чисто теоретически, без экспериментального доказательства, и результатом являются ошибки».

Эти слова с полным основанием можно было бы выбить в качестве надписи на надгробном камне психоанализа как научного учения.

----

[1] S. Freud – *Postkarte an Mr. Saul Rosenzeig*, Cambridge, Mass., USA (Fotokopie).

[2] P. Kline (1972/1981) *Fact and Fantasy in Freudian Theory,* London: Methuen.

[3] S. Freud (1940a) *Abriß der Psychoanalyse*, G. W. XVII; Fischer Taschenbuch Nr. 47, стр. 15.

[4] S. Freud (1908b) *Charakter und Analerotik*, GW VII, стр. 209; Studienausgabe VII, стр. 30.

[5] F. Goldmann-Eisler (1951/dt.: 1979) «Das Problem der «Oralität» und deren Ursprung in der frühen Kindheit», in: Eysenck/Wilson *Experimentelle Studien.. .,* указ. соч., стр. 57ff. (оттуда также последующие выдержки).

[6] P. Kline (1972) *Fact and Fantasy in Freudian Theory,* указ. соч., стр. 93 (цитируется по Goldmann-Eisler, указ. соч., стр. 85)

[7] P. Kline (1968/dt. 1979) «Zwanghafte Eigenschaften, Zwangssymptome und Analerotik», in: Eysenck/Wilson(1979), указ. соч., стр. 114f. u. (немного иначе) 124.

[8] S. Freud (1915d) *Die Verdrängung,* G.W. X; Studienausgabe III, стр. 108.

[9] L. J. Yarrow (1954/dt. 1979), in: Eysenck/Wilson (1979) *Experimentelle Studien...,* указ. соч., стр. 35ff.

[10] M. Stein & P. Ottenberg (1958/dt. 1979) «Die Rolle der Gerüche bei Asthma», in: Eysenck/Wilson (1979) *Experimentelle Studien...,* указ. соч., стр. 291 ff.

[11] H. M. Wolowitz/S. Wagonfeld (1968/dt. 1979) «Nahrungsvorlieben bei peptischen Ulkus-Patienten: Eine experimentelle Untersuchung der psychoanalytischen Hypothese Alexanders», in: Eysenck/Wilson (1979) *Experimentelle Studien...,* указ. соч., стр. 306ff.

[12] S. Freud (1905e) *«Bruchstück einer Hysterie- Analyse»,* G.W. V; Studienausgabe VI, стр. 169.

[13] Y. Eylon (1967/dt. 1979) «Geburtsereignisse, Blinddarmentzündung und Blinddarmentfernung», in: Eysenck/Wilson (1979) *Experimentelle Studien...,* указ. соч., стр. 320ff.

[14] S. Freud (1940a) *Abriß der Psychoanalyse,* G.W. XVII; Fischer Taschenbuch 47, стр. 7 (оттуда также две последующие цитаты).

[15] H.J. Eysenck (1964) *Crime and Personality,* London: Paladin (2. revid. Ed. 1970).

СЕДЬМАЯ ГЛАВА

Психоболтовня и псевдоистория

«Нужно очень много истории, чтобы из этого получилось немного литературы».

Генри Джеймс

Фрейд переносил так называемое «постижение» (озарение, внезапное осознание, «инсайт») своей теории на многие области, о которых раньше вообще никто не думал, что они как-то связаны с психиатрией, например, на объяснение шуток и юмора, на причины войн, на антропологию и, не в последнюю очередь, на анализ исторических личностей и событий.

Это поле слишком широко, чтобы мы могли обсудить здесь многочисленные разнообразные возможности применения психоанализа, и поэтому нам хотелось бы сконцентрироваться лишь на известном под именем «психоистория» (псевдобиографическом) методе исследования, а также на психоаналитическом направлении (культурной) антропологии. Оба они исходят, как известно, из представления, что мы можем получить представление о жизни исторических личностей, как и целых народов, применив психоаналитические принципы заявления по смыслу (посредством аналогии) к специфически историческим или антропологическим проблемам. То, как это делалось и делается в случае психоистории, было очень хорошо показано Дэвидом Э. Стэннардом в книге о «сжимающейся истории» в отношении «Фрейда и провала психоистории».[1] Эта книга – почти обязательное чтение для всех, кто интересуется этой темой. Что касается, напротив, распространения психоаналитического понимания на антропологические проблемы, то Эдвин Р. Уоллес в своей работе о «Фрейде и антропологии» представил «историю и новую оценку»,[2] весьма подробно рассмотрев всю эту сферу, из-за чего мы здесь тоже удовлетворимся лишь коротким обзором.

Давайте сначала спросим себя, в чем, соответственно, состоят особенности истории или историографии, с одной стороны, и (культурной) антропологии, с другой. Как заметил Клод Леви-Стросс в 1958 году, основное различие между обеими дисциплинами лежит в их «выборе дополнительных перспектив»: история классифицирует свои данные с учетом сознательных проявлений общественной жизни, в то время как антропология направлена на исследование их бессознательных оснований.

Еще в том же году профессор Уильям Л. Лангер, президент Американской исторической ассоциации, попытался снова сгладить это различие, призвав – полностью в духе Фрейда – членов своей профессиональной организации, чтобы они исследовали и анализировали бессознательные основания социальной жизни прошедших времен.

(Любопытно, что младшим братом Уильяма Лангера был психоаналитик Уолтер Лангер, автор известного исследования «Мышление Адольфа Гитлера» – прим. перев.)

Многие его коллеги последовали зову сирен, причем некоторые из них даже высказали требование к введению индивидуальному психоанализу как части специального обучения начинающих историков. Сейчас существует два специальных журнала о «психоистории» (Psychohistory)[3], и нужно сказать, что толпа приверженцев этого движения все больше увеличивается. Разумеется, возникает вопрос, есть ли у этого движения вообще хоть какое-то значение.

Стэннард иронически предваряет свой труд цитатой из *«Генриха IV»* Шекспира, где *Глендаур* говорит: «Я духов вызывать могу из бездны», и *Хотспер* только отвечает: «И я могу, и каждый это может, вопрос лишь, явятся ль они на зов».

Также и здесь как раз в этом-то и вопрос.

Для исследователя этого поля открыты два пути. Он может бросить беглый взгляд на как можно больше разных случаев или же рассмотреть один определенный случай с самой возможной точностью. По одним лишь причинам экономии места я предпочел последнее и при этом выбрал в качестве примера «биографическую» статью Фрейда о «Леонардо да Винчи» 1910 года, которая считается первым настоящим психоисторическим анализом.[4]

Но сначала послушаем комментарий Стэннарда:

«В пределах своих узких рамок это произведение содержит некоторые из самых блестящих примеров того, что делает лучшую психоисторию настолько интересной: озарение, эрудиция, чувствительность и, прежде всего, фантазия. Кроме того, в этой работе можно найти некоторые из наиболее ясных иллюстраций ожидаемых при такой работе ловушек: она поразительным образом не считается с самыми элементарными правилами [can(n)ons (?), «канонами»] приведения доказательств, логики и, прежде всего, со сдерживанием фантазии».[5]

Фрейд в начале своей попытки отмечает, что Леонардо обнаруживает определенные черты характера, которые могли бы дать ключ к его художественному гению. Первую из этих особенностей, якобы «женственную нежность чувствований» (стр. 96), Фрейд связывает с неприятием Леонардо «мясного питания», а также с его привычкой покупать на рынке птиц, запертых в клетках, только для того, чтобы затем выпускать их. В то же самое время, Леонардо должен был быть способен – согласно описанию Фрейда – также к жестокому и бесчувственному поведению, так как он мог «сопровождать приговоренных преступников на их пути к месту казни, чтобы изучать их искаженные страхом лица и зарисовывать в своей карманной книжке» (стр. 97), и, впрочем, придумывать «самое жестокое оружие нападения», и даже принимать участие в походе Чезаре Борджиа. (стр. 96)

Кроме того, Фрейд упоминает «спокойное дружелюбие» Леонардо да Винчи, а также то, что «он избегал всякой неприязни и ссор» (стр. 96), его часто остававшиеся незаконченными произведения и его исключительно медленный метод работы. Между тем основной интерес Фрейда – как можно вообразить – относится к очевидной половой холодности, «целомудрию [!] Леонардо», в соче-

тании со «строгим половым воздержанием», хладнокровным отклонением секса, и «чахнувшей» половой жизнью (стр. 97), которая была якобы связана с «ненасытной и неутомимой жаждой познания» (стр. 102/107). Для Фрейда эта комбинация основных черт характера согласуется с его теорией психосексуального развития, ведь он может приписать их (защитному механизму) сублимации:

«Когда период детского сексуального исследования разом обрывается энергичным вытеснением, остаются для дальнейшей судьбы любознательности, вследствие ее ранней связи с сексуальными интересами, три различные возможности». (стр. 106)

Первые две из них являются, с одной стороны, барьером для «исследовательского инстинкта», с другой, возвращением его в форме «навязчивого анализирования». В случае с Леонардо Фрейд не находит ни «умственной задержки, ни невротического навязчивого влечения к мышлению»; скорее он видит здесь реализованной третью возможность, при которой

«Сексуальное вытеснение и здесь тоже наступает, но ему не удается подавить часть сексуального наслаждения в бессознательное, напротив, либидо избегает вытеснения, сублимируясь с самого начала в любознательность и усиливая стремление к исследованию. И в этом случае исследование тоже превращается в известной степени в страсть и заменяет собой половую деятельность, но вследствие полного различия лежащих в основе психических процессов (сублимирование вместо прерывания из бессознательного) не получается характера невроза, выпадает связь с первоначальным детским сексуальным исследованием, и страсть может свободно служить интеллектуальным интересам». (стр. 106/107)

В этом месте можно было бы подумать, что Фрейд натолкнулся на непреодолимую границу; потому что для возвращения к инфантильному развитию сексуального инстинкта нужно – как он сам так часто подчеркивает – опираться на сны и другой психический материал, к которому анализанд может предоставить свободные ассоциации, чтобы таким путем оживить, возродить ранние фазы развития. Однако Фрейд не только не мог лично пообщаться с Леонардо да Винчи для этого, но также практически не существует свидетельств о его реальном детстве. Все, что мы знаем, состоит в том, что Леонардо родился в 1452 году как незаконный ребенок нотариуса синьора Пьеро да Винчи у некоей «Катарины, вероятно, крестьянской девушки, которая позже была в браке с другим жителем Винчи» (стр. 107). Фрейд должен был как будто обжигать кирпичи без глины – как только ему удалось довести это дело до конца?

А удается ему это типичным для него шагом в сторону. А именно в работах Леонардо о птичьем полете, который привлек его исследовательский интерес, содержится странный пассаж, который Фрейд цитирует в следующем дословном тексте из перевода [Герцфельда]:

«Кажется, что уже заранее мне было предназначено так основательно заниматься коршуном, потому что мне приходит в голову как будто очень раннее воспоминание, что, когда я лежал еще в колыбели, прилетел ко мне коршун, открыл мне своим хвостом рот и много раз толкнулся хвостом в мои губы». (стр. 109)

Исходя из этого воспоминания, Фрейд пытается с помощью «психоаналитической техники» заполнить пробел в истории детства Леонардо посредством «анализа его детских фантазий». При этом он интерпретирует (стр. 112) хвост коршуна как «заменяющее название» пениса и объясняет всю сцену как «представление Fellatio», т.е. «пассивного» гомосексуального переживания. (стр. 112)

Тем не менее, он в то же время предлагает видеть эту фантазию в другом, менее предосудительном свете:

«Влечение брать в рот мужской орган и его сосать, которое причисляется в гражданском обществе к отвратительнейшим извращениям, встречается все же часто у женщин нашего времени и, как доказывают старинные картины, также у женщин старого времени, и, видимо, в состоянии влюбленности притупляется его отталкивающий характер. Врач встречает фантазии, основанные на этой склонности также и у женщин, которые не познакомились с возможностью такого полового удовлетворения, читая сексуальную психопатологию Крафт-Эбинга, или посредством других источников. Видимо, женщинам доступно создавать непроизвольно такие желания-фантазии. Потому что, проверяя, мы видим также, что эти так тяжко преследуемые обычаями действия допускают самое безобидное объяснение. Они не что иное, как переработка другой ситуации, в которой мы все когда-то чувствовали себя отлично, когда в грудном возрасте брали в рот сосок матери или кормилицы, чтобы его сосать». (стр. 113)

Затем Фрейд пытается анализировать причины, из-за чего в этой фантазии появляется коршун, причем он размышляет, среди прочего, следующим образом: «В священных иероглифах древних египтян мать в самом деле пишется посредством изображения коршуна. Эти египтяне почитали также божество материнства, которое изображалось с головой коршуна или со многими головами, из

которых, по крайней мере, одна была головой коршуна. Имя этой богини было Мут; случайное ли это созвучие со словом «Mutter» (мать)?». (стр. 114)

Фрейд называет еще несколько следующих возможных источников, в том числе веру древних египтян, будто бы коршуны бывают лишь женского пола и что они якобы оплодотворяются ветром; также, что

«... басня об однополости и зачатии коршунов ни в коем случае не осталась безразличным анекдотом, как аналогичная о скарабеях; служители церкви опирались на нее, чтобы иметь естественно-исторический аргумент против сомневающихся в священной истории. [т.е. в рождении Иисуса Христа от девственницы]». (стр. 116)

Он заканчивает предположением, что значение фантазии о коршуне для Леонардо состояло в том, что

«...он ведь тоже был таким детенышем коршуна, имевшим мать, но не имевшим отца, и, что часто бывает в столь давних воспоминаниях, к этому присоединился отзвук наслаждения, полученного им у материнской груди. Намеки авторов на дорогой для каждого художника образ Святой Девы с Младенцем должны были способствовать тому, что эта фантазия показалась ему драгоценной и значительной. Ведь таким образом он приходил к отождествлению себя с младенцем Христом, утешителем и спасителем не одной только женщины». (стр. 116)

Это представление объясняло также недостаток информации о детстве Леонардо, так как

«...замена матери коршуном указывает на то, что ребенок чувствовал отсутствие отца и жил только с матерью. Факт незаконного рождения Леонардо соответствует его фантазии о коршуне, только поэтому мог он сравнить себя с детенышем коршуна». (стр. 166 и далее). Фрейд также не смущается даже там, где у него вообще отсутствуют какие-либо исторические данные, и уверенно пишет:

«Но тут выступает толкование фантазии о коршуне и показывает нам, что Леонардо критические первые годы своей жизни провел не у отца и мачехи, а у бедной, покинутой, настоящей своей матери, так что он имел время заметить отсутствие отца». (стр. 117)

Эти дикие спекуляции принимаются в дальнейшем как факты, тем более что Фрейд убежден в том, что те ранние годы у его кровной матери должны были

иметь для Леонардо «выдающееся влияние на склад его внутренней жизни». Впрочем, он полагает (стр. 117), что Леонардо мог не только сожалеть об отсутствии отца, а «с особой горячностью стал ломать голову над этой загадкой и таким образом рано сделался исследователем, потому что великие вопросы мучили его, откуда являются дети и какое отношение имеет отец к их появлению». (стр. 118).

В глазах Фрейда именно под воздействием этого стечения обстоятельств не могло не случиться так, что Леонардо «так рано сделался исследователем». (стр. 117 и далее).

Далее Фрейд пытается объяснить предполагаемую гомосексуальность Леонардо в духе своей теории инфантильного сексуального развития. Он начинает с клинического наблюдения, что у гомосексуалистов «в раннем, впоследствии индивидуумом позабытом детстве было очень интенсивное эротическое влечение к лицу женского пола, обыкновенно к матери, вызванное или находившее себе поощрение в слишком сильной нежности самой матери и далее подкрепленное отступлением на задний план отца в жизни ребенка». (стр. 124) Потому что: «Это выглядит почти так, как будто присутствие сильного отца гарантирует сыну правильное решение для выбора объекта в противоположном поле». (стр. 125)

Итак, в то время как, с одной стороны, присутствие реальной отцовской фигуры было бы в состоянии предотвратить развитие гомосексуальных привязанностей, Фрейд из «факта», что Леонардо воспитывался только матерью в одиночку, делает вывод о более или менее неизбежном возникновении симпатий к собственному полу.

Но, очевидно, есть только очень немного настоящих «улик» в пользу версии о гомосексуализме Леонардо. Хотя когда ему было 24 года, и «он жил еще учеником в доме своего учителя Веррокьо, на него и других юношей поступил донос по поводу запрещенного гомосексуального сожития. Расследование окончилось оправданием». (стр. 98 и далее).

Затем Фрейд пишет:

«Кажется, он навлек на себя подозрение тем, что пользовался как моделью имевшим дурную славу мальчиком. Когда он стал мастером, он окружил себя красивыми мальчиками и юношами, которых он брал в ученики». (стр. 99 и далее).

Фрейд повторяет последнее предложение и в другом месте, и еще добавляет: «Он был к ним добр и снисходителен, заботился о них, сам ухаживал за ними, когда они были больны, как мать ухаживает за своими детьми и как его собственная мать могла бы ухаживать за ним». (стр. 127)

Кроме того, в его дневнике были найдены определенные записи о выдаче небольших денежных сумм его ученикам, причем Фрейд дает понять, что «...не поведение Леонардо, но тот факт, что он оставил нам эти свидетельства, требует разъяснения». (стр. 129)

И затем среди оставшихся после смерти Леонардо документов был найден еще счет «на расходы после смерти на похороны Катарины». (стр. 129) Хотя не существует никаких более подробных сведений о личности этой женщины, Фрейд [по примеру Дмитрия Мережковского] исходит из того, что речь в данном случае могла идти только о матери Леонардо. Всю эту довольно извилистую и путаную аргументацию Фрейда, которая является самой настоящей бурдой из фактов и предположений, Стэннард резюмирует следующими словами:

«Если поставить этот счет о расходах на похороны рядом с дневниковыми записями о деньгах, выделявшихся им для его учеников, то он расскажет нам драматическую и до сих пор неизвестную историю. Вопреки всей смущенности и стеснительности, вытесненные чувства Леонардо эротического притяжения, которое вызывали в нем его мать и его ученики, приобретают в сознательном выражении характер «невроза навязчивых состояний», который становится заметным в его навязчивом желании записывать расходы на них с педантичной обстоятельностью. Теперь скрытая жизнь художника становится яснее, потому что в свете всех этих многочисленных накопивших свидетельств его бессознательная душа как раз и позволяет нам увидеть то, что никогда не могла бы сказать его сознательная душа: «Из-за этого эротического отношения с матерью я стал гомосексуалистом».[6]

На то, в какой мере Фрейд еще смог использовать эту интерпретацию для понимания искусства Леонардо, указывает, наконец, следующая цитата: «Если психоанализ и не объясняет нам причины художественности Леонардо, то он все же делает для нас понятным проявления и изъяны его таланта. Думается все-таки, что только человек, переживший детство Леонардо, мог написать «Мону Лизу» и «Святую Анну», обречь свои произведения на столь печальную участь и так неудержимо прогрессировать в области знания, как будто ключ ко всем его созданиям и неудачам скрывается в детской фантазии о коршуне». (стр. 158)

Фантазия как таковая казалась Фрейду состоящей «из воспоминания о сосании и поцелуях матери» (стр. 132), что он переводил таким образом: «мать запечатлела на моих губах бесчисленное количество страстных поцелуев». (стр. 132)

Вооруженный таким (предварительным) пониманием Фрейд пытается интерпретировать один из самых заметных признаков живописи Леонардо, а именно

«...удивительную, обольстительную и загадочную улыбку, которой он заворожил уста своих женских образов». (стр. 132)

Это была – согласно Фрейду – та «блаженно-восторженная улыбка», которая будила в Леонардо «что-то, уже издавна дремавшее в его душе, вероятно, старое воспоминание», воспоминание о его матери и об улыбке, «которая некогда играла на губах ласкавшей его матери». Но он «давно был под властью задержки, не позволявшей ему желать еще когда-нибудь таких нежностей от женских уст. Но теперь он был художник и поэтому постарался кистью вновь создать эту улыбку; он придавал ее всем своим картинам». (стр. 140 и далее).

Вот и все наше короткое и, разумеется, несколько искаженное сообщение о теории Фрейда, которая уже при первом чтении кажется достаточно спекулятивной, так как она основана только на очень немногих фактах. Конечно, здесь есть несколько на первый взгляд убедительных совпадений, все же – как подтверждает Стэннард в своем обзоре – они исчезают, как только вы начинаете добросовестно проверять доказательства.

Ведь весь анализ основывается исключительно на «фантазии о коршуне», и нигде чрезвычайная способность Фрейда придумывать вокруг крохотной детали длинные и подробные истории не видна более отчетливо, чем в его «обработке» как раз этого эпизода. К несчастью, однако, никакой реминисценции о коршуне нет. Так как единственный раз, когда Леонардо действительно говорит о коршунах, – это заметка об их прожорливости:

«Коршун так сильно предается прожорливости, что он пролетает тысячу миль, чтобы питаться падалью, и это также причина того, почему он следует за армиями».

К этому комментарий Стэннарда:

«И вот эта констатация – я думаю, что могу так сказать – определенно не является каким-то большим обоснованием для тезиса Фрейда, что Леонардо неосо-

знанно ассоциировал образ коршуна со своей любимой матерью, вследствие этого осознал, «что он ведь тоже был таким детенышем коршуна», и в дальнейшем пришел к «отождествлению себя с младенцем Христом». (указ. соч.; цитаты Фрейда по StA X, стр. 116)

Наоборот, вышеупомянутое замечание указывает на то, что Леонардо видел в коршуне совершенно другой образ, чем тот (символ) девственной Богоматери отцов церкви – картина, о которой Фрейд думал, что «и едва ли можно сомневаться, что благодаря такому могущественному покровительству она стала известна и Леонардо». (стр. 116)

Однако на самом деле Фрейд ссылался на другое место, которое содержится среди различных записей Леонардо о птичьем полете – на обратной стороне листа – и который действительно описывает воспоминание о детских впечатлениях; только это воспоминание относится не к *коршуну (Geier)*, а к *Milan (коршун)* – сравнительно небольшой похожей на сокола птице! «Коршун» – это лишь просто ошибочный перевод правильного слова «Milan» (nib[b]io в оригинале), и таким образом все спекуляции Фрейда основывались просто на недоразумении [в процитированном переводе (ср. стр. 109)] места в итальянском тексте. Однако это значит, что все богатые намеки на коршуна в египетских иероглифах и в теологических спекуляциях отцов церкви полностью несущественны для фантазии Леонардо. Но послушаем, что он сам говорил о правильной птице, на этот раз под заглавным словом «Зависть»:

«О Milan (коршуне) говорят, что он, видя в гнезде своих ставших слишком жирными детей, от зависти клюет их в бок и оставляет их (отныне) без корма».

(В немецком тексте Айзенка использованы слова «Geier» и «Milan», которые оба обозначают коршуна, однако первое слово может обозначать и другую хищную птицу – грифа. В английском варианте, соответственно, должны были бы использоваться слова «vulture» и «kite», а по-итальянски «avvoltoio» и «nibbio». Понятно, что, когда Леонардо да Винчи пишет о птице, пролетающей тысячу миль в поисках падали, он имеет в виду грифа (avvoltoio), а не коршуна. В русском переводе данной работы Фрейда всюду было использовано слово «коршун». – прим. перев.)

Этого едва ли было бы достаточно, чтобы подкрепить интерпретации Фрейда. Приверженцы Фрейда сознавали эту решающую ошибку, однако, пытались в дискуссиях заболтать ее. Джеймс Стрейчи, который опубликовал английское «стандартное издание» собрания сочинений Фрейда, говорил в письме Эрнесту Джонсу «о неприятной вещи», все же, в другом месте он легко отмахивается от

этой ошибки со словами, что это, мол, было только одно «отдельное доказательство» для «психологического анализа фантазии», причем он заверяет, что основная часть «исследования Фрейда в основных чертах не обесценивается этой ошибкой идентификации».[7] Также у других, как, например, у Эрнеста Джонса, эта ошибка банализируется как «несущественная часть доказательств Фрейда».[8] И Курт Айслер (Эйслер) утверждает, что возникшая проблема, мол, ни в коем случае не повлияла в отрицательном смысле на сделанный Фрейдом вывод как таковой, а только на специфическую предпосылку, на которой основывалось это его заключение. Так как интерпретация Фрейда, собственно, не относилась специально к виду птицы, то можно ожидать, что она правильна. На что Стэннард выдвигает встречный аргумент, что такие слова заслуживают того, чтобы их тщательно перечитывали. Так как:

«Это усердные, но неверно направленные попытки спасения. Скажем ясно: Фрейд построил самую большую часть своего анализа в форме перевернутой пирамиды, причем все это сооружение балансировало на замковом камне одного единственного сомнительного факта вместе с его интерпретацией. И если тот факт однажды оказался неправильным, и поэтому он больше не может служить опорой, то все здание начинает рушиться. И самая большая риторическая болтовня и дымовая завеса не могут скрыть этот процесс естественного разрушения».

Но Стэннард и сам прикладывает руку к тому, чтобы полностью снести «все здание». Так он указывает на то, что у нас после исключения фантазии о коршуне больше нет причины для предположения, будто бы Леонардо в детстве был огорчен мнимым отсутствием своего отца – представление, которое было основано только на специфической символике коршуна. Также здесь – при реконструкции истории детства Леонардо – Фрейд полностью опирался на свой анализ фантазии о коршуне. Теперь ее отклонение означает, что больше вообще нет причины думать, будто бы Леонардо провел те свои ранние годы действительно только со своей матерью, и на самом деле более новые свидетельства позволяют предположить, что Леонардо с рождения принадлежал к дому своего отца. Далее Стэннард еще обсуждает вопрос о гомосексуализме Леонардо, причем он очень точно указывает, что мнимое «доказательство», которое приводит Фрейд, в действительности абсолютно бесполезно. Он приходит к выводу:

«...после того, как мы исключили те представления Фрейда, которые несостоятельны, просто ошибочны или несущественны, нам остается констатировать только следующее: Леонардо не оставлял никаких свидетельств о своих сексуальных действиях; он делал заметки о маленьких выплатах, из которых не-

сколько касались его учеников; кроме того, он был очень любознателен. И на этом все».

А как обстоят дела с распространением Фрейдом своего анализа на художественное творчество Леонардо? Решающим для его соответствующей гипотезы было предположение, что знаменитая улыбка *Моны Лизы* появилась впервые как раз на этой картине, и только потом ее можно было увидеть на последующих произведениях художника; так как изображенная на картине женщина должна была вызвать – по Фрейду – в Леонардо «старое воспоминание» – а именно об улыбке его матери – которое «долгое время дремало в его душе» (стр. 135). Но как достаточно убедительно доказывает Стэннард в своем захватывающем анализе исторических свидетельств, все-таки существует – хотя и крохотное – настоящее доказательство, согласно которому интерпретация Фрейда просто *должна быть ошибочной.* Речь идет о том факте, что существовал пробный эскиз *портрета Анны втроем*, который датируется несколькими годами раньше портрета *Моны Лизы*! И на этом эскизе лица *Святой Анны* и *Девы Марии* обладают точно такой же улыбкой, как на написанной позже картине, о которой Фрейд ошибочно предположил, что она *следовала* за вдохновением, вызванным работой над *Моной Лизой.* Итог таков: «...простой хронологии достаточно, чтобы показать, что тезис Фрейда ошибочен».

Таким образом, книга Фрейда *«Леонардо да Винчи. Детское воспоминание»* ярко иллюстрирует четыре большие проблемы, с которыми психоистория тщетно пытается справиться. По словам Стэннарда, это проблемы факта, логики, теории и культуры (problems of fact, logic, theory, culture). Данный автор обсуждает эти критические комплексы вопросов, опираясь на ряд работ, которые были опубликованы приверженцами Фрейдом; некоторые из них будут процитированы ниже.

Проблемы факта (или также проблемы фактов) образуют, пожалуй, самый очевидный класс, так как они связаны с тем, что многие считают основной задачей историков: узнавать, что происходило в прошлом на самом деле. Однако психоаналитики, которые работают в области психоистории (или «биографики» – как называет ее Фрейд), обычно сначала на основе спекуляций и интерпретаций предполагают, что могло бы произойти, чтобы затем продолжать так, как если бы то, что они сами выдумали, также действительно *произошло.* «Реконструкция» Фрейдом детства Леонардо – особенно хороший пример. Весь его анализ базируется – как мы видели – на ошибочной интерпретации несуществующих фактов (что следует уже только из одного того, что его предпосылки были опровергнуты современной наукой).

Другой пример – это произведение Эрика Хомбургера Эриксона, который вообще считается виднейшим светилом среди психоисториков. В своей книге о «Молодом человеке Лютере»[9] он выхватывает одно отдельное ключевое событие из жизни религиозного реформатора (как Фрейд ссылался исключительно на одну так называемую «фантазию о коршуне» гениального художника). Если следовать за изложением Эриксона, то Лютер однажды, когда ему было «где-то лет двадцать или двадцать пять» «на хорах Эрфуртского монастыря... внезапно бросился на землю... и голосом быка прорычал: «Ich bin's nit! Ich bin's nit!» («Это не я! Это не я!») или «Non sum! Non sum!»». (стр. 24).

«Причиной», однако, – в этом якобы сошлись все рассказчики – была «история об излечении Христом (глухонемого) одержимого». Этот инцидент Эриксон теперь объясняет в смысле «...детского протеста человека, которого характеризовали презрительными эпитетами: немой, глухой, одержимый». Кроме того, (стр. 24) Эриксон заметил:

«Было бы интересно узнать, кричал ли Мартин в тот момент на латыни или на немецком языке...» (стр. 24)

На это Стэннард дает свой сухой комментарий:

«На самом деле еще интереснее было бы узнать, кричал ли он вообще. Ведь если рассмотреть качество имеющихся свидетельств, то вероятно, что он не делал этого. Сообщение об этом «приступе на хорах» – это не больше, чем пустые толки, прошедшие через несколько этапов распространения слухов и распространявшиеся исключительно открытыми врагами Лютера. То, что Эриксон снова вспоминает этот инцидент и уже в первой аналитической главе своей книги превращает его в ключевое событие, – как заметил один теолог – это в точности то же самое, как если бы кто-то захотел всерьез цитировать и подробно обсуждать сообщения о Фрейде, единственным источником которых был ряд национал-социалистических антисемитов».

Психоаналитическое описание Эриксоном детства Лютера исходит из того, что мальчик, мол, страдал от злого и тиранического отца, ибо только так можно было бы понять «его представления о мстящем боге...» (стр. 30) как проекцию его земного отца. Но о детстве Лютера практически нет никаких надежных сведений, из-за чего образ Лютера у Эриксона по сути оказывается высосанным из пальца, тем более, что в основе описания лежат два ошибочно интерпретируемых источника, которые утверждают, что Лютера однажды ударила его мать, и однажды его отец! Тем не менее, те же самые места указывают на то, что мать относилась к нему хорошо, и что отец позже старался вновь обрести любовь

мальчика. К сожалению, эти сообщения тоже очень сомнительны, так как они исходят от его студентов – а именно из того времени, когда Лютеру было уже пятьдесят лет. Они существуют в различных версиях, и он сам никогда не видел их. Кроме того, Стэннард замечает, что

«...этим скудным и анекдотическим свидетельствам противостоит относительное богатство материала, согласно которому в доме родителей Лютера во время детства Мартина царила очень большая любовь и уважение. И как раз это множество явно противоречивых свидетельств привела даже самых непредвзятых знатоков Лютера... к тому, чтобы упрекнуть Эриксона в «насильственных искажениях и массе преувеличений и беспочвенных спекуляций». В обоих случаях его критики вовсе не были настроены недружелюбно по отношению к самой идее психоистории, но они придерживались мнения, что «пирамида предположений» недостаточна для такой затеи и что – (как выразился один из них) – сначала следовало бы «расставить факты по порядку».

Указанную проблему мы встречаем, естественно, во всех областях, в которых работал Фрейд; факты как таковые нигде не устанавливаются, а всегда укутываются спекуляциями, интерпретациями, предположениями и другим ненадежным материалом.

Способ, которым Фрейд и его приверженцы приходили к своим «достоверным» заключениям, Стэннард рассматривает под рубрикой *проблем логики.* Как он отмечает, аналитики совершают ошибку, известную в традиционной логике как *post hoc ergo propter hoc*, т.е. предполагают, что причиной события *b* было событие *a*, просто потому, когда или если событие *b* следует за событием *a*. (Можно напомнить о том, что точно та же самая логическая ошибка всплыла при нашем обсуждении терапевтических «успехов Фрейда»!) И хотя исторические произведения вообще весьма легко становятся жертвой указанного ложного вывода, но Фрейд расширил его до настоящей художественной формы. А именно: в психоаналитических трудах событие *a* вообще не обязательно должно существовать; если происходит событие *b*, то можно точно предполагать, что и *a* должно было произойти – в конце концов, психоанализ ведь постулирует, что *b* является следствием *a*! Другими словами, теория Фрейда рассматривается как абсолютная константа (почти так же, как скорость света в физике!). И она считается надежным путеводителем для «обратного» приведения доказательств от последовавших событий к предшествующим событиям даже в тех случаях, когда на самом деле об этих предшествующих событиях (которые, тем не менее, рассматриваются как причины) совсем ничего не известно. Статья о *«Леонардо да Винчи»* так же, как попытка исследования о «Лютере» иллюстрируют этот момент очень наглядно; и то же самое касается и других примеров, которые при-

водит Стэннард. Впрочем, мне представляется, что мы можем отказаться от последующих доказательств, так как критическое положение вещей и так уже стало достаточно ясным.

Рассмотренная логическая критика неизбежно ведет к *проблемам теории.* Об этом Стэннард пишет:

«Эта проблема включает *метод*, который используют психоисторики, чтобы выдумывать (invent) факты о детстве какого-нибудь человека, прежде чем они показывают, что эти факты являются причинами его взрослого поведения. Можно прочесть множество психоисторических сочинений, не найдя ни в одном из них указания на то, что автор делал что-нибудь другое, кроме как принимал психоаналитическую теорию как научную истину или – как Фрейд выражал это – как «ключ» к пониманию поступков. Если бы психоаналитическая теория была таким ключом, то, по крайней мере, некоторые из слабостей, которые прилипают к фактическим и логическим проблемам, можно было бы устранить. К сожалению, она таким ключом не является».

Нам едва ли требуется особо документировать этот пункт критики, ведь вся наша книга пытается привести доказательства того, что психоаналитическая теория в большой мере, если не полностью, ошибочна, и в этом отношении она также не может использоваться как ключ для понимания человеческого поведения. Действительно психоистория ставит обычный процесс науки с ног на голову; она объясняет факты в соответствии со своей теорией, прежде чем она вообще доказала ее применимость и, соответственно, ее степень соответствия истине. Кроме того, она целиком и полностью пренебрегает уже сейчас обширным и все еще растущим доказательным материалом, согласно которому такой степени соответствия истине вообще не существует. Нам просто рассказывают о том, что то или другое должно было произойти в действительности, так как психоанализ обнаружил это, не приводя, однако, никаких доказательств, что это действительно происходило таким образом. Так полагаться на одну лишь голую теорию, естественно, абсолютно неприемлемо – и не только в *естествознании,* но и в *гуманитарной науке.*

Последний класс проблем, с которыми мы сталкиваемся в психоистории, касается *проблем культуры.* Фрейд обычно формулирует свои аргументы – и его приверженцы делают то же самое – на основании своего собственного понимания смысла и значения действий людей, хотя эти действия, вероятно, имели или имеют в другие времена и в других культурах совсем другое значение. Мы уже упоминали, что Фрейд видел в привычке Леонардо покупать пойманных птиц, а затем выпускать их, доказательство его дружелюбия. Он, очевидно, не знал,

что на самом деле это было очень распространенным обычаем, тем более, что это якобы должно было в свое время принести счастье. Наверняка Леонардо был дружелюбным человеком, но все же эту черту характера как раз нельзя раскрыть на основе такого поведения, для которого с достаточными знаниями об обычаях и привычках того времени можно предложить намного более простое объяснение.

Интересный пример этой тенденции обобщать индивидуальные и субъективные опыты, приводит Стэннард, который, в свою очередь, взял его из книги Фоун Броуди *Thomas Jefferson: An Intimate History*. Речь там идет об интимной связи Томаса Джефферсона (третьего президента США) с молодой рабыней по имени *Салли Хемингс,* причем автор приписывает этому политику бессознательные мотивы. Как доказательство его постоянного занятия мыслью о «запрещенной женщине» и ее значения для его «внутренних потребностей» она приводит тот факт, что в дневнике о путешествии Джефферсона по Голландии при описании тамошнего ландшафта поистине восемь раз содержится намек на особенный цвет земли как «mulatto» – «коричневый как мулат». Но Броуди, кажется, не знает, что слово «mulatto» употреблялось в восемнадцатом веке (белыми) американцами вообще как наименование цвета земли. Для нас или в нашей культуре это слово действительно звучит необычно в качестве названия цвета, и соответствующим образом мы также совсем иначе поняли бы это, чем те, кто произносил его двести лет назад. И если от историков следовало бы ожидать, что они знакомы с такими фактами, то «психоисторики» обычно ничего не знают о временных и культурных обстоятельствах, в которых жили описанные ими люди. Что же тут удивительного, что они дают абсолютно ошибочные интерпретации, когда «анализируют» случайно дошедшие до нас биографические детали.

Стэннард завершает свой обзор следующими словами:

«Традиционные упреки в вульгарности, редукционизме, тривиализации и тому подобном все остаются справедливыми возражениями против психоисторических попыток. Но самый важный и самый основной аргумент для отказа от такого подхода, очевидно, следующий: психоистория не функционирует и не может функционировать. Настало время, когда нужно посмотреть в глаза факту, что за всем этим непрерывным риторическим звоном психоаналитический подход к истории безвозвратно погиб по причине извращения логики, научной несостоятельности и культурной наивности. Короче говоря, пора уже не обращать на него внимание».

Если есть читатели, которые не убеждены в правильности этого вывода, то я могу только порекомендовать им заглянуть в книгу Стэннарда; там находятся все те доказательства, которых мы здесь неизбежно могли коснуться лишь кратко.

То, что было сказано о фрейдовской «психоистории», точно так же – и даже в еще большей мере – справедливо для вклада Фрейда в *антропологию.* Его соответствующая теория, которую он изложил в *Тотеме и табу* (1912/1913), известна достаточно хорошо, чтобы здесь требовалось длинное введение. По его представлению, человечество начинало свой культурный подъем при такой форме социальной организации, в которой один отдельный сильный мужчина-самец диктаторским образом господствовал над всем племенем и, в особенности, обладал исключительной сексуальной властью над его сестрами и дочерями. Когда теперь – со старением – «патриарх» становился слабее и в то же время его подрастающие, но сексуально отодвинутые на задний план сыновья становились сильнее, они замышляли заговор против своего тиранического отца, убивали его и затем его съедали (как будто к празднику в честь этого события). Но у братьев возникали чувства вины, и последствием было то, что они подавляли свое желание половой связи с их матерями, сестрами или также дочерями. Чтобы искупить убийство и каннибальскую оргию, они создали миф о тотеме, зверином символе их отца, причем использование соответствующего животного в пищу они сделали табу (кроме как по ритуальному поводу). Так «вытесненное» первоначальное отцеубийство превратилось через наследственные следы воспоминания в расовом бессознательном следующих поколений в (универсальный) эдипов комплекс и – в институционализированном виде – в табу инцеста в пределах главной семьи, в групповую экзогамию (т.е. запрет браков внутри собственной группы), в тотемизм (почитание тотема) и многие другие характерные особенности, которые мы еще сегодня встречаем у примитивных культур.

Эту чрезвычайно анахроническую концепцию Фрейд использовал с целью сделать понятным различие отдельных культур. И так, как он в своей теории развития детей принял последовательность стадий как зеркало психогенеза всего человечества, он теперь отождествил душу дикаря с детской психикой и постулировал, что каждый человек воспроизводит эволюцию культуры всего человечества, проходя бывшие примитивные степени развития вплоть до зрелости. При этом некоторые культуры, так же, как и некоторые индивидуумы – во многих пунктах своего развития оказываются в состоянии застоя, прежде чем они достигают «цивилизованной» ступени – зрелости. Это на самом деле захватывающее дух представление, все же, ему, к сожалению, не достает какого-либо доказательного материала; так как оно не совпадает с историческими фактами,

да еще и поддерживающая его логика и методология не является приемлемой. В этом смысле Франц Боас, вероятно, наиболее выдающийся антрополог своего времени, также высказывался о спекуляциях Фрейда отрицательно: В то время как мы приветствовали применение какого-либо методического прогресса психологического исследования, мы никак не могли бы принять как прогресс этнологического метода перенесение нового, одностороннего метода психологического исследования индивидуума на социальные феномены, о которых известно, что они определяются исторически и подчиняются влияниям, которые вообще не сравнимы с теми, которые контролировали психологию отдельного человека.

За этой критикой последовал важный эмпирический труд Бронислава Малиновского, который попытался опровергнуть универсальность эдипова комплекса. Как указывал Малиновский, *аборигены острова Тробриан* жили в культуре, где брат матери – а не отец – был авторитетной фигурой для ребенка. Это значило, что воспитательная власть и дисциплинарные мероприятия исходили не от мужчины, который пользовался сексуальной монополией у матери ребенка, вследствие чего отношение отца и сына было лишено той противоречивой смеси любви и ненависти, которую Фрейд (якобы) наблюдал у своих европейских пациентов.

Следующий удар по теориям Фрейда надеялись нанести с помощью результатов практических исследований Маргарет Мид на *Самоа*. Боас в свое время поставил ей задание опровергнуть гипотезу узкоограниченной расовой или общечеловеческой наследственности культурных форм. Согласно ее сенсационным сообщениям, у жителей Самоа жизнь подростка вовсе не была временем принуждения, также ребенок, похоже, необязательно развивал больше фантазии, чем взрослый, и женщина не должна была обязательно быть пассивнее мужчины, и так далее. К сожалению, работа Мид, как выяснилось впоследствии, оказалась настолько низкого качества, что Дерек Фриман недавно смог утверждать в своей книге *Margaret Mead and Samoa* (1983), что рассказ Мид практически в каждой детали противоречит свидетельствам всех многочисленных других антропологов, которые изучали культуру аборигенов Самоа.

Как ни странно, многие читатели поверили тогда, что тот идеалистический образ *Самоа* как тропического рая, где юноши и девушки росли в атмосфере, свободной от напряжений и сексуальных проблем – с идиллическими романами, которые поддерживались без серьезных опасений возможных последствий, общества, которое знало сотрудничество, но не знало соперничества и преступлений, и которое развило, прежде всего, чудесное чувство счастья и удовлетворения, что то общество как-нибудь приблизилось бы к миру идей Фрейда, в ко-

тором не существует препятствий, и в котором невротические комплексы принадлежат прошлому. Поистине, многие восприняли Самоа Маргарет Мид как своего рода сексуальную Утопию, к которой нужно было стремиться – в западном мире – в надежде осуществить и здесь что-то похожее. Однако реальность была полностью противоположной, как однозначно подтвердил Фриман: *у аборигенов Самоа* – наивысший уровень изнасилований среди всех культур, о которых есть свидетельства; мужчины ревниво следят за неприкосновенностью своих жен, они агрессивны, враждебны и воинственны, и они фанатично одержимы соперничеством. На основе этого положения дел мы можем уверенно отбросить как несущественную всю критику антропологии Фрейда, ссылающуюся на Маргарет Мид.

Независимо от этого, возражения Боаса и его сотрудников против представлений Фрейда, естественно, вполне правильны; на самом деле нет никаких доказательств той сказки, которую Фрейд сделал центром тяжести своей антропологии. Фрейдисты, естественно, нанесли ответный удар, причем они прибегли – как обычно – не к рациональным аргументам, а к *Argumentum ad hominem.* Типичный пример – это возражение Гезы Рохейма на критику школы Боаса, согласно которой антропология не может отмежевываться от основной предпосылки разнообразности существующих групп людей (т.е. племен, народов и пр.):

«Однако здесь мы хотим отметить, что это впечатление полного отличия различных человеческих групп в значительной мере порождается эдиповым комплексом, нужно сказать, эдиповым комплексом соответствующего антрополога, психиатра или психолога. Он просто не знает того, что он должен делать со своим собственным эдиповым комплексом – поэтому он по отношению к ясным доказательствам эдипова комплекса становится просто *слепым*, даже если он был бы в стостоянии видеть его со своими знаниями... Параллельно этому вытеснению эдипова комплекса происходит другая *предсознательная* тенденция, тенденция *национализма.* Представление о том, что нации абсолютно различаются друг от друга, и что цель антропологии состоит якобы лишь в том, чтобы узнать, насколько именно они различны, является лишь плохо прикрытым проявлением национализма – того демократического аналога национал-социалистической расовой теории и коммунистической классовой идеологии. Само собой разумеется, я вполне осознаю тот факт, что все те, кто пишет на своем знамени изучение различий, – доброжелательные люди с добрыми намерениями, и что они *осознанно* выступают за братство среди людей; лозунг «культурного релятивизма», кажется, не свидетельствует ни о чем другом. Но я – психоаналитик. Я знаю, что все человеческие установки возникают из возникновения компромисса двух противоположных тенденций, и я также знаю о

значении формирования реакции: «Ты (хотя) и совсем другой, но я прощаю тебе это (что значит, ты же в этом не виноват)» – все же, это сводится как раз к этому. Антропология рискует оказаться в тупике, если она покорится одной из старейших тенденций людей, а именно, отграничивать свою собственную группу от людей, не принадлежащих к этой группе (in-group versus out-group)».[10]

Другими словами, если ты не одного мнения со мной, то ты заблуждаешься, так как твое мнение – это продукт вытесненного эдипова комплекса; вследствие этого я не должен также отвечать на твои объективные и конкретные возражения! Это – так хотелось бы думать – поистине не самая хорошая позиция, чтобы добиться научного консенсуса.

Но лучше вернемся к вопросу о методах, на который в отношении предпринятого фрейдистами психокультурного анализа нельзя ответить иначе, чем на вопрос в отношении только что обсужденной психоистории, и поэтому такой анализ вызывает к себе такую же критику, что и в предыдущем случае. Я хочу пояснить это посредством двух примеров, в которых выражается склонность приписывать утверждаемые факты гипотетическим причинам, которые на самом деле несущественны или даже вовсе не существуют.

Первый пример – это «случай японского сфинктера». Представление Фрейда о том, что характер взрослого человека тесно связан с мерами воспитательного характера в раннем детстве, использовалось во время войны для того, чтобы установить связь между воспитанием чистоты и якобы обсессивно-компульсивной личностью японцев, которая якобы проявлялась как в их национальном характере, так и в их культурных институциях.

В особенности Джеффри Горер, британский психоаналитик, ссылался на эту опиравшуюся чисто на теорию окружения гипотезу для объяснения «контраста между пронизывающей все любезностью японской жизни..., которая воодушевляла почти каждого посетителя этой страны, и подавляющей беспощадностью и садизмом японцев на войне».[11]

Горер полагал, что «строгое и рано начинающееся воспитание чистоты» порождает в головах японских детей вытесненную ярость, так как их заставляют контролировать свой сфинктер еще до того, как мышечное и духовное развитие создало необходимую предпосылку для этого. Похожее предположение содержится в книге Рут Бенедикт *The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture* (1946), где также подчеркивается строгость японского воспитания чистоты, и соответствующая установка рассматривается как одна из гра-

ней японского интереса к чистоте, аккуратности и порядку (важный аспект анального характера у Фрейда).

Какими бы заманчивыми ни казались эти спекуляции, они не основывались, во всяком случае, ни на полевых исследованиях, ни на основательном (косвенном) знании о воспитательных привычках японских матерей. Когда затем уже после войны это упущение было исправлено, и были проведены соответствующие исследования, то очень быстро выявилось, что система японского воспитания чистоты была понята совершенно неправильно. Все больше становилось явным, что японские дети в этой области не подвергались серьезным угрозам или наказаниям! Кстати, достаточно лишь напомнить о том, как быстро японцы привыкли к мысли о своем поражении, приняли американское влияние, изменили многие из своих основных моделей поведения и заняли, наконец, ведущее место в движении в защиту мира на Дальнем Востоке. Все это едва ли подходит к портрету из военного времени, на котором слишком сильно были подчеркнуты их фрустрация и беспощадность.

Второй пример касается «случая русских младенцев». Горером и Рикманом в их книге о русском национальном характере[12] была выдвинута гипотеза, говорящая, по существу, что национальное своеобразие русских можно проще всего объяснить той продолжительной и строгой манерой, в которой русские матери якобы пеленают своих детей. Горер утверждал, что тугое пеленание отвечает за «маникально-депрессивную» [т.е. циклотимную] структуру личности, в том отношении, что она якобы отражала внезапное чередование ограничения и свободы, которое испытывали русские маленькие дети: ярость, накопившаяся в них в то время, когда они туго запеленаты, оказывается в сильном контрасте к последующему в момент внезапного удаления пеленок чувству облегчения. Однако эта ярость якобы направляется против неопределенного объекта, так как воспитательное обращение с ребенком является очень безличным, и ребенку трудно связать обращение с одним определенным мучителем. Возникающие таким образом чувства вины должны тогда – за неимением личного отождествления – диффузным способом пронизывать весь характер. Исходя из этой удивительной гипотезы, Горер пытается затем показать, что такие феномены, как большевистская революция, сталинские чистки, признания вины на показательных процессах и многие другие события новейшей (советской) русской истории определенным способом «связаны» с обобщенной в ходе опытов с пеленанием яростью и последующим чувством вины. Одно из более забавных отступлений в этом опусе это то, что интерес русских к силе выражения глаз должен происходить из того факта, что ограничение его остальных частей тела принуждает русского ребенка к тому, чтобы он получал контакт с внешним миром в основ-

ном через чувство зрения. Марвин Харрис в своей книге о «Взлете антропологической теории» дает превосходный комментарий об этих спекуляциях:

«К сожалению, у Горера не было никаких надежных сведений о степени пеленания. Во всяком случае, интеллектуалы, которые признавали свою вину на показательных процессах во времена сталинских чисток, не были туго замотаны в пеленку. Тираническую и полную страха обстановку эры Сталина можно встретить во всех диктатурах от Ганы до Гватемалы, и мнимое соответствие между русским национальным характером и деспотизмом сталинской эры прямо противоречит факту русской революции. Приписывать восстание против царского деспотизма ярости, которая была порождена тугим пеленанием детей, означает оставить без внимания все факты новой и новейшей европейской истории. Тирания Сталина была основана на трупах его врагов. И только тем, что он наполнил сибирские лагеря миллионами противников режима и сурово искоренил также последние остатки политической оппозиции, он смог навязать своим землякам собственную волю. Представление о том, что масса русских была каким-то образом психически пропитана террором сталинской эры, лишено любых фактических оснований».[13]

Гипотеза Горера производит впечатление, как будто бы она подразумевала прямую причинно-следственную связь такого рода: тугое пеленание порождает русский национальный характер! Между тем, в работе в то же самое время содержится что-то вроде опровержения, которое так типично для психоаналитического хода мысли в антропологической области. Автор как раз говорит следующее:

«Вывод из этого исследования звучит, что кратко изложенное в предшествующих частях положение вещей – это *один* из главных детерминантов в развитии характера взрослых великороссов. Вывод *не гласит*, что манера русских пеленать своих детей порождает русский характер, и также не следует приходить к заключению, что русский характер изменился или преобразовался бы, если бы применялся другой метод воспитания детей».

Марвин Харрис пишет об этом:

«Даже тщательное перечитывание этого опровержения не улучшает его понятности. Там сказано, что в известном смысле пеленание – один из *главных* детерминантов великорусского характера, но вслед за тем говорится, что это *ни в коем случае* не детерминант». (указ. соч.)

Горер утверждает, что в гипотезе о пеленании содержится значительная эвристическая ценность, причем он сравнивает ее с «нитью, которая ведет через лабиринт очевидных противоречий в поведении взрослых русских». Понять эпистемологическую (здесь гносеологическую) природу этой «нити» нелегко – если уж нет причинно-следственной связи, то так же нет и нити! Любая научная гипотеза требует какой-то – количественной или качественной – корреляции или, иными словами, причинно-следственной связи. Если ее обрывают, то у нас больше ничего не остается.

Вопреки этому, Маргарет Мид попыталась защитить Горера, истолковав его результаты в том отношении, что на основе анализа того, как русские пеленают своих детей, можно создать модель формирования русского характера, которая позволит нам так связать наше знание о человеческом поведении со знанием о русской культуре, что поведение русских станет понятнее. Однако Мид не объясняет, как эта гипотеза должна сделать поведение русских понятнее, если не существует причинно-следственных связей. Она лишь формулирует гипотезу Горера другим способом: На основе связи необычно стесняющей версии широко распространенной практики (т.е. пеленания), возраста ребенка, которого так стесняют пеленанием, и настаивания взрослых, что ребенок должен быть защищен от самого себя – т.е. на основании продолжительности и вида пеленания – можно было бы *предположить,* что (из этого) следуют решающие *воздействия* на образование русского характера.

На это снова комментарий Харриса:

«С этим высказыванием весь аргумент возвращается в свою первоначальную форму, и отсутствие доказательств предполагаемых «воздействий» еще раз вызывает наше самое большое удивление».

Эта странная комбинация претензий на причинно-следственную связь и одновременного отказа от причинно-следственного мышления типична для общей позиции Фрейда. В этом смысле Чоффи с полным основанием замечает:

«Симптомы, ошибки и т.д. не просто *вызываются,* но они «проявляются», «выражаются», «дают о себе знать», «реализуются», «исполняются», «удовлетворяют», «представляют», «обосновывают» или «указывают» на тот или иной вытесненный мотив, мысль, воспоминание и т. д.».[14]

Чоффи приходит к заключению:

«Как кумулятивный эффект этого проявляется то, что в ситуациях, в которых было бы, собственно, вполне естественно требовать поведенческого объяснения или индуктивного доказательства, это требование отменяется, а именно, как мы думаем, потому, что должно быть объяснено намеренное или выраженное действие. Тогда как в ситуациях, в которых мы обычно признаем откровенное и обдуманное опровержение действующего лица достаточным, чтобы фальсифицировать или ослабить предположение выражения или намерения, это ожидание исчезает из-за разговоров Фрейда о «процессах», «механизмах», и «законах бессознательного»».

Все это происходит, как подробно документирует Чоффи, из-за того, что Фрейд и его приверженцы оказываются под давлением дать *причинное* объяснение, однако, одновременно они *боятся* дать *какое-либо окончательное свидетельство,* которое могло бы быть опровергнуто разоблачением фактических нелепостей. Эта двойственность лежит как в основе всего творчества Фрейда, так и произведений его приверженцев. Лучше всего, естественно, было бы прочесть всю работу Чоффи, тем более, что в ней содержится лучше всего обоснованное описание той общей тенденции, которое ставит на психоанализ клеймо псевдонауки – причем Горер, Мид и другие процитированные авторы лишь следуют примеру, который дал сам Фрейд.

При обсуждении применения психоаналитических теорий к историографии и антропологии – и особенно спекуляций Фрейда о происхождении тотема и табу – едва ли можно оставить без внимания влияние его собственной биографии и личности на его духовное развитие. Я уже указывал выше на то, что мы не можем понимать теории Фрейда иначе, чем как литературное изображение его собственных чувств и комплексов. В действительности это представление находит подтверждение в работах известных психоаналитиков. Так Робин Остоу утверждает, что *Тотем и табу* можно читать как аллегорию о Фрейде, его учениках и психоаналитическом движении. И далее: личная характеристика предка, праотца, как бы отразила многие из собственных черт Фрейда. Некоторые из типичных сцен изначальной драмы можно увидеть как в развитии психоаналитического движения, так и в страхах Фрейда и его фантазиях о его личном будущем и будущем его теории вместе с организацией. Адлер и Штекель были двумя подрастающими сыновьями, которых Фрейд изгнал из племени... Представление Фрейда о том, что эти творческие, агрессивные молодые мужчины покалечат и проглотят его, кажется, содержало какой-то страх и определенную долю мазохистского наслаждения. В конце он видел себя появляющимся снова – с никогда еще не существовавшей личной властью над группой теперь уже послушных, готовых к сотрудничеству, достойных доверия и полных раскаяния, но все еще не полностью самостоятельных духовных сыновей... Фрейд вообра-

жал, что он является «Тотемом» следующего поколения психоаналитиков; они со своей стороны могли называть себя «фрейдистами», они почитали бы его, и они действовали бы в хорошо устроенной организации. (Так пишет Остоу!)

Эдвин Уоллес, который очень подробно исследовал зависимость теорий Фрейда от его личной биографии, добавляет еще ряд следующих моментов. Так он утверждает, что при написании *Тотема и табу* решающую роль играл конфликт Фрейда с отцом, а также – в более близкое к моменту написания книги время – его проблемы с Юнгом, который взбунтовался против доминирования Фрейда. Фрейд даже сам согласился с тем, что его самая внутренняя жизнь души характеризовалось значительной двойственностью по отношению к своему отцу – конфликтом, который проявлял себя в нескольких симптомах. Уоллес продолжает:

«Есть несколько вариантов того, как мы могли бы рассматривать связь между конфликтом самого Фрейда со своим собственным отцом и гипотезой отцеубийства. С одной стороны, он смог дистанцироваться от своей собственной ярости отцеубийства (которая была реактивирована мятежным Юнгом) вследствие того, что он поднял личную динамику (конфликт с отцом) на уровень филогенетически универсального. С другой стороны, он смог выразить его значение для собственной душевной жизни, обозначив его как изначальный факт всемирной истории. Характеристика изначального отцеубийства как окончательного наследия (человечества) отражает при определенных обстоятельствах частично осознание Фрейдом своей собственной динамики – фатальную неизбежность, что он должен был повторять свой конфликт с отцом и снова спорить с собственным чувством вины. Сверх того, эта гипотеза была, вероятно, в определенном смысле отменой сделанных прежде обвинений отцов (когда он снова переживал фантазии своих истерических пациентов). Это значит, что сыновья – а не отец – совершили преступление. Также элемент возникновения компромисса достаточно прост, потому что с помощью описания предка, праотца, как жестокого тирана Фрейд мог определенным способом оправдать убийственные чувства сыновей».[15]

Интересно увидеть, как психоистория обернулась против своего собственного создателя, и как методы психоанализа использовались для того, чтобы препарировать творчество уже самого Фрейда. Но то, что это делали именно фрейдисты, иллюстрирует уже известный аргумент, что творчество Фрейда со многих точек зрения неразрывно связано с его биографией и его личностью. Якобы научный анализ человечества, за который, как хвастался Фрейд, он взялся, вряд ли может считаться чем-то большим, чем его гигантским автобиографиче-

ским эссе. Остается чудом, что так много людей всерьез считали это настоящим вкладом в науку.

Собственно, остается только лишь вопрос, как мы можем оправдать то, что мы применили метод, который мы сами распознали как ошибочный, (т.е. психоисторический метод) к самому его создателю? Ну, тут я предоставлю читателю, чтобы он сам сформировал свое собственное мнение. Однако я очень настоятельно рекомендую прочесть книгу Уоллеса, который специализировался в этой области и исключительно хорошо представляет результаты своего труда. С научной точки зрения, естественно, весь этот вопрос несущественен. Что бы ни побудило Фрейда к тому, чтобы создать какую-то особенную теорию, эту теорию все равно следует обсуждать применительно к ее логике, ее связности и подпирающим ее фактам. Однако такие опоры не были обнаружены ни в области психоистории, ни в области антропологии, как не были найдены они и в других областях, которые мы исследовали. И как раз это и есть основной пункт обвинения против Фрейда – а вовсе не подозрение в том, что его собственное развитие и события в его более поздней жизни «мотивировали» его сформулировать свои теории именно так, а не иначе.

В завершении этой главы я хотел бы еще раз процитировать Марвина Харриса, который сказал следующее о связи между психоанализом и антропологией:

«Встреча антропологии и психоанализа принесла богатый урожай искусных функциональных гипотез, в которых псих(олог)ические механизмы, кажется, способствуют связи между несовместимыми частями культуры. Однако психоанализ мало что может предложить культурной антропологии в отношении научной методологии. В этом смысле встреча обеих дисциплин склонялась к тому, чтобы усилить и без того уже наличествующие тенденции к непроверенным, спекулятивным и гонящимся за сенсацией обобщениям, которые культивировались соответственно в их собственной сфере как часть академической свободы. Антрополог, который проводит психокультурный анализ, походит на психоаналитика, попытка которого раскрыть основную структуру личности его пациента остается интерпретирующей в самом широком смысле – и в этом отношении неподдающейся нормальным процессам проверки. В известном смысле выдающиеся личности в фазах образования культурного движения и движения личности даже просто настоятельно просили нас, чтобы мы доверяли им, так же, как мы доверяем психоаналитику. Но доверять мы должны были, однако, не по причине доказанной истинности какого-либо особенного утверждения, а из-за нагромождающихся доказательств связи в правдоподобной системе. Хотя такая вера существенна для психоаналитической терапии, в которой едва ли важно, происходили ли события детства того или иного вида в реальности или

нет – до тех пор, пока только аналитик, как и пациент убеждены в том, что они происходили – но замена мифа знаниями о конкретных событиях является наивысшей целью тех дисциплин, которые занимаются человеческой историей».[16]

Однако, если это действительно должно было быть так, почему же тогда так много историков и антропологов буквально сломя голову поспешили интерпретировать свой материал в фрейдистском духе? Ответ лежит, вероятно, в только слишком человеческом желании получить все возможное даром. Вспомним об обеих упомянутых выше «психобиографиях». Вначале вообще не известно ничего точного о детстве Леонардо или о жизни Лютера в монастыре. Но затем люди интерпретируют дошедшие до нас сны или фантазии, или также отдельные действия как раз в психоаналитической манере, а в дальнейшем внушают самим себе, что границы действительно известного можно так просто преодолеть и прийти к выводам, которые в их универсальности прямо-таки захватывают дух. В палеонтологии мы научились реконструировать целый скелет вымершего динозавра по нескольким крохотным костям и фрагментам зубов – почему же тогда психоанализ не смог бы сделать то же самое для исторических и антропологических реконструкций? Дайте нам несколько изолированных фрагментов снов, типов поведения или ошибок, и мы путем ассоциативной интерпретации составим, подобно мозаике, целую культуру или развитие детства какой-то исторической личности, или причины национального характера и многое другое.

Но и этого недостаточно – если у нас вообще нет фактов, то мы просто сможем выдумать их, выведя их из, как утверждается, «научных законов» психоанализа. Мы не должны ничего знать о воспитательных привычках японцев; если [какой-то] Фрейд [или фрейдист] говорит нам, что строгое воспитание чистоты порождает тот тип характера, который японцы демонстрировали во время войны, тогда мы можем уверенно исходить из того, что они должны были претерпеть точно этот вид воспитания чистоты! Это естественно, печально, когда задним числом кому-то говорят, что в действительности воспитание чистоты у японцев вовсе не было таким, как предполагали фрейдисты, но это, по-видимому, не оказывает большое воздействие на их пыл интерпретации. Томас Г. Гексли когда-то говорил о великой трагедии науки – убийстве прекрасной теории уродливым фактом! Теории Фрейда, наверное, вряд ли можно назвать прекрасными, но все же, они кажутся неуязвимыми для такого множества фактов, которые разоблачают их абсурдность. Перед лицом такой морали хотелось бы только недоброжелательно воскликнуть: «C’est magnifique, mais ce n’est pas la Science!» («Это великолепно, но это не наука!»). К сожалению, очень маловероятно, что психоаналитики согласятся с как типичным, так и естественным

для ученого упорным настаиванием на фактических доказательствах и осознают его необходимость. Они предпочитают парить в облаках своих толкований, туманное основание которых – это самые фантастические выдумки. Однако науку на таком фундаменте не построишь.

----

[1] D.E. Stannard (1980) *Shrinking History: On Freud and the Failure of Psychohistory,* Oxford: Oxford University Press.

[2] E.R. Wallace (1983) *Freud and Anthropology: A History and Reappraisal,* New York: International Universities Press.

[3] Cf. *Psychohistory Review,* Ed. Charles B. Strozier, Group for the Use of Psychoanalysis in History, Human Sciences Press, Vol. V, 1976 (vormals: *Group for the Use...,* Newsletter)

[4] S. Freud (1910c) *Eine Kindheitserinnerung des Leonardo da Vinci,* G.W. VIII; Studienausgabe X (оттуда последующие номера страниц).

[5] D.E. Stannard (1980), указ. соч.

[6] D.E. Stannard (1980), указ. соч. (цитаты Фрейда из StA X, стр. 131).

[7] A. Mitscherlich/A. Richards/J. Strachey – «Editorische Vorbemerkung» zu S. Freud (1910c), Studienausgabe X, стр. 90.

[8] E. Jones (1962) *Sigmund Freud: Leben und Werk,* Bd. II, указ. соч., стр. 411.

[9] E.H. Erikson (1958) *Young Man Luther,* New York: Norton; dt. (1965) *Der junge Mann Luther,* Übers. Johanna Schiche, München: Szczesny Verlag (оттуда последующие цитаты).

[10] G. Roheim (1943) *The Origin and Function of Culture,* New York: Nervous and Mental Disease Monographs.

[11] G. Gorer (1943) «Themes in Japanese Cultures *Trans N. Y. Acad. Sei. 5* (стр. 106 по 124)

[12] G. Gorer/J. Rickman (1950) *The People of Great Russia: A Psychological Study,* New York.

[13] M. Harris (1968) *The Rise of Anthropological Theory,* New York: Crowell.

[14] F. Cioffi (1970) «Freud and the Idea of a Pseudo-science», in: M.R. Borger/F. Cioffi (Hrsg.) – *Explanations in the Behavioural Sciences,* Cambridge 1970; там также последующая цитата (обратный перевод высказываний Фрейда).

[15] E. R. Wallace (1983) *Freud and Anthropology: A History and Reappraisal,* New York: International Universities Press.

[16] M. Harris (1968) *The Rise of Anthropological Theory,* указ. соч.

ВОСЬМАЯ ГЛАВА

«Да упокоится с миром» – последняя дань уважения

«Истина скорее рождается из ошибки, чем из неразберихи».

Фрэнсис Бэкон

Теперь мы достигли точки, из которой мы можем попытаться рационально оценить положение Фрейда в научном мире. Но сначала нам хотелось бы услышать еще его собственное мнение по этому щекотливому вопросу. Как можно представить, он был действительно противоречив в своей самооценке. С одной стороны, он сравнивал себя с Коперником и Дарвином, так как они унизили человечество: один – тем, что показал незначительность земли в небесной системе; другой – тем, что сделал вероятным родство человеческого вида с другими видами. Сам Фрейд теперь (третий в этом безбожном союзе) претендовал на то, что открыл бессознательное как последнюю силу в основании наших ежедневных проявлений жизни. С другой стороны, он был достаточно осмотрителен, чтобы заметить, что он заслужил себе славу, собственно, не столько как ученый, сколько как конкистадор (даже если он при этом оставлял открытым вопрос о том, что он вообще завоевал). В любом случае, он понимал, что то, что он делал, не имело ничего общего с естествознанием, хотя он по-прежнему верил, что он – ногами, так сказать – стоит на почве неврологии, своей исконной науки. Этот конфликт, само собой разумеется, вовсе не изобретение Фрейда, и он отнюдь не ограничен психоанализом в целом. Он скорее проявляется в методическом расколе психологии на *естественнонаучное* и *гуманитарное* направления, что было характерно для конца девятнадцатого столетия.

Гуманитарная наука принципиально занимается пониманием и значением/толкованием. Она сравнивает анализ действий и событий с истолковывающей или переводящей, излагающей в другой форме интерпретацией текста в герменевтических дисциплинах. Древнее искусство герменевтики – истолкования или также объяснения – состоит в том, чтобы сделать дошедший до нас текст поддающимся чтению, «разборчивым», это значит: понятным. Для этого нужно знать не только основное значение использованных знаков или символов, но и их синтаксическое значение – «смысл», «содержание» – в их связи одного с другим, а также в контексте целого. Посему для «практика душ» действия и события – это не объективные факты, а закодированные значения; они приобретают свой смысл только в результате дешифровки символов. Такой под-

ход, который отражает *значение* (meaning), – это точная противоположность естественнонаучного подхода, который стремится к изучению чисто *поведения* (behaviour). Отсюда также вечная борьба в психологии между бихевиористами (behaviorists) – специалистами по психологии поведения – и их разнообразными противниками, в том числе психоаналитиками, многими когнитивными психологами, интроспективными психологами, психологами – сторонниками идиографического подхода (т.е. занимающегося отдельными неповторимыми событиями) и многими другими. Философские аргументы между этими обеими группами являются решающими особенно в традиционном споре о душе в психологии, и правильный выбор не легко давался многим авторам, если они не выбрали для себя просто лучшую из обеих сторон, не обращая при этом особого внимания на фундаментальное различие. В действительности Фрейд был только одним из многих, кто открыто стремится к естественнонаучно ориентированному исследованию человеческого поведения, основные вклады которых, однако, однозначно оказываются на герменевтической стороне. Говард Кендлер в своей книге *Psychology: A Science in Conflict* – «Психология: наука в конфликте» – привел отличное резюме аргументов обоих направлений и, сверх того, также обсудил возможность их примирения. Впрочем, вся эта проблематика очень сложна, и, прежде всего, она кажется слишком запутанной для того, чтобы мы могли детально заняться ею в этой книге.

Как бы то ни было – Ричард Стивен прямо объясняет в своем эссе о «Фрейде и психоанализе», что учение Фрейда можно понять только под герменевтическим аспектом:

«Что, собственно, делает психически-умственную жизнь таким труднодоступным предметом исследования? ... Я думаю, трудности следуют из того, что ее сущность – это смысл или значение. Если я обозначаю процессы в душевной жизни как богатые смыслом и богатые значением, то я хочу вместе с тем обратить внимание на тот феномен, что наш образ жизни и наши жизненные обстоятельства регулировались понятиями (concepts). Тот способ, каким мы понимаем мир, и ощущаем и думаем о нас самих, о других людях или об определенных ситуациях, мог бы быть самым основополагающим именно для вида нашего поведения. Во всяком случае, мы принимаем это в обыденной жизни как нечто естественное».[1]

Это, конечно, правильно, но это, однако, еще не значит, что мы непременно хотим отказаться от естественнонаучного объяснения поведения и принять вместо этого более популярное, более народное объяснение. Примитивные племена объясняют многие реальные факты в соответствии с их смыслом и целью; если, например, кто-то заболевает, то они верят, что причина болезни – в злых наме-

рениях врага или знахаря, или в каком-то колдовстве. Естественно, это отнюдь не правильный способ для основания здоровой медицинской науки.

Стивенс обсуждает также сущность и потенциал психотерапии. Он пишет об этом:

«Мы проверяем и изменяем на длительный срок наши интерпретации – будь то *явно,* когда мы обсуждаем наши мнения с другими, или *неявно,* когда мы воспринимаем их способ интерпретировать события, и размышляем над этим. Так что вполне можно понимать психотерапевтический сеанс как обмен мнениями в этом (двойном) смысле.

Потому что даже если никакие прямые уговоры не должны были сыграть свою роль, то пациенту, в любом случае, можно было бы придать храбрости, чтобы он пересмотрел тот способ, каким он понимает себя самого, и свое отношение к окружающему миру. Поэтому психотерапия – также кое-что абсолютно иное, нежели соматическая медицина. В принципе, она – манипуляция смыслом и значением (если хотите: толкование), а не простыми физическими процессами в теле (manipulation of meaning, not of body functioning).

Если рассматривать психоанализ как герменевтический метод, то его экспериментально-научная слабость становится его настоящей силой. Возьмем только понятие *«сверхдетерминация».* В связи с дискуссией о происходящем во сновидениях сгущении, указывалось на то, что многие различные нити значения могут лежать в основе отдельно вспомненного образа или события. Психоаналитическая интерпретация направлена на то, чтобы расшифровывать их. Кроме того, предоставленные теорией понятия помогают нам обозревать значения из различных перспектив и уровней. И хотя это препятствует тому, чтобы какая-либо интерпретация подверглась точному тесту, все же, это дает большой шанс составить подробную картину из всех этих различных значений, которые участвуют в данной игре».

То, о чем здесь утверждается, это качество, на которое часто претендует психоанализ, а именно: что он передает нам многочисленные «постижения» (озарения, «инсайты»), что не способен сделать бихевиоризм и другие естественные науки. Если бы это было правдой, то это было бы для нас таким положением дел, которое следует принимать всерьез. Но что, если все эти так называемые «инсайты» – не что иное, как праздные спекуляции, которые в действительности вообще не имеют никакого отношения к анализируемой ситуации? Что, если, в действительности, все эти толкования сновидений, ошибочных действий и т.д. ошибочны и ведут нас в совершенно неверном направлении? Откуда нам

знать, прав Фрейд или нет? И, больше того, альтернативой Фрейду вовсе не обязательно должен быть бихевиоризм, а какая-либо другая герменевтическая психология – как мы могли бы сделать различие, например, между Фрейдом и Юнгом, Фрейдом и Адлером, Фрейдом и Штекелем и многими другими? Нет даже самого незначительного сомнения, что Фрейд и те отошедшие от него психоаналитики объясняли бы один и тот же сон совершенно различным способом – и как бы мы могли тогда сказать, какое из этих толкований «правильное»? Так что даже если мы бы и приняли герменевтический подход, нам все равно понадобились бы еще какие-то специальные критерии, по которым можно было бы узнавать истинность или ложность данной интерпретации. Во всяком случае, у Фрейда мы тщетно ищем критерий, который мог бы выполнять эту функцию.

В книге Филипа Риффа о Фрейде, которая несет подзаголовок «Душа моралиста», содержится интересный пассаж о том способе, каким психоаналитики используют выражение «наука» – в отличие от «твердых» (занимающихся естественными науками) ученых. При этом автор хоть и признает, что психоанализ не придерживается строгих критериев научного теоретического подхода, все же, он выражает свои сомнения в отношении того,

«...что этот ярлык «ненаучный» используется, чтобы осуждать Фрейда, или хуже того, чтобы со снисходительным жестом хвалить его именно за те редкие качества, которые мы в нас самих (т.е. как естествоиспытатели) обычно не поощряем, за его очень широкие интересы, его тонкую изощренность, его непревзойденный блеск как толкователя универсального языка боли и страдания, его готовность сообщать о своих взглядах и доказывать их на своем собственном примере или с помощью клинического материала. Его научные мотивы неразрывно соединены с этическими предпосылками его учения, основные понятия которого через беседы образованных людей проникли в общее сознание целого столетия. Было бы неуместно – и это также нельзя оправдать распространенным мнением о границе между наукой и этикой – одно из лиц Фрейда считать подлинным, а другое игнорировать. Для гуманистов в науке, так же, как для занимающихся гуманитарными науками ученых, Фрейд должен был быть образцом интереса к гуманному как таковому; однако, это в то же время поистине научно».[2]

Стивенс, наконец, подводит итог дискуссии следующими словами: «Если наш решающий критерий – это создание фальсифицируемых тезисов для науки, то психоанализ, конечно, – не наука. Но если понимать под «наукой» систематическое формулирование понятий и гипотез, которые основываются на тщательном и подробном наблюдении, тогда – я думаю – ответ должен звучать: психоанализ – это наука. Также можно сомневаться и в том, существует ли какой-то

подход, который предлагает большую вероятность правильного прогноза индивидуальных поступков, чем приобщение реальных жизненных ситуаций. Так как Фрейд берет на себя – хотя и неохотно – неудобное, но важное задание смело предстать перед головой Януса, которая слишком свойственна человеку – как биологическому *и* экзистенциальному существу».

Это снова возвращает нас к вопросу о Фрейде как человеке – создателе всеобщей теории, основой которой был исключительно анализ его собственных невротических расстройств, и этот факт не удержал его от того, чтобы он экстраполировал эти расстройства на все человечество. Как мы уже видели, нет вообще каких-либо оснований для предположения, что его «постижение», «инсайт» в его собственные личные страдания могло иметь какое-то значение для поведения других людей, ведь нет даже причин предполагать, что его «постижение» вообще было правильным. Чтобы установить это, нужно было иметь настоящие доказательства, и как раз их-то у нас и нет. Твердо установлено, что Фрейд ошибался в столь многих различных случаях и соответственно отношениях, что трудно понять, как можно было поверить ему во всех этих утверждаемых «постижениях» без доказательств.

К этому добавляется и то, что многое из всего этого он просто позаимствовал у других мыслителей, начиная от Платона до Шопенгауэра, Кьеркегора и Ницше; и оставлять за это славу Фрейду, однако, было бы так же ошибочно, как и предполагать, что перенятые им идеи правильны. И если для правильного уточнения приоритетов требуются исторические исследования, то для проверки их истинной ценности нужен естественнонаучный подход. В принципе, это принимают даже апологеты Фрейда, только относительно правильного метода мнения расходятся.

В дискуссии между психоанализом и бихевиоризмом последний всегда получал в прессе плохие отзывы, и происходило это по двум причинам. Во-первых, к великим ниспровергателям человечества с его трона принадлежит наряду с Коперником и Дарвином отнюдь не Фрейд, а Павлов – именно он смог показать, что многие из наших действий идут не на счет *человека разумного (Homo sapiens)*, а являются результатом примитивного вырабатывания условного рефлекса, чему способствуют лимбическая система и другие подкорочные части мозга. Поэтому Павлов также вызвал к себе ту вражду, которую Фрейд ошибочно, как мы видели, принимал на свой счет. Во всяком случае, объяснение невротических состояний в соответствии с теорией условных рефлексов Павлова кажется многим людям унижающим, механистическим и лишающим человечности; им куда больше нравятся, ах, такие человеческие интерпретации в духе глубокомысленных значений, которые и придают, в первую очередь, фрейдов-

скому психоанализу его прелесть. Во-вторых, труды Фрейда или его теории может понять любой человек (или, по крайней мере, он думает, что понимает их – хотя это не одно и то же!). Так кое-кто, прочитав некоторые из книг Фрейда, верит, что он может объяснять сны, оценивать других людей и объяснять их поведение с помощью психоаналитических понятий. В отличие от этого, чтобы понять Павлова и, особенно, чтобы справиться с пониманием той обширной экспериментальной работы, за которой последовала его теория, нужно учиться несколько лет, к тому же прочесть бесчисленные книги и статьи и постоянно освежать и пополнять приобретенные однажды знания. Все это требования, с которыми не справится большинство людей (и это лежит в природе вещей). Но даже среди психиатров только немногие, если, вообще хоть кто-то, в некоторой степени знакомы с основными принципами теории выработки условных рефлексов и обучения. И в то время как преподаватели, социальные работники, общественные попечители (люди, наблюдающие за поведением условно осужденных) и другие, которые профессионально должны заботиться о людях, преимущественно имеют наготове целый ряд выражений Фрейда и иногда даже ошибочно воображают, что они могли бы «психоанализировать» своих подопечных, они обычно совсем ничего не знают о теории выработки условных рефлексов Павлова, о принципах обучения или о том огромном объеме данных, который находится в распоряжении бихевиористов.

Я лично убедился на своем опыте, что абстрактных дискуссий, в общем, совершенно недостаточно для того, чтобы убедить скептиков. Поэтому теперь нам хотелось бы рассмотреть несколько практических примеров, иллюстрирующих различие между фрейдистским и бихевиористским подходом.

Первый пример, который я выбрал, касается поведения бьющихся головой. Это дети, которые без какой-то очевидной причины бьются своими головами по стенам, столам, стульями и т.д. и которые при этом могут ослепнуть (если сетчатка глаза отделяется) или даже умереть. Что рекомендуют психоаналитики, чтобы вылечить это очень опасное расстройство поведения? Ну, они исходят из того, что ребенок поступает так, чтобы привлечь к себе внимание своей матери и побудить ее проявить к нему любовь и расположение. Поэтому рецепт звучит так, чтобы матери всегда, когда ребенок начинает биться головой, брали его к себе, целовали и ласкали, и вообще были очень добрыми и ласковыми с ним. Это все выглядит очень человечно, и, вероятно, упомянутое объяснение также правильно. Все же, к несчастью, такое обращение вызывает как раз противоположность того, чего хочет добиться мать. Ненормальное поведение ребенка еще больше усиливается, так как ему кажется, что его вознаграждают за то, что он делает. И вследствие этого он еще чаще и сильнее бьется головой, чтобы получить еще больше внимания.

В отличие от этого, бихевиорист отказывается от любых интерпретаций и значений; вместо этого он просто применяет к этой ситуации универсальный метод кондиционирования (выработки условных рефлексов). Он инструктирует мать, чтобы та каждый раз, когда ребенок начинает биться головой, подняла его, посадила в пустую комнату и закрыла дверь снаружи. Через десять минут она должна снова открыть дверь и вернуть ребенка на то место, где он находился раньше. Но все это нужно делать, не показывая никаких чувств, не ругаясь, и оставаясь по возможности спокойной.

«Закон эффекта» сработает уже скоро: ребенок узнает, что удар головой оказывает отрицательное воздействие на поведение матери, и затем, несомненно, он прекратит усердствовать в этом ненормальном поведении. Психоаналитический способ, пожалуй, может быть гуманнее, но такое лечение на самом деле добивается полной противоположности того, что было целью. С другой стороны, бихевиористский подход кажется довольно механистическим, но зато это лечение действительно действует. И теперь пусть читатель сам ответит на вопрос, какой метод он предпочел бы, если бы у него был пятилетний сын, который постоянно бился бы головой и из-за этого рисковал бы ослепнуть или даже умереть? Я думаю, что задать вопрос – это уже значит ответить на него.

Но давайте еще посмотрим на несколько более сложную проблему: ночное недержание мочи (Enuresis nocturna). Как известно, есть много детей, которые ночью мочатся в кровать, и даже в том возрасте, в котором эта «дурная привычка» обычно уже не проявляется – во всяком случае, не проявляется у большинства детей. Откуда это берется, и что можно сделать против этого? Сначала снова ознакомимся со сведениями от психоаналитиков. В общем, они рассматривают ночное недержание мочи с большим подозрением. Как, все же, сказал один из них: «Энурез в психоанализе всегда рассматривается как симптом находящейся глубже болезни». Последнюю причину ищут при этом в основных образцах отношения детей и родителей, которые «с рождения формируются вследствие сложного взаимодействия бессознательных сил с обеих сторон». Некоторые из специфических теорий, как они были представлены аналитиками, – это формальные и предельно спекулятивные интерпретации на основе психоаналитической символики. Для одного психоаналитика недержание мочи представляет, например, «охлаждение пениса, огонь которого был осужден Сверх-Я». Для другого энурез был попыткой ускользнуть от мазохистской ситуации и вытолкнуть наружу деструктивные тенденции: моча считалась им агрессивной жидкостью, а пенис – опасным оружием. А третий психотерапевт думал, что ночное недержание мочи могло выражать потребность в любви и пониматься, так сказать, как «плач с помощью мочевого пузыря».

Есть еще много таких интерпретаций, все же, их легко можно распределить между тремя рубриками. Часть психоаналитиков полагает, что недержание мочи – это замещающее удовлетворение вытесненных генитальных сексуальных потребностей. Другие рассматривают его в качестве непосредственного проявления глубоко сидящих страхов и опасений. И третья группа интерпретирует энурез как скрытую форму враждебности против родителей или их заместителей, которую жертва не решается выразить открыто. Все эти теории настаивают на примате какого-либо психического «комплекса», причем сам «симптом» всегда только вторичной природы; во всяком случае, интерес врачей-клиницистов направлен всегда на «комплекс», а не на «симптом». Вследствие этого лечение тянется долго, так как оно предусматривает основательное изучение бессознательного пациента через толкование снов, словесную ассоциацию и другие сложные методы, и вообще анализирует многие аспекты характера ребенка, которые, очевидно, совсем несущественны для простого акта ночного недержания мочи. Тем не менее, нет никаких признаков того, что этот метод действует лучше, чем какое-то плацебо-лечение или вообще отсутствие лечения (улучшение у большинства больных энурезом, в любом случае, наступает через несколько месяцев или лет). Здесь у нас было бы еще одно доказательство бессилия психоанализа представить какие-нибудь доказательства своих многочисленных гипотез.

Но в чем же видят бихевиористы причины этой болезни, и какое лечение они предлагают? Итак, они рассматривают недержание мочи в большинстве случаев просто как неудовлетворительное образование привычки и полагают, что эта «слабость привычки» происходит от какого-то неправильного упражнения. Нормальное преднамеренное сдерживание мочи приводит ребенка к тому, чтобы реагировать на ночной раздражитель мочевого пузыря пробуждением. Ребенок учится вместо невольного мочеиспускания идти в туалет – или использовать свой горшок. Но если процесс этого учения оказывается неудачным, тогда результатом и становится Enuresis nocturna.

Основательные исследования показали, что иногда также бывают некоторые проблемы с мочевыделительной системой, т.е. физические причины. Однако в девяти из десяти случаев условием ночного недержания мочи является (неправильная) привычка (технически выражаясь: неудовлетворительная сила привычки). Если это предположение правильно, то и метод лечения должен был бы быть очень прост, ведь нужно только выработать – правильную – привычку посредством простого процесса формирования условных рефлексов по Павлову. Для этого лучше всего годится подкладка под постель из двух пористых металлических пластин, которые последовательно соединены с батареей и звонком, однако, изолированы друг от друга слоем войлока. Как только ребенок мочит

войлок, содержащая соль моча действует как электролит и производит связь между обеими металлическими пластинами. Вследствие этого замыкается электрическая цепь, срабатывает звоночек и будит спящего ребенка, который, со своей стороны, рефлекторно прерывает процесс мочеиспускания, может встать и так далее.

Сегодня этот метод применяется всюду в детской консультации (в частности, в английских и американских Child Guidance Clinics). Он совершенно надежен и безопасен, функционирует хорошо и быстро, и как родители, так и дети принимают его без возражений. Кроме того, мы можем извлечь из общей теории обучения несколько выводов о его специфическом принципе действия, которые уже были проверены экспериментально. Метод «войлока и звонка» сделал за прошедшее время фрейдистскую терапию излишней почти во всем мире. Да и почему мы должны придерживаться методов интерпретации, которые не имеют эмпирической опоры и не ведут к излечению, тогда как в противоположность этому наш куда более простой метод очень хорошо проверен экспериментально и, кроме того, приносит много быстрых и частых излечений? Естественно, фрейдисты не могли не возразить с тем аргументом, что это направленное чисто на «симптом» лечение, мол, никак не способствовало тому, чтобы уменьшить лежащий в основе расстройства страх; при этом именно страх в данном случае и следовало бы лечить. Между тем, факты, кажется, свидетельствуют точно о противоположном. Как раз недержание мочи и порождает страх; так как ребенок оказывается в незавидном положении, потому что его друзья смеются над ним, а его родители ругают его и иногда даже бьют. Но если лечение методом «войлока и звонка» сначала устранило расстройство поведения (а это как раз и есть ночное недержание мочи и ничто больше), то почти всегда оказывается, что склонность к страху уменьшается, и психическое равновесие ребенка также восстанавливается.

Мы могли бы привести еще много других примеров, например, лечение уже описанного в одной из предыдущих глав навязчивого мытья рук. Вероятно, мы только неохотно примиряемся с тем, что мы эволюционным путем происходим от звероподобных предков, и, вероятно, нас также не устраивает то, что мы, как и они, ограничены в нашем поведении физическими механизмами, которые кажутся нам примитивными и недостойными. Но ведь задача ученого – обращать свое внимание в первую очередь на факты, а не на то, что нам, людям, нравится, а что нет. Правильный способ оценивать теории – все равно, бихевиористического или герменевтического направления – состоит в том, чтобы проверять фактические последствия их применения. Но именно эти последствия применения указывают, в общем, на правильность бихевиористического подхода, тогда

как, с другой стороны, у герменевтических теорий, в особенности в их фрейдистском одеянии, постоянно всплывают ошибки и неточности.

В общих чертах ошибка герменевтики и, в частности, психоанализа основывается на том, что лежащая в основе ее установка – псевдонаучна. Фрэнк Чоффи выразил это однажды такими словами:

«Для псевдонауки характерно то, что гипотезы, которые она охватывает, стоят в асимметричном соотношении к разбуженным этими гипотезами ожиданиям, в том смысле, что, хотя за ними признают, что они указывают направление ожидаемых результатов, и они также считаются обоснованными по причине их исполнения, но и в случае неисполнения они тоже не лишаются доверия. Способ, которым она (псевдонаука) достигает этого, состоит в том, что она умеет истолковывать гипотезы *перед* (предсказанным) событием в узком и определенном смысле, и, напротив, делает это в более широком и расплывчатом смысле, если уже *после* события выявляется, что эти гипотезы оказались непригодными. Такие гипотезы ведут двойную жизнь – усмиренную и ограниченную в ожидании соответствующего (противоположного) наблюдения (counter-observation) и другую, более необузданную, даже распущенную перед лицом противоположного опыта. Однако эту характерную черту нельзя разоблачить простым созерцанием; если мы хотим установить, играют ли (предварительные) высказывания в действительности эмпирическую роль, тогда мы должны непременно узнать, что именно их защитники – и вовсе не мы – вообще готовы назвать фактическим опровержением (disconfirmatory evidence)».[3]

Но даже с герменевтической точки зрения Фрейд и психоанализ должны рассматриваться как «неудачи». Ведь единственное, что они предлагают нам, это фиктивные интерпретации псевдособытий, неудачи в лечении, нелогичные и непоследовательные теории, не уличенные заимствования у предшественников, «озарения» совершенно не доказанной ценности, а также диктаторская и нетерпимая группа приверженцев, которые – вместо того, чтобы добиваться правды – предаются пропаганде. Неудивительно, что у этого наследия были весьма отрицательные последствия для психиатрии и психологии – последствия, некоторые из которых нужно обсудить теперь.

Первым – и, вероятно, самым достойным сожаления – последствием было воздействие психоаналитической терапии на пациентов. Действительно их надежды на излечение и спасение снова и снова рушились, и в нескольких случаях лечение даже еще ухудшило болезнь. Как часто их жертва времени, энергии и больших денег должна была оставаться бесплодной, и насколько часто последующее разочарование оказывалось тяжелым ударом по их самоуважению, не

говоря уже об их естественном стремлении к счастью. Нам следует всегда помнить об этих больных судьбах, когда мы обсуждаем психоанализ. Потому что научные претензии Фрейда – это только одна сторона медали; другая же показывает терапевтические амбиции, и они, естественно, – с точки зрения человека – гораздо более важны. Во всяком случае, соответствующие неудачи психоаналитиков и их нежелание признавать собственные провалы никогда нельзя забывать.

Вторым последствием учения Фрейда была неспособность психологии и психиатрии развиться в настоящие науки о нормальном и ненормальном поведении. Можно с уверенностью сказать, что появление Фрейда отбросило эти дисциплины на более чем пятьдесят лет назад. Он умудрился в ранние годы экспериментальной психологии отвлечь научное исследование на попытки, которые не только были безуспешны, но и оказались, в конце концов, буквально регрессивными. Он возвысил отказ от доказательств (необходимость которого он признавал в той же малой степени, как и последующую пользу) почти до религии, последователями которой стали слишком многие психиатры и клинические психологи, не заботясь при этом о вреде для их дисциплины. Определенно – научное изучение человеческого поведения по самой своей природе создает большие препятствия. Но Фрейд, без сомнения, еще больше увеличил эти трудности, завербовав, как крысолов, в свои ряды всех тех, кто не был готов подчинить себя строгому образованию в области современной психологии, которое является для практикующего врача такой же необходимой предпосылкой, как для того, кто хотел бы достичь чего-то в области научных исследований. Фрейду едва ли можно простить также это; потому что ситуация обстоит таким образом, что будущим поколениям придется исправлять тот вред, который причинили этой дисциплине он и его приверженцы.

Третье последствие, принадлежащее к грехам Фрейда, – это вред обществу, который нанесли его теории. Ричард Ла Пьер показал в своей книге *The Freudian Ethic*, как психоанализ подрывал ценности, на которые опиралась западная цивилизация, и в то время как это основывается, по меньшей мере, частично на недопонимании теорий Фрейда, несмотря на это, в целом влияние Фрейда было весьма пагубно.

В ставшем известным стихотворении «Памяти Зигмунда Фрейда» («In Memory of Sigmund Freud») поэт Уистен Хью Оден однажды пояснил следующее:

«Кто ошибался и порою был абсурден.

Теперь уже он даже и не личность –

Для нас теперь он целый мир воззрений,

В котором жизни мы различные ведем».

Это очень проницательное замечание, которое может сделать честь поэту; но, все же, остается вопрос, соответствует ли этот «мир воззрений» – а под ним понимается атмосфера уступчивости, сексуального промискуитета, упадка «старомодных» ценностей и т. д. – нашим представлениям о правильной жизни. Даже «замечательный» доктор Спок, автор знаменитой книги об уходе за грудными детьми, отказался от своей ранее восторженной защиты учения Фрейда и признал вред, который оно причинило. Так что настала пора, чтобы мы оценили это обучение по-новому, при этом принимая во внимание не только его научную бесполезность, но и – и даже в первую очередь – его этический нигилизм.

Широкое влияние идей Фрейда на нашу повседневную жизнь едва ли может подвергаться сомнению, и оно вполне могло быть понятным также большинству мыслящих людей. Изменения в области сексуальной морали, воспитания детей, общих моральных принципов и многих других вещей, о которых высказывался Фрейд, просочились, несомненно, в самые широкие слои населения, и происходило это обычно не через чтение каких-нибудь оригинальных текстов, а вследствие того сильного воздействия, которое Фрейд оказал на литературный мир и средства массовой информации – на журналистов, телевизионных авторов и телерепортеров, кинематографистов и многих других, которые действуют как посредники между академической наукой и образованием и широкой общественностью. Если добавить к этому еще литературную критику и уже рассмотренные в последней главе исторические науки вместе с культурной антропологией, которые все проникнуты сегодня фрейдистскими представлениями, то никоим образом нельзя переоценить масштаб, в котором психоанализ разложил общество. Плохо в этом то, что приверженцы Фрейда твердо и решительно принимают правильность его представлений как данность и уже совсем больше не задумываются о вопросах их доказуемости. Результатом этого является большая интеллектуальная инертность, которая даже наиболее убедительной критике затрудняет оспаривание веры в «динамическую» психологию. Во всяком случае, как литературные критики и историки, так и представители таких «гуманных» профессий как учителя, социальные работники и т.д., никак не дают уговорить себя ознакомиться с дифференцированными аргументами и экспериментальными исследованиями, особенно если те угрожают обрушением всей конструкции учения. Но есть еще и другие причины, почему психоанализ в сравнении с экспериментальной психологией с такой легкостью нашел доступ к интел-

лектуальным (и даже неинтеллектуальным) кругам и добился их одобрения. В первую очередь, экспериментальные психологи (т.е. психологи школы экспериментальной психологии – прим. перев.) используют профессиональный жаргон, который – как и у других естествоиспытателей тоже – базируется на экспериментальных парадигмах (т.е. на образцовых экспериментах) и математической и статистической обработке. И такой жаргон, в свою очередь, не доступен людям без специального образования. С другой стороны, язык Фрейда понятен каждому, кто может читать немецкую прозу [в англоязычных странах это уже проблематично из-за перевода]. Такие выражения как «Verdrängung» («вытеснение») [в английском слове «repression» также значит «подавление»] сразу понятны всем (или, по меньшей мере, так кажется). Напротив, такие термины как «кондиционированное подавление» («обусловленное торможение» или также немецкое «обусловленное препятствие»), «закон Хика» или «триединый мозг» абсолютно непонятны без объемного комментария. (У чёрта всегда есть лучшие мелодии).

Кроме того, психоанализ обрабатывает явно «важные» и «существенные» проблемные области, такие как стимулы (мотивация) и аффекты (эмоция), любовь и ненависть, психические расстройства, связанные с культурой конфликты, смысл жизни и самые внутренние причины – «этиологию» – нашего повседневного поведения. Он дает все-таки возможное объяснение (даже если это объяснение ошибочно) нашего существования, наших успехов и неудач, наших личных триумфов и катастроф, наших неврозов, так же, как и нашего повторного выздоровления. С другой стороны, экспериментальная психология, как кажется, занимается эзотерическими, неважными и совершенно несущественными проблемам, которые могут представлять интерес только для самого психолога. И эта характеристика оказывается даже достаточно близка к истине, чтобы убедить очень умных и интеллектуальных людей (также многих психологов!) в том, что у нас есть только выбор между значимой для людей дисциплиной, даже неважно, насколько ненаучен ее подход, и дисциплиной, которая абсолютно несущественна для наших самых важных, первейших проблем, пусть даже ее методология и соответствует строгим требованиям точной науки.

Многие экспериментальные исследователи не только принимают этот приговор, но они также сами кокетничают с этим. Подобно знаменитому английскому математику Годфри Харди, они любят экспериментальную работу как раз потому, что она, как им кажется, не имеет практических последствий. Они думают, что их задания появляются сами по себе и не имеют никакого отношения к проблемам повседневной жизни. Такое бегство от реальности (можно было бы назвать его эскапизмом) сложно понять, тем более что оно почти с уверенностью оканчивается неудачей; так как даже математика Харди оказалась полезной и при-

менимой в практических вещах (что доказывает, например, создание атомной бомбы). Похожим образом кажущаяся такой эзотерической работа о кондиционировании (выработке условного рефлекса) у собак была основополагающей для нас в том, что она дала модель для возникновения – и возможного устранения – неврозов. Павлов определенно никогда не сомневался в практическом значении открытых им закономерностей – и насколько же прав он в этом оказался! Но впечатление практической несущественности экспериментальной психологии сохраняется, и, к сожалению, также в этом (плохом) мнении есть довольно много правды. Многие экспериментаторы концентрируются на слишком маленьких проблемах, которые они решают методически элегантно, но эти проблемы не имеют реального научного значения. Это, естественно, касается далеко не всех исследователей-экспериментаторов; и, собственно, существующих уже сегодня свидетельств человеческой реальности должно было бы быть достаточно, чтобы произвести впечатление даже на самого твердого скептика (если он только хотел слышать и видеть). Эта книга писалась не в последнюю очередь для того, чтобы точно прояснить именно этот критический вопрос: мы можем объединить друг с другом важность и строгость, значение для человека и чистоту научного эксперимента. Остается лишь убедить мир в этой важнейшей истине. Большинство наших современных общественных проблем – от войны до политического стремления к власти, от психических расстройств до супружеской дисгармонии, от забастовок до расизма – это явления психологической природы. Поистине, пришла пора потребовать помощь науки, чтобы решить эти проблемы раз и навсегда.

С влиянием Фрейда можно сравнить влияние Маркса, в том отношении, что Маркс тоже построил всю систему своего учения на «интерпретациях» и считал прямые доказательства излишними. К этому добавляется то, что очень немногие из тех, которые утверждают сегодня, что разделяют его представления, потрудились когда-нибудь прочитать его оригинальные тексты или же, по крайней мере, проконсультироваться со вторичной литературой – все равно, насколько логичной она была. В действительности марксисты современности часто представляют точки зрения, которые диаметрально противоположны взглядам и учению Маркса и Ленина. Один из примеров этого – вопрос о наследственности интеллекта: как Маркс, так и Ленин недвусмысленно высказывались о том, что они понимали под своей верой в «равенство» – как существенный для социализма идеал – *социальное,* а отнюдь не *биологическое* равенство, причем они специально подчеркивали, что достичь последнего абсолютно невозможно. Таким образом, также из их трудов ясно следует, что они считали, что интеллект и другие способности однозначно имеют генетическую основу. Тем не менее, некоторые из их современных приверженцев утверждают точную противоположность. То же самое касается и Фрейда: даже если мы не будем учитывать насто-

ящих «мятежников», то упомянутый выше «мир воззрений», который создали его приверженцы, заметно отклоняется от того, что он сам еще смог бы принять. И только из-за того, что также в этих случаях можно подтвердить «прародительскую роль» Фрейда, никогда также нельзя полностью освободить его самого от (частичной) вины.

Но если ценность психоанализа столь невелика, и последствия от его применения настолько плохи, почему же он тогда стал таким влиятельным? Как было возможно, что один человек смог убедить общественность в значении своих теорий, когда они не только не могли быть обоснованы доказательствами, а – по меньшей мере, в нескольких случаях – прямо противоречили указанным им самим примерам; теорий, которые, в принципе, происходили только из переноса их автором своих собственных невротических проблем (и их самоанализа) на все человечество? Ну, можно только надеяться, что будущие социологи и психологи найдут окончательный ответ на эти интересные и важные вопросы и вместе с тем положат конец всему этому безобразию.

При всем том не нужно упускать из виду тот факт, что теория Фрейда никогда не была общепринятой в среде ученых (занимающихся естественными науками) и других людей с высшим образованием, мышление которых благодаря их образованию приобрело определенный уровень строгости. Те, которые воодушевленно восприняли его послание и сделали широко популярным, были – если не считать переполненных энтузиазмом психоаналитиков – людьми двоякого вида, которых – при всей их прочей квалификации – следует поместить за пределами царства науки. Одна группа состоит из учителей, социальных работников, общественных попечителей, наблюдающих за поведением условно осужденных и других, которые по своей профессии, хотя и не в медицинской сфере, должны иметь дело с проблемами других людей. Такие люди часто сталкиваются с очень трудными заданиями, так что они ощущают понятную необходимость специального содействия со стороны психологических теорий. Психоанализ, как им кажется, может дать им эту помощь, и поэтому они принимают его с благодарностью. Ведь психоанализ дает им, все же, наряду с иллюзией власти, чувство владения определенными специальными знаниями, на которые они могут ссылаться для оправдания своих действий. И хотя в действительности речь при этом идет о псевдознаниях, но даже такие псевдознания все-таки помогают этим людям приобрести значительный престиж среди общественности. Поэтому они до сих пор всегда с такой яростной и твердой решимостью держались за психоанализ (также и тогда, когда контраргументы давно были известны). Вред, который эти люди причинили от имени Фрейда, как уже говорилось, трудно оценить. Кроме того, однако, досадно еще и то, что их психоаналитический об-

раз мыслей смог помешать тому, чтобы они занялись другими, более научными направлениями в психологии.

Вторая, совершенно другая группа приверженцев Фрейда состоит из членов литературного истэблишмента. Для них идеи и воззрения Фрейда оказались очень желанной заменой устаревшей греко-римской мифологии, для которой больше не было места в современных романах, спектаклях или стихотворениях. Теперь появилось изобилие новых представлений, двусмысленностей и «опытов», которые были общеизвестны в образованном мире, на которые можно было намекать сколько угодно и которые можно было реализовывать в любом виде и для любого литературного сюжета. Где раньше на сцене появлялись Зевс, Афина, Ахилл и т. д., теперь действовали (или бесчинствовали?) «цензор», «Сверх-Я», Эрос и Танатос (в современном одеянии, разумеется) и другие как будто мифологические фигуры. Во всяком случае, теория Фрейда для второразрядных писателей стала золотой жилой, которую можно было эксплуатировать бесконечно. Нечего удивляться тому, что большинство литераторов были твердыми защитниками психоаналитического движения.

Как, однако, выглядит положение сегодня? Время расцвета фрейдизма выпало на сороковые и пятидесятые годы, и он также достаточно хорошо сохранял свои позиции вплоть до шестидесятых годов. Затем критика начала усиливаться, и постепенно психоанализ утратил свое выдающееся положение. Это касается, прежде всего, академических учреждений в Соединенных Штатах и Великобритании, где современные кафедры психиатрии концентрируются теперь на биологической стороне душевно-психических расстройств и особенно на фармакологических методах лечения и, кстати, ищут и бихевиористические методы, чтобы присоединить их к своему теоретическому и практическому фонду. Но также и в области психологического исследования психоанализ – как теория и терапия – за два последних десятилетия должен был все больше и больше отступать перед поведенческой теорией и поведенческой терапией (кривые спуска и подъема пересеклись приблизительно двадцать лет назад). Разумеется, это неизбежно продолжится еще довольно долгое время, пока психоаналитики, которые – в особенности в американской и частично также в британской психиатрии – не только пользовались всем престижем, но и занимали все командные позиции, удалятся на покой и уступят место более молодым людям с современными идеями. Макс Планк однажды сделал очень меткое замечание, что даже в физике новые теории побеждают не путем острых дискуссий, в которых создатели нового переубеждают своих оппонентов, но старые идеи уступают место новым потому, что носители старого умирают, а новое поколение воспитывается уже на новых идеях. То же самое случится, без сомнения, также в психологии и психиатрии.

Все-таки сегодня можно ясно сказать, что психоанализ как движение находится в упадке, что он как теория лишился любой академической достоверности, и что он как метод лечения находит все меньшее применение. История учит нас, что все науки должны пройти через трудное испытание шарлатанством. Астрономия должна была отделиться от астрологии. Химии пришлось сбросить с себя оковы алхимии. Даже науки о мозге должны были избавиться от спекуляций френологии (учения, согласно которому характер человека можно было открыть путем ощупывания шишек на его голове!). Также психология и психиатрия должны будут преодолеть свою псевдонаучную фазу в форме психоанализа. Если они однажды повернутся спиной к Фрейду и его теориям, то они так смогут легче справиться с утомительной, но неизбежной задачей превращения своей дисциплины в настоящую науку. Это наверняка не будет простым заданием, тем более что – судя по тому, как обстоят дела – не нужно рассчитывать на то, что сокращения этого пути, в конце концов, окупятся.

Что мы можем в завершение еще сказать о Фрейде и его месте в истории? Он был несомненным гением, но, разумеется, гением не науки, а пропаганды, не строгого доказательства, а убеждения, не точного планирования экспериментов, а яркого художественного языка. Его место вовсе не рядом с Коперником и Дарвином – как он сам думал, а рядом с Гансом Христианом Андерсеном и братьями Гримм, великими сказочниками. Это может показаться грубым приговором, но я думаю, что будущее признает его правоту. Кстати, в этом я совпадаю с сэром Питером Медаваром, лауреатом Нобелевской премии по медицине, который констатировал, что в психоанализе содержалась определенная истина, так же как она была в месмеризме или во френологии (например, концепция локализации [психических] функций в мозге). Но если рассматривать его в целом, то психоанализ не принес почти ничего. Он – конечный продукт – как динозавр или дирижабль; ни одна лучшая теория не могла бы когда-нибудь возникнуть на его руинах, и он навсегда останется одним из самых печальных и самых странных из всех ориентиров в истории мышления нашего столетия.

Вероятно, нам стоило бы процитировать также несколько более поэтическое сравнение, с которым сэр Фрэнсис Бэкон (основатель английского эмпиризма) за три века до Фрейда предостерегал от соблазна обманчивым внешним видом:

«… Настоящее достояние наук живо изображается басней о Сцилле, у которой голова и лицо девы, а у чресл – опоясание из лающих чудовищ. Так и привычные нам науки содержат общие положения, привлекательные и благообразные, но если обратиться к их специальным разделам, как бы производящим частям, чтобы они выдали плоды и дела, то вместо плодов все заканчивается препирательствами и злобным лаем споров».

Но оставим цитаты поэтов и мыслителей и констатируем еще раз коротко и ясно, что психоанализ – это в лучшем случае преждевременная кристаллизация ошибочных ортодоксий, а в худшем случае, псевдонаучная доктрина, нанесшая огромный вред не только психологии и психиатрии, но и бесчисленным пациентам, которые последовали за ее зовом сирен и напрасно возложили на нее свои надежды и чаяния. Пришло время отбросить учение Фрейда как исторический курьез и сконцентрировать наше внимание на том, чтобы создать действительно научную, можно сказать: объективную психологию.

----

[1] R. Stevens (1983) *Freud and Psychoanalysis,* Milton Keynes: Open University Press.

[2] P. Rieff *Freud: The Mind of the Moralist.*

[3] F. Cioffi (1970) «Freud and the Idea of a Pseudo-Science», указ. соч., стр. 474 (cf. in H.H. Eysenck – Die *Zukunft der Psychologie,* München: List 1977, стр. 132, und Eysenck/Wilson (1979) – *Experimentelle Studien...,* указ. соч., стр. 24, также другие переводы).

Библиография и дальнейшая рекомендуемая литература

На протяжении моей длинной и наполненной работой жизни я смог прочитать несколько сотен книг о Фрейде и психоанализе наряду с тысячами статей. Так как данная книга была написана для обычного читателя, а не для специалиста, я воздержался от того, чтобы подтверждать каждое процитированное или упомянутое высказывание – критику или комментарий – в отдельности. Зато я посчитал полезным указать те книги, к которым мог бы обратиться заинтересовавшийся читатель – будь то как вторичный источник, будь то для более детальной информации о состоянии дискуссии или же для получения сведений о важных технических деталях. Это было сделано мною в соответствии с порядком глав, к которым относятся данные книги, даже если при этом неизбежно произошло несколько дублирований.

(Имена авторов, названия книг и издательские данные приводятся на языке оригинала. – прим. перев.)

Введение

Я исхожу из того, что читатель уже в определенной мере познакомился с идеями Фрейда и, вероятно, уже знает некоторые из его наиболее важных произведений. В этой книге я особенно разбирался со следующими текстами Фрейда:

An Autobiographical Study (London: Hogarth 1946 [dt.: *Selbstdarstellung,* 1925d, GW XIV]); *Case History of Schreber* (London: Hogarth 1958 [cf. dt.: *Psychoanalytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia (Dementiaparanoides),* 1911c, GW VIII]); *Three Essays on the Theory of Sexuality* (London: Hogarth 1949 [dt.: *Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie,* 1905 a, GW V]); *Leonardo Da Vinci* (Standard Edition of the Complete Psychological Works, Volume 11 [dt. u.d.T. *Eine Kindheitserinnerung des Leonardo da Vinci,* 1910c, GW VIII]); *The Interpretation of Dreams* (London: Allen & Unwin 1937 [dt.: – *Die Traumdeutung,* 1900a, GW II/III]); *Introductory Lectures in Psychoanalysis* (London: Allen & Unwin 1933 [dt. u.d.T. *Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse,* 1916-17, GW XI, dazu *Neue Folge der Vorlesungen*..., 1933a, GW XV]); *Psychopathology of Everyday Life* (London: Allen & Unwin 1914 [dt.: *Zur Psychopathologie des Alltagslebens,* 1901b, GW IV]); *Totem and Taboo* (London: Routledge 1919 [dt.: *Totem und Tabu,* 1912-13, GW IX]); *The Analysis of a Phobia in a Five-year-old Boy* (Collected Papers, Volume 3, London: Hogarth 1950 [dt. u.d.T. *Analyse der Phobie eines fünfjährigen Knaben,* 1919b, GW VII]); *The Wolf-Man: With the Case of the Wolf-Man by Sigmund Freud* (ed.: Muriel Gardiner, New York: Basic Books 1971 [cf. dt.: *Aus der Geschichte einer infantilen Neurose,* 1918b, GW XII]).

Тем, кто не знакомы с творчеством Фрейда, можно предложить обратиться к самому лучшему и понятно написанному обзору – книге Roland Dalbiez с заголовком *Psychoanalytical Method and the Doctrine of Freud,* London: Longmans, Green & Co. 1941 [Orig, frz.: *La Methode Psychoanalytique et la Doctrine Freudienne,* Brügge 1936]. Автор, хоть и сторонник Фрейда, тем не менее, при этом не настроен некритически, и сделанный им подбор историй случая, толкований снов и многого другого кажется мне отличным.

Замечательное обсуждение учения Фрейда с точки зрения научной теории (Philosophy of Science) можно найти в книге: Adolf Grünbaum *The Foundations of Psychoanalysis* (University of California Press 1984). Это окончательная работа по этой теме, компетентная и информативная одновременно, убедительная в своей логической строгости и основанной на аргументах уверенности; сверх того, автора нужно похвалить за его обширные знания как психоаналитической, так и философской литературы.

Читателям, которые признают право на критику только за теми авторами, которые сами прошли через психоанализ, без сомнения, извлекут пользу из опытов J. V. Rillaer – уважаемого бельгийского психоаналитика, который утратил свои иллюзии и написал затем максимально показательную книгу, которая очень критически разбирается с теориями и методами его коллег: *Les Illusions de la*

Psychoanalyse (Brüssel: Mardaga 1980). Эта книга – хотя она до сих пор доступна только на французском языке – классический источник для критики психоанализа. Обширная критика с точки зрения американской психиатрии содержится в книге Bernie Zilbergeld: *The Shrinking of Amerika: Myths of Psychological Change* (Boston: Little, Brown & Co. 1983). Автор, который располагает длительной психиатрической практикой, рассказывает о своих опытах, ничего при этом не скрывая.

С точки зрения общей медицины книга написана книга E. R. and C. Pinckney: *The Fallacy of Freud and Psychoanalysis* (Englewood Cliffs: Prentice-Hall 1965). Это полезное возражение на широко распространенное мнение, будто бы все болезни обусловлены психосоматическими факторами. Другая основывающаяся на продолжительном опыте общая критика психоанализа содержится в R. M. Jurjevich *The Hoax of Freudism* (Philadelphia: Dorrence 1974). Эту книгу стоит читать вместе с изданным S. Rachman сборником *Critical Essays on Psychoanalysis* (London: Pergamon Press 1963).

Две книги с французской или немецкой точки зрения предлагают несколько отклоняющиеся перспективы: Pierre Debray-Ritzen *La Scolastique Freudienne* (Paris: Fayard 1972) и Helmut T. Kaplan *Ist die Psychoanalyse wertfrei?* (Bern/Stuttgart/Wien: Hans Huber Verlag 1982). Обе покрывают довольно широкую область и в этом отношении важны для нашего введения; однако, они касаются – по меньшей мере, частично – также следующих глав.

Первая глава

Если мы обратимся теперь к главе, посвященной «Фрейду как человеку», то сначала нужно упомянуть некоторые из наиболее известных биографий, прежде всего знаменитое трехтомное сочинение Ernest Jones: *The Life and Work of Sigmund Freud, in Three Volumes* (London: Hogarth Press 1953/55/57 [dt.: *Das Leben und Werk von Sigmund Freud*, Übers.: Katharine Jones und Gertrud Meili-Dworetzki, Bern/Stuttgart/Wien: Hans Huber Verlag 1960/62/62; Nachdruck München: Deutscher Taschenbuch Verlag 1984, dtv 4426: 3 Bde.]). К сожалению, я не могу не констатировать, что речь при этом идет больше о мифологии чем о настоящей биографии; так как в действительности Джонс оставляет в стороне почти все темные пункты, в особенности все данные и происшествия, которые могли бы бросить неблагоприятный свет на процесс развития мэтра, так что портрет кажется исключительно приукрашенным. То же самое касается также двух следующих жизнеописаний: Max Schur *Freud: Living and Dying* (London: Hogarth Press 1972 [dt.: *Sigmund Freud: Leben und Sterben*, Übers.: Gert Müller,

Frankfurt/M.: Suhr- kamp 1973]) и Emil Ludwig *Der entzauberte Freud* (Zürich: Carl Posen 1946 [engl. u.d.T. *Dr. Freud: An Analysis and a Warning*, New York: Hellman, Williams & Co. 1948). В особенности последняя биография была одно время очень популярна.

Все же читателям, которые больше интересуются правдой, чем поэзией, я могу порекомендовать E. N. Thornton *Freud and Cocaine: The Freudian Fallacy* (London: Blond & Brigg 1983). Автор – квалифицированный историк медицины, и она ничем не обязана творчеству Фрейда; контраст несомненен. Также критическая, при этом, однако, в высшей степени объективная и богатая доказательствами работа Frank J. Sulloway *Freud: Biologist of the Mind: Beyond the Psychoanalytic Legend* (London: Burnett Books Ltd. 1979 [dt. u.d.T. *Freud – Biologe der Seele. Jenseits der psychoanalytischen Legende*, Übers. Hans-Horst Henschen, Köln-Lövenich: Hohenheit Verlag 1982]) – превосходная книга, которая разоблачает много мифов, сплетенных вокруг Фрейда. То же самое можно сказать о Henry F. Ellenberger *The Discovery of the Unconscious: The History and Evolution of Dynamic Psychiatry* (London: Allen Lane 1970 [dt.: *Die Entdeckung des Unbewußten*, Übers. Gudrun Theusner-Stampa, 2 Halbbände, Bern/Stuttgart/Wien: Hans Huber Verlag 1973]). Элленбергер очень постарался показать зависимость Фрейда от более ранних авторов, в частности, от Pierre Janet, и его описание уже сегодня может быть названо классическим. В меньшем масштабе это касается также произведения Lancelot Law Whyte *The Unconscious Before Freud* (New York: Basic Books 1960; London: Tavistock Publications 1982). Автор во всех подробностях пересказывает двухтысячелетнюю историю всех тех, кто указали – частично уже давно – перед Фрейдом на значение бессознательного с его фантастическими проявлениями.

Отношения между Фрейдом и его приверженцами точно так же представляли большой интерес для многих, тем более что благодаря им можно было проиллюстрировать утверждение, что теории Фрейда в значительной степени базируются на его собственной биографии. Двумя книгами, которые нужно упомянуть в этой связи, являются Paul Roazan *Freud and his Followers* (London: Allen Lane 1976 [dt.: *Freud und sein Kreis: eine biographische Geschichte der Psychoanalyse*, Übers. G. H. Müller, Bergisch-Gladbach: Gustav Lübbe Verlag 1976]) и Robert S. Steele *Freud and Jung: Conflicts of Interpretation* (London: Routledge & Kegan Paul 1982). Оба дают отличное представление о конфликтах и сопротивлении внутри этого кружка, об авторитарной позиции Фрейда и о диаспоре, которая следовала за «отлучением от церкви» многих из его ранних соратников.

Вторая глава

Книга Karin Obholzer важна для нашей главы о «Психоанализе как методе лечения», а именно *Gespräche mit dem Wolfsmann: eine Psychoanalyse und ihre Folgen* (Reinbek: Rowohlt 1980 [engl. u.d.T. *The Wolf-Man: Sixty Years Later*, London: Routledge & Kegan Paul 1982]). Кроме буквальной передачи ее «интервью» образованная в области психологии журналистка рассказывает о судьбе одного из самых знаменитых пациентов Фрейда, о котором тот утверждал, что вылечил его, и несмотря на это бывшему пациенту пришлось последующие 60 лет, которые должны были пройти до его смерти, страдать от тех же самых психических трудностей и расстройств, от которых он страдал и перед его «излечением».

(Стоит отметить, что «Wolfsmann» был русским. Звали его Сергей Константинович Панкеев, родился он в 1886 году в Одессе и лечился у Фрейда в 1910-1914 годах. С 1920 года жил в Вене. Умер в 1979 году, прожив 93 года. – прим. перев.)

Хорошее обсуждение конкретных случаев, которыми занимался Фрейд и претендовал на их успешное излечение, содержится в книге Christof ESCHENRÖDER *Hier irrte Freud* (Wien: Urban & Schwarzenberg 1984).

Две книги еще упомянуты в нашем тексте, чтобы проиллюстрировать выдвинутый в книге H. Strupp, S. W. Hadley и B. Gomes-Schwartz в *Psychotherapy for Better or Worse: the Problem of Negative Effects*, (New York: Aronson 1977) тезис, что психоанализ часто оказывает в высшей степени вредное влияние на психическое здоровье пациента. Речь идет, во-первых, о Stuart Sutherland *Breakdown: A Personal Crisis and a Medical Dilemma* (London: Weidenfeld 1976), и во-вторых, о Catherine York *If Hopes were Dupes* – (London: Hutchinson 1966). Эти книги должен прочесть каждый, кто хотел бы знать, что действительно происходит во фрейдовском анализе – а именно с точки зрения пациента.

Третья глава

Наша глава о «психотерапевтическом лечении и его альтернативах» опирается на дискуссию, последовавшую за статьей, который я в 1952 году под заголовком «The Effects of Psychotherapy» опубликовал *Journal of Consulting Psychology* XVI, Nr. 5, стр. 319-324 [dt.: «Die Wirkungen der Psychotherapie: Eine kritische Einschätzung», к этому новые комментарии, Übers. Sabine Roeder, in: H. J.

Eysenck/G. D. Wilson (Hrsg.) *Experimentelle Studien zur Psychoanalyse Sigmund Freuds*, Wien/ München/Zürich: Europa Verlag 1979]).

Специально по теме альтернативных методов лечения я рекомендую параллельное чтение следующих двух источников. Один предлагает обширный краткий обзор собранных к настоящему времени свидетельств о воздействиях психоанализа и психотерапии и написан он Stanley Rachman и G. Terence Wilson; называется он: *The Effects of Psychological Therapy* (London: Pergamon 1980). Другая книга написана Mary Lee Smith, Gene V. Glass и Thomas I. Miller и называется *The Benefits of Psychotherapy*, (Baltimore: Johns Hopkins University Press 1980). В этой книге также кратко излагается имеющаяся литература, тем не менее, книга заканчивается утверждением, что эффективность психотерапии доказана; к сожалению, доказательства говорят о прямо противоположном (причины мы назвали выше).

Читатели, которые хотят больше узнать об альтернативных методах лечения как, например, поведенческая терапия, могут многое узнать из написанной больше в научно-популярном стиле книги H. J. Eysenck: *You and Neurosis* (London: Temple Smith 1977 [dt. u.d.T. *Neurose ist heilbar*, Übers. Wilhelm HÖCK, München: Paul List Verlag 1978]).

Четвертая глава

Основной источник для главы о «Фрейде и развитии ребенка» – это книга C. W. Valentine: *The Psychology of Early Childhood* – «Психология раннего детства» – (London: Methuen 1942), и одна глава Frank Cioffi под названием «Freud and the Idea of Pseudo-Science», содержащийся в изданном Cioffi вместе с M. R. Borger сборнике *Explanations in the Behavioural Sciences*, (Cambridge: Cambridge University Press 1970).

Что касается истории случая *«маленького Ганса»*, то я опирался на подробную и показательную критику Joseph Wolpe u. Stanley Rachman in «Psychoanalytic Evidence: A Critique Based on Freud's Case of Little Hans» (in: *Journal of Mental and Nervous Diseases*, 1960, стр. 131 u. 135-45 [dt.: *Psychoanalytischer «Beweis»: Eine Kritik anhand von Freuds Fall des Kleinen Hans*, in: Eysenck/Wilson (1979) *Experimentelle Studien zur Psychoanalyse Sigmund Freuds*, стр. 379ff.]). Впрочем, большой важный материал об этом содержится также в книгах, которые указываются к следующим главам.

Пятая глава

Если мы обратимся теперь к литературе о «толковании Фрейдом сновидений», то я поневоле должен ограничиться маленьким выбором из множества книг. Отличное введение в психологию сна предлагает H. B. Gibson *Sleep, Dreaming and Mental Health*. Также нужно назвать: D. B. Cohen *Sleep, Dreaming: Origins, Nature and Functions* (London: Pergamon Press 1979), и сборник Arthur M. Arkin, John S. Anthrobus u. Steven J. Ellman *The Mind in Sleep* (Hillstale, N. J.: Lawrence Erlebaum 1978). Другое подробное описание – это David Foulkes *Children's Dreams: Longitudinal Studies*, (New York: John Wiley 1982). Автор, начинавший как убежденный фрейдист, показывает, как его собственные исследования лишили его иллюзий.

Кроме того, нужно назвать: Montague Ullman and N. Zimmerman с их книгой *Working with Dreams*, (London: Hutchinson 1979) и R. M. Jones с *The New Psychology of Dreaming*, (London: Penguin Books 1970); последний автор – тоже психоаналитик, который со временем пришел к критическому отношению к теориям Фрейда. Но самым важным трудом в этом контексте можно было бы назвать Calvin S. Hall *The Meaning of Dreams*, (New York: Harper 1953), где разрабатывается конкурирующая с теорией Фрейда теория, которая представляется гораздо более разумной, чем та, и может опереться на много доказательств.

Наконец, я в этой главе касаюсь еще древнего пристрастия культурных людей к символическому изображению мужских и женских половых признаков посредством острых и соответственно круглых предметов. Подробное исследование по этой теме дает J. N. Adams в *The Latin Sexual Vocabulary*, (London: Duckworth 1982), откуда я взял свои примеры.

Относительно т.н. ошибок и оговорок по Фрейду я опирался на две книги. Первая написана Sebastiano Timpanaro: *The Freudian Slip: Psychoanalysis and Textual Criticism* (London: New Left Books 1976 [Orig. ital.: *IILapsus Freudiano*, La Nuova Italia 1974]). Вторая опубликована Victoria Fromkin и называется *Errors in Linguistic Performance: Slips ofthe Tongue, Ear, Pen, and Hand*, (London: Académie Press 1980). Обе дают замечательное и в то же время интересное введение в теорию и экспериментальное исследование таких ошибок с лингвистической и с экспериментально-психологической точки зрения.

Шестая глава

Что касается «экспериментального исследования гипотез Фрейда», то две книги могут использоваться как источник. Одна была написана Paul Kline и называется *Fact and Fantasy in Freudian Theory*, *(*London: Methuen 1972). Это подробный отчет о всех тех исследованиях, которые предпринимались в намерении проверить утверждения Фрейда в лаборатории. Автор не некритический, однако, он снова и снова упускает момент принять во внимание альтернативные гипотезы. По этой причине мы хотя и можем согласиться с его отклонением большой части так называемых доказательств правильности психоаналитических теорий, все же, его положительные оценки кажутся нам чрезвычайно сомнительными. Этот последний пункт особенно объяснен в изданной H. J. Eysenck и G. D. Wilson книге *The Experimental Study of Freudian Theories* (London: Methuen 1973 [dt.: *Experimentelle Studien zur Psychoanalyse Sigmund Freuds*, Übers. Sabine Roeder, Wien: Europa Verlag 1979 (ср. особенно «комментарий» на стр. 122 и последующих страницах.)]). Авторы собрали в этой книге те эксперименты, которые, по мнению компетентных критиков, образуют самую сильную опору учения Фрейда, и пытается показать, что в действительности они ни в коем случае не выполняют эту функцию. Это дело читателя, кого ему выбрать – Клайна или Айзенка и Уилсона.

Седьмая глава

Мои озаглавленные «Психоболтовня и псевдоистория» рассуждения основываются на книге D. E. Stannard под названием *Shrinking History*, (Oxford: Oxford University Press 1980). В ней вынесен уничтожающий вердикт утверждениям Фрейда и его приверженцев, что историю якобы можно изучать с точки зрения психоанализа.

Что касается антропологического аспекта главы, то заинтересовавшийся читатель может воспользоваться в качестве источников двумя книгами. Во-первых, это Marvin Harris *The Rise of Anthropological Theory*, (New York: T. Crowell 1968), а во-вторых, Edwin R. Wallace *Freud and Anthropology: A History and Reappraisal*, (New York: International Universities Press 1983). Кроме того, я цитировал Derek Freeman *«Margaret Mead and Samoa»* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press 1983), так как эта книга очень хорошо показывает, какие сильные недостатки могут обнаружить антропологические теории и модели объяснения в отношении их фактической подоплеки.

Восьмая глава

К нашей «последней дани уважения» основателю психоанализа мы хотели бы порекомендовать книгу Nordman Morris *A Man possessed: The Case History of Sigmund Freud*, (Los Angeles: Regent House 1974). Эта работа, впрочем, важна также для первой главы, так как она объясняет личность Фрейда тем способом, который согласуется с нашей интерпретацией творчества Фрейда как расширения его личности. Кроме того, это касается и второй главы о «психоанализе как методе лечения», поскольку речь в книге идет и о том, как выглядит анализ в переживании жертвы – пациента.

Учение Фрейда под этическим аспектом рассматривает книга Richrad La Piere *The Freudian Ethic* (London: Allen & Unwin 1960; New York: Duell, Sloan & Perce 1961), причем она указывает, в частности, на тот огромный вред, который психоанализ нанес американскому (и, конечно, также европейскому) обществу.

Работы B. A. Farrel *The Standing of Psychoanalysis*, *(*Oxford: Oxford University Press 1981) и R. Stevens *Freud and Psychoanalysis* (Milton Keynes: Open University Press 1983) обсуждают многие из поднятых нами вопросов, не в последнюю очередь место психоанализа в общей системе наук. Обе книги написаны людьми, которые критически относятся к психоанализу, и, во всяком случае – как я пытался указать – принимают его лишь в том смысле, который, в конечном счете, ограничивает его до ненаучного статуса.

Естественно, существует еще гораздо больше книг и, кроме того, множество статей, которые может и должен прочитать каждый, кто хочет выглядеть компетентным человеком при обсуждении спорных проблем. Указания на них можно найти в библиографии к указанным выше книгам, из-за чего здесь вряд ли было бы полезно выходить за рамки уже названных произведений.